

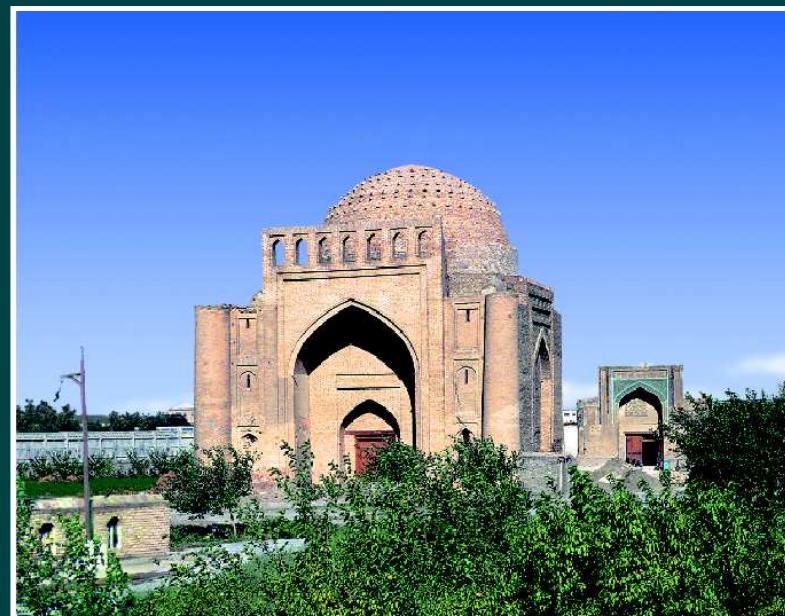

Нина Борисовна Немцева – археолог, известный среднеазиатский исследователь – медиевист, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории АН РУз. Вся творческая жизнь автора посвящена изучению памятников материальной культуры средневековой Средней Азии. Основное направление исследований – археолого-архитектурные памятники зодчества Узбекистана. Вела многолетние археологические работы на крупных архитектурных ансамблях и отдельных объектах Узбекистана, Казахстана, Таджикистана. Имеет около 100 научных статей, несколько книг и буклетов, опубликованных в Ташкенте, Самарканде, Москве, а также в Берлине, Вене, Лондоне, Париже. Участница нескольких международных научных конференций и симпозиумов.

Н. Б. НЕМЦОВА

ХАНАКА САЙФ АД-ДИНА БАХАРЗИ В БУХАРЕ

Н. Б. НЕМЦОВА

ХАНАКА САЙФ АД-ДИНА БАХАРЗИ В БУХАРЕ (К истории архитектурного комплекса)

Бухара 2003

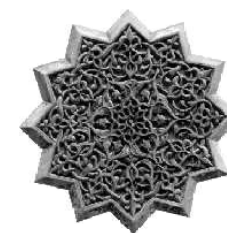
Памяти Ольги Дмитриевны Чехович

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ АКАДЕМИИ НАУК РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН
ФОНД «БУХОРОИ ШАРИФ» ПРИ БУХАРСКОМ ОБЛАСТНОМ ХОКИМИЯТЕ
ФРАНЦУЗСКИЙ ИНСТИТУТ ИССЛЕДОВАНИЙ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ (IFEAS)

Н. Б. Немцева

ХАНАКА САЙФ АЛ-ДИНА БАХАРЗИ В БУХАРЕ

(К истории архитектурного комплекса)

БУХАРА 2003

Ответственный редактор

Э. В. Ртвеладзе, академик АН Республики Узбекистан, доктор исторических наук

Научный консультант по вопросам суфизма

Б. М. Бабаджанов, кандидат исторических наук

Рецензенты:

М. Исхаков, доктор исторических наук, профессор,

М. И. Филанович, кандидат исторических наук

Книга посвящена исследованию двух памятников зодчества в юго-восточной части Бухары (в прошлом – пригород Фатхабад): мавзолея Сайф ад-Дина Бахарзи (1190–1261) – известного на средневековом мусульманском Востоке шейха-суфия (в народе шейх ал-алам) и мавзолея монгольского хана Буян-Кули (правил в 1348–1358 гг.) – суфия и почитателя «шейха ал-алама». Оба мавзолея в прошлом входили в состав крупной, известной за пределами Средней Азии суфийской общины (ханаки), основанной в начале XIII в. и функционировавшей до XVIII в. На основании письменных документов и археолого-архитектурных исследований реконструируются этапы сложения ханаки, прослеживаются роль и значение суфийской обители в культурной жизни местного населения.

Два сохранившихся мавзолея представляют большой научный интерес как художественное и историко-культурное наследие Средней Азии эпохи Амира Темура и Темуридов (XIV – первая половина XV в.). Памятники рассматриваются не только как произведения строительного искусства эпохи, но впервые вводятся в контекст исторической конъюнктуры своего времени.

Книга рассчитана на специалистов по истории края и привлечет внимание широкого круга читателей, интересующихся духовной и материальной культурой Средней Азии в прошлом.

Cet ouvrage est consacré à l'étude de deux monuments architecturaux dans la partie sud-est de Boukhara (autrefois – la banlieue Fath-âbâd). L'un d'eux est le mausolée de Sayf ad-Dîn Bâkharzî (1190–1261), cheikh-soufi réputé en Orient musulman médiéval ; l'autre – le mausolée du khan mongol Bayân Quli (a régné de 1348 à 1358), soufi et admirateur du «cheikh âl-âlâm». Ces mausolées se trouvaient sur le territoire d'une importante communauté soufie (*khânaqâh*) fondée au début du XIIIe siècle et connue en dehors de l'Asie centrale. Elle a existé jusqu'au XVIIIe siècle. Les documents écrits et les études archéologiques et architecturales permettent de reconstituer les grandes étapes de la formation du *khânaqâh*, et de comprendre le rôle et l'importance du monastère soufi dans la vie culturelle de la population locale.

Ces deux mausolées conservés ont une grande importance scientifique en tant qu'héritage artistique, historique et culturel de l'Asie centrale de l'époque d'Amir Timour et des Timourides (XIVe et première moitié du XVe siècles). Ces monuments représentent non seulement les œuvres d'art architectural de leur époque, mais ils sont pour la première fois considérés dans le contexte de la situation contemporaine.

Le livre est destiné aux spécialistes d'histoire du pays et attirera sans doute l'attention de tous les lecteurs s'intéressant à la culture spirituelle et matérielle de l'Asie centrale.

The present book is a study of two monuments of architecture situated in the southern part of the Bukhara city (which was called at a time Fath-âbâd suburb). One of them is mausoleum of Sayf ad-Dîn Bâkharzî (1190–1261), Sufi sheikh which was well-known in Middle Ages in the Oriental Muslim World; the another one is the mausoleum of the Mongol khan Bayân Quli (who ruled from 1348 to 1358), Sufi and worshipper of the “sheikh âl-âlâm”. Those mausoleums were situated on the territory of the important Sufi community (*khânaqâh*) created in the beginning of the 13th century and well-known outside of Central Asia. This community existed until the 18th century. The written documents and the archaeological and architectural studies permit to reconstitute the big stages of the creation of the *khânaqâh* and to understand the role and importance of this Sufi cloister in the cultural life of the local population.

Those two mausoleums that remain until our times are important for the science, because they are part of the artistic, historical and cultural heritage of the Central Asia in the epoch of Amir Timur and Timurids (14th and the first half of the 15th century). Those monuments are the chefs d'œuvre of the architectural art of their epoch. Also, for the first time, they are considered from the point of view of the modernity.

The present book is intended for the specialists in country's history and will surely draw attention of all the readers interested in the spiritual and material culture of the Central Asia.

© Н. Б. Немцева © Р. Р. Тохтаев

ОТ РЕДАКТОРА

Архитектурные памятники эпохи средневековья, в немалом числе сохранившиеся на территории Узбекистана, отражают целый комплекс различных сторон творческой деятельности архитекторов, строителей, художников, знатоков письменности, орнаменталистов и т.д. Их исследование требует усилий представителей многих научных специальностей. Благо, если архитектурный комплекс снабжен надписями или эпитафией на надгробном камне, содержащем конкретные указания на время его сооружения или имя захороненного в нем лица, если это мавзолей, или в случае наличия о том или ином памятнике сведений в письменных источниках. Если же таковые отсутствуют, то обычно для их датировки прибегают к анализу архитектуры в целом или художественного стиля декора. Что это не всегда приводит к выявлению истины, доказывает незаурядное сооружение Кырк-кыз в Термезе, датировка которого определялась от VI–VII до X–XI вв. И только археологические исследования позволили определить время его строительства – XIV в.

Значение археологии для выявления датировки архитектурных памятников, строительной периодизации, уточнения функций сооружений и выявления утраченных за время их существования частей было понято уже давно. Еще в начале XX в. археология была поставлена на службу памятников архитектуры, наглядным примером чему служат раскопки В. Л. Вяткина обсерватории Улугбека, а в последующем археологические раскопки стали непременным условием при изучении и реставрации средневековых памятников архитектуры Средней Азии, пионером чего явился М.Е. Массон.

Сложилась методика этих исследований, разработанная и изложенная в работах Г. А. Пугаченковой и автора настоящей книги.

К большому сожалению, в настоящее время эти традиции фактически полностью утрачены и перед реставрацией того или иного памятника уже не проводятся археологические исследования, а в результате многие стороны как архитектуры, так и истории возникновения и существования памятников оказываются навсегда утраченными.

Автор книги – Н. Б. Немцева – известный археолог, вся научная жизнь которой связана с археологическими исследованиями архитектурных памятников Средней Азии, будь то Шахи-Зинда, Рабат-и Малик или исследуемый в книге комплекс в Фатхабаде (Бухара), является, пожалуй, едва ли не последним представителем данного научного направления.

Доказательством огромного значения археологии для изучения памятников служит настоящая книга, в которой, несмотря на привлечение других источников, основную роль играют археологические исследования.

Автор книги в течение многих лет проводила раскопки у мавзолеев Буйан-Кули-хана и Сайф ад-Дина Бахарзи – двух диаметрально противоположных личностей – подставного монгольского хана и выдающегося религиозного деятеля, оказавшего огромное влияние на ислам в целом и суфизм в частности. Одной из заслуг Сайф ад-Дина Бахарзи явилось обращение в ислам золотоордынского хана Берке, с чего, собственно, и начался длительный и сложный процесс принятия ислама элитой Золотой Орды, получивший окончательное завершение при хане Узбеке (1312–1340 гг.).

Эти два мавзолея, быть может, не столь величественны и грандиозны, как некоторые иные памятники Бухары, но своей оригинальностью оформления декора и надгробий, особенно мавзолей Буйан-Кули-хана, вызывают подлинное восхищение и заставляют посетителей задуматься над бренностью существования и вечностью искусства.

Не стоит в предисловии излагать содержание книги – внимательный читатель прочтет ее от начала до конца и извлечет из нее массу полезного и важного для понимания истории архитектуры Узбекистана, культурных традиций и духовной жизни местного населения в прошлом. Но я хотел бы еще раз подчеркнуть значение археологических исследований, благодаря которым Н. Б. Немцева установила совершенно новые факты как из истории ханаки в Фатхабаде, так и двух сохранившихся от нее мавзолеев.

Установлена, в частности, подлинная последовательность их строительства. Вопреки прежним представлениям, Н. Б. Немцева убедительно доказала, что ныне существующий мавзолей Сайф ад-Дина Бахарзи построен не в XIII в., а в первой половине XV в., при Амуре Темуре или первых Темуридах. Вскрытие широкого основания-суфы, на котором стоят стены мавзолея Буйан-Кули-хана, покрытой, как и все здание, изразцовым декором, дало представление о изначальном уникальном строе памятника, его действительных пропорциях. Эти данные вводят в историю зодчества Средней Азии неизвестный ранее тип мемориального здания XIV в.

Основываясь на археологических данных, вакуфном документе шейха Йахьи от 1326, 1333 г. и других свидетельствах, Н. Б. Немцева восстановила историю всего огромного архитектурного комплекса в Фатхабаде, последовательность его застройки, время существования и разрушений основных его частей. Все это уже составляет огромный вклад в историю архитектуры Узбекистана. Но Н. Б. Немцева этим не ограничилась – она как исследователь широкого плана попыталась проследить типологию ханака Средней Азии, ее генезис и эволюцию и в связи с этим на большом фактическом материале предприняла попытку дать характеристику архитектурно-планировочных особенностей странноприимных домов – ханака, изменения которых были определены этапами развития мистического течения в исламе на протяжении всего второго тысячелетия н. э. Как это ей удалось – судить

читателю, однако эти попытки увязать археологические и архитектурные данные, свидетельства источников и вакуфных документов заслуживают всяческого уважения.

Несомненно одно – книга Н. Б. Немцевой – яркий пример для современных и будущих исследователей того, как необходимо изучать архитектурные памятники и как интерпретировать полученные при раскопках археологические данные.

Книга Н. Б. Немцевой – одно из лучших и редких сейчас исследований об архитектурных памятниках, несомненно, вносит большой вклад в историю архитектуры не только Узбекистана, но и Средней Азии в целом.

Академик АН РУз **Э. В. Ртвеладзе**

**«Если оставит человек после себя доброе имя,
Это лучше, чем он оставил бы золотой дворец»**

*Газели Саади (1203–1292 гг.)
Из надписей в интерьере мавзолея Буйан-Кули-хана*

ВВЕДЕНИЕ *

За пределами крепостных стен средневековой Бухары, в 1,5 км от старых Каршинских ворот, в местности Фатхабад, на территории бывшего кладбища (теперь это плотно застроенный панельными многоэтажными домами и хозяйственными постройками микрорайон «Шарк-2» в юго-восточной части города), находятся два замечательных памятника зодчества Средней Азии – двухкупольный мавзолей шейха Сайф ад-Дина Бахарзи и небольшая изящная гробница монгольского хана Буйан-Кули, погибшего в Самарканде в 1358 г. (илл. 1 – 3, 8 – 12).

Расположенные рядом мавзолеи особенно контрастно подчеркивают индивидуальность и своеобразие объемно-планировочного решения друг друга. Первый характеризуют лаконичность, простота и ясность архитектуры, крупные, монументальные формы, кирпичная фактура стен; второй – небольшие размеры, изящные пропорции, полихромное кружево декоративной облицовки из резной поливной терракоты, типичной для середины XIV в., покрывающей стены памятника внутри и снаружи.

Главные порталы обоих мавзолеев обращены на восток; положение их на местности (мавзолей Буйан-Кули-хана стоит впритык к северо-западному углу мавзолея Сайф ад-Дина Бахарзи) свидетельствует о планировочной независимости их друг от друга и подчинении какой-то иной, не сохранившейся здесь ансамблевой композиции, включавшей и другие, не существующие в настоящее время постройки (илл. 13, 15).

Действительно, в середине XIX в. русский путешественник, историк, этнограф и дипломат Н. В. Ханыков отметил у мавзолеев еще 9 строений под общим названием «ханки»¹

* Выражаю искреннюю благодарность сотрудникам предприятия «Tarih va madaniyat» Тохтаеву Равшану и Камиловой Розе за помощь в работе (подбор иллюстраций, набор материалов на компьютере).

¹ Ханыков Н. В., 1843. План Бухары и ее окрестностей.

(ханака – обитель суфиев), часть которых в начале XX в. видел А. А. Семенов².

Следы утраченного комплекса я наблюдала в 50-е годы XX в., когда проводила археологические исследования у мавзолеев. Северо-восточнее их в микрорельефе местности был виден оплывший хауз (водоем), а чуть в стороне – котлованы от фундаментов, по которым угадывался план здания с внутренним двором и кельями по периметру³.

У юго-восточного угла мавзолея Бахарзи стоял небольшой, видимо поздний, минарет. Еще в начале XX в. здесь сохранялось несколько строений бывшего комплекса, сгруппированных около хауза и являвших типичное для средневековой Бухары ансамблевое решение.

Мавзолеи стоят в стороне от туристских маршрутов центра Бухары и мало посещаемы, хотя представляют большой историко-культурный интерес. Это не только уникальные произведения строительного искусства Бухары, но и конкретные, дошедшие до нас сквозь века «живые свидетели» известной за пределами Средней Азии суфийской общины, или ханака, сложившейся в начале XIII в. в пригороде Бухары – Фатхабаде и сыгравшей значительную роль в жизни местного населения, особенно в трудные времена послемонгольского нашествия.

Как показывает дошедший до нас вакф XIV в., два существующих мавзолея – лишь малая часть крупной суфийской общины в Фатхабаде, куда некогда входили и другие многочисленные постройки.

Ханака была основана в начале XIII в. шейхом Кубравийского братства или тарика (*тарика* – араб. дорога, путь к истине) Абу-л-Ма'ли Са'ид ибн Мутаххиром, более известным под прозвищем Сайф ад-Дин Бахарзи, и просуществовала вплоть до конца XVIII в.⁴ Сайф ад-Дин Бахарзи (1190–1261 гг.) был главой ханаки, после смерти похоронен в специально выстроенной на территории ханаки гробнице, которая стала идеологическим центром, духовной основой суфийской общины в Фатхабаде, главной бухарской святыней, почитавшейся на протяжении многих веков.

Сайф ад-Дин Бахарзи, прозванный в народе «шейх ал-алам» («шейх мира»), – известный на мусульманском Востоке суфийс-

кий шейх, поэт-мистик и богослов – родился в хорасанской области Бахарз. По данным Хамидаллаха Казвини, он учился в Герате и Нишапуре, где получил обычное в то время религиозно-юридическое образование и вскоре сделался суфием. По некоторым сведениям, Бахарзи совершил паломничество в Мекку и Медину, изучал шедевр мусульманского законодательства «ал-Хидая»⁵.

Переехав в Хорезм, он был принят в число немногих муридов (учеников) популярного шейха Наджм ад-Дина Кубра (1145–1221 гг.) – основателя суфийского братства Кубравийа (начало XIII в.) в Средней Азии, погибшего при завоевании Хорезма монголами в 1221 г.

Суфийское братство Кубравийа представляло среднеазиатскую школу мистицизма (на западе ее активная деятельность не отмечена), было традиционно суннитским и возводило цепь духовной преемственности (*санад*) к Абу Бакру, либо к Али б. Аби Талибу⁶.

О характере суфийского подвижничества Бахарзи сообщают разные источники⁷. В частности, поэт XV в. Абд ар-Рахман Джами утверждает, что Бахарзи был послан своим наставником Наджм ад-Дином Кубра в Бухару, где шейх прожил около 40 лет⁸.

В Бухаре шейх занимал видное положение, пользовался популярностью среди населения и большим влиянием у монгольских правителей, был мударрисом (преподаватель) и мутаваали (распорядитель вакуфных средств) одной из крупных духовных школ – медресе Ханйе, разрушенного в 1273–1276 гг. при очередном погроме Бухары во время междоусобной войны среди Чингизидов. По словам Джувайни, знатная монгольская дама Саркутибика, мать Манку-кагана (ум. в 649 г. х.), велела построить в Бухаре мадрасу и назначить ее попечителем Сайф ад-Дина Бахарзи⁹.

Политика чужда внутреннему духу суфийского братства, но шейхи – руководители тарика или стоявшие во главе крупных обителей – могли оказывать серьезное влияние на власть, владели душами своих фанатичных сторонников. Ханака в период сложившегося классического суфизма в основном принадлежали местным аристократам. Шейхи нередко стремились заполучить власть еще в этом мире, могли бунтовать против власти, стать рупором общественного недовольства. Так было повсюду в арабском мире¹⁰.

⁵ Муталов О., 1–2 (5–6), 2000. С. 54–56.

⁶ Акимушкин О. Ф., 1999. С. 59–60.

⁷ Выражаю искреннюю признательность Б. М. Бабаджанову за редакцию раздела по суфизму, ритуальной практике и биографическим данным о Сайф ад-Дине Бахарзи.

⁸ Абд ар-Рахман Джами, 1370 г. х. С. 433.

⁹ Ата Малик ал-Джувайни, 1937. Т. III. С. 9.

¹⁰ Тримингэм Дж. С., 1989. С. 194.

² Семенов А. А., 1925. С. 113–150. Из личной беседы с А. А. Семеновым в начале 50-х годов XX в. я узнала, что постройки эти он видел и сфотографировал в 1905 г.

³ Немцева Н. Б., 1989. С. 104–114.

⁴ Ислам: Энциклопедия, 1991. С. 140.

Глава обители в Фатхабаде не составлял исключения, напротив, был яркой, выразительной фигурой в истории края монгольского периода. Он активно реагировал на все события, связанные с монгольским нашествием. Известно, что в эти трудные времена суфии усерднее других побуждали народ к отчаянному сопротивлению. Бахарзи наблюдал весь мучительный процесс монгольского завоевания, видел жестокость завоевателей, духовное падение местного населения и призывал народ к возрождению истинных ценностей. Он пытался вмешиваться в политику монгольского правительств, добивался усиления роли шейхов, резко выражал свое недовольство наместникам, министрам, которые «оказывали предпочтение не мудрым старцам, известным своей ученостью и святостью жизни, а неопытным юношам, которые вмешивались в дела религии»¹¹.

Сайф ад-Дин Бахарзи говорил: «В нашей религиозной общине (да сохранится она до конца мира) знания, старчество и ислам – необходимые условия начальствования. Если юноша без доблестей хочет быть начальником, то в глазах умных людей старым правителям не стыдно быть лишенными начальства. Там, где царствует сводница-потатуйка (птица – удод), соколу не стыдно быть лишенным венца. Умным людям лучше держаться в стороне, когда глупцы становятся начальниками; когда дворец становится минбаром (кафедрой имама), то лучше, чтобы минбара не было совсем»¹².

В этих стихах, как нельзя лучше, выражена причина негодования Бахарзи – преобладание светской власти и унижение того сословия, к которому он принадлежал. В свою очередь, Чингиз-хан и его ближайшие преемники старались для усиления власти над покоренным народом привлечь на свою сторону местное духовенство и, главным образом, могущественных шейхов.

Под влиянием шейхов отдельные представители монгольской знати начали принимать ислам, покровительствовали строительству мечетей и медресе. Правители, принявшие ислам, считали честью получить благословение шейха Бахарзи. Младший брат Батые – хан Берке специально прибыл в Бухару с низовьев Волги, чтобы принять ислам из рук великого шейха. К могиле Бахарзи приходили на поклонение бухарские эмиры по вступлении на престол¹³. Монгольские правители, язычники-шаманисты по вероисповеданию (шаманизм – государственная религия Монголии в XIII в., при

Чингиз-хане), были относительно веротерпимы к представителям других конфессий, и мусульманское духовенство, как и духовенство других религий, было освобождено от всяких повинностей и податей¹⁴.

Сайф ад-Дин Бахарзи был автором нескольких классических трудов на арабском и персидском языках. До нашего времени дошли «Шарх ал-асма ал-хусна» (комментарии к именам – эпитетам Бога), самое объемное его сочинение – «Рисола дар ишк» (трактат о мистической любви), а также «Рубойат», «Вокеаи хилват» (просишествия в дни уединения), «Васиятнома» (завещание), «Рузнома» (жизнеописание)¹⁵.

Бахарзи обладал поэтическим даром и испытывал склонность к изречению изящных мыслей. До нас дошли его четверостишия (персо- или арабоязычные байты), как бы комментирующие тот или иной аят из Корана. Известны притчи и изречения, высказанные им на проповедях-собраниях в ханаке, дошедшие в записях его внука Абу-л Муфохира Йахьи Бахарзи¹⁶.

Кроме агиографических данных о шейхе в разных источниках, до нас дошел важный историко-юридический документ XIV в. – вакф 1326 г. с дополнениями к нему от 1333 г., учрежденный внуком Бахарзи – Абу-л Муфохиром Йахйей (ум. в 1335 г.) в пользу ханаки и гробницы «шейха мира»¹⁷.

Возвращаясь к мавзолею в юго-восточной части Бухары и забегая вперед, надо сказать, что существующий памятник – это не та первая гробница «шейха ал-алама», которая была построена в XIII в., после его смерти. В первой половине XV в., при Амире Темуре или первых Темуридах, как будет показано ниже, небольшая первоначальная гробница была перестроена и на ее месте, в полном соответствии с могилами шейха и его потомков, возник ныне существующий двухкамерный мавзолей продольно-осевой композиции.

В 60-е годы XIV в. у первоначальной усыпальницы «шейха мира» был выстроен второй дошедший до нас памятник зодчества – изумительный по красоте мавзолей Буйан-Кули-хана.

Буйан-Кули-хан в течение десяти лет (1348–1358 гг.) был практически фиктивным правителем в Мавераннахре при тюркском

¹¹ Бартольд В. В., 1963. Т. I. С. 541.

¹² Там же.

¹³ Семенов А. А., 1925. С. 33.

¹⁴ Бартольд В. В., 1963. Т. I. С. 542.

¹⁵ Мугалов О., 2000. С. 56.

¹⁶ Пурджавади Н., 2001. С. 79–86.

¹⁷ Йахья Бахарзи (Йахья Бурхан ад-Дин Ахмад) – внук знаменитого шейха. Он приехал в Бухару из Кермана в 712/1312–13 гг., жил в завийе, построенной при могиле Сайф ад-Дина Бахарзи в Фатхабаде, умер в 736/1335–36 гг. (см.: Ибрагимов Н., 1988. С. 114, пр. 72).

амире Казагане, а затем был убит из мести по личным мотивам. Этот набожный человек, как сообщают все источники, видимо, задолго до смерти принял ислам, стал суфием, находился под большим влиянием потомков и духовных последователей Бахарзи и, надо полагать, завещал свое погребение у могилы знаменитого шейха¹⁸.

Два мавзолея в Фатхабаде давно вошли в обзорную литературу по памятникам Бухары и Средней Азии в целом, не единожды отреставрированы, обмерены и изучены; опубликованы небольшие статьи, связанные с изучением существующих сооружений. О. Д. Чехович переведен и прокомментирован вакф 1326, 1333 гг., на основе которого представляется возможным восстановить в ретроспективе историю сложения ханаки в Фатхабаде.

Документального материала, связанного с внутренней организацией и бытом ханака – культовых центров, игравших огромную роль в жизни населения средневековой Средней Азии, крайне мало. Это делает дошедший до нас вакуфный акт XIV в., освещающий жизнь такого крупного религиозно-культового центра, как суфийская община у гробницы Бахарзи, оказывавшего влияние не только на духовное воспитание верующих, но, в какой-то мере, и на политическую жизнь чагатаидского Мавераннахра, письменным источником чрезвычайной важности.

Восстановленная на основе вакфа XIV в. историко-топографическая ситуация местности, следы которой можно было, как уже сказано, наблюдать еще в начале 50-х годов XX в., а также сохранившиеся до сего дня два мавзолея XIV–XV вв. позволяют проследить историю сложения и развития суфийской общины в Фатхабаде на длительном промежутке времени, заглянуть в ее изначальный период, скрытый для нас в результате полного исчезновения первых зданий комплекса, рассмотреть памятник в ретроспективе.

Мавзолеи Бахарзи и Буйан-Кули-хана возникли через несколько десятилетий после составления вакфа Йахйи, когда суфийский культовый центр в Фатхабаде уже сложился и действовал почти сто лет. Оба сооружения были «вписаны» в конкретную ситуацию, определенную всем ходом предшествующего развития и застройки ханаки в Фатхабаде.

Первым из них появился небольшой мавзолей Буйан-Кули-хана. Он, видимо, возник несколько позже 1358 г., когда этот хан был убит. Вряд ли молодой, набожный человек возвел бы себе гроб-

ницу задолго до кончины, для него достаточно неожиданной. Надо полагать, что мавзолей, судя по характерному архитектурно-декоративному стилю памятника, возвели где-то в 60–70-е годы XIV в.

Памятник был установлен рядом с первоначальной однокамерной гробницей «шейха ал-алама», на западной стороне площади-ханаки, где, по данным вакфа XIV в., располагались «уединенные покои» паломников.

Еще несколько десятилетий спустя, как будет показано ниже, вероятнее всего в первой половине XV в., на месте первоначальной гробницы Бахарзи был выстроен ныне существующий двухкамерный мавзолей. Как мне представляется, оба этих мавзолея располагались в юго-западной части площади-ханаки, замыкая ее юго-западный угол.

О местоположении мавзолея «шейха шейхов» вакуфный акт сообщает довольно противоречивые данные, которые, однако, можно использовать для реконструкции ситуационной схемы. Поэтому предлагаемая мной графическая схема с расположением описанных в вакфе сооружений, хауза, канала Фошун, садов и домов достаточно условна. Прочитав документ по этому поводу: «...Жилищ бедняков, которые будут построены на Фатхабадской площади, рядом с этой усыпальницей, к востоку и северу от нее» (т. е. усыпальница находится в западной или юго-западной части. – Н. Н.). Далее сказано: «Посреди этой площади имеется хауз с водой и канал деревни Фошун, протекающий у входа в усыпальницу посреди этой Фатхабадской площади» (т. е. вроде усыпальница находится посреди площади ?) Ниже совсем интересно: «К западу от этой Фатхабадской площади находятся эта святая усыпальница, уединенные покои (халват-хана) и кельи суфиев и одиноких бедняков» (т. е. усыпальница находится не на площади, а к западу от нее ?). И еще: «И эта площадь также является второй и новой ханака и тоже примыкает к этой пречистой усыпальнице»¹⁹. Из всего этого путанного описания все же следует, что мавзолей «шейха ал-алама» находился если не на самой площади, в юго-западной части, то примыкал к ее западной стороне. Главным ориентиром служит хауз, расположенный, по данным вакфа, посреди площади, который, как отмечалось, можно было видеть еще в 50-е годы XX в. северо-восточнее мавзолея Бахарзи.

Возведение новой монументальной двухкупольной гробницы в первой половине XV в. на месте старого, видимо, обветшавшего мавзолея было исторически закономерно. Это была пора особого

¹⁸ Babajanov B., 1999. P. 195–197.

¹⁹ Чехович О. Д., 1965. С. 166.

почитания мусульманских святынь и время наивысшего экономического подъема государства Амира Темура и первых Темуридов, когда заново возводились или перестраивались гробницы наиболее известных святых в традиционных местах поклонения (комплекс-ханака Ходжа Ахмада Йасави, комплекс Кусамы ибн Аббаса и т. д.). Существующий двухкамерный мавзолей шейха Бахарзи появился именно в этот исторический период. Он был установлен главным фасадом на восток, положение его четко фиксирует южную границу площади Фатхабада. При этом все указанные в вакфе XIV в. сооружения – дома, базар, гончарная мастерская, сады и виноградники, окружавшие ханаку, продолжали, видимо, существовать на своих старых местах. На площади по-прежнему оставался хауз, доживший до XX в.²⁰, с юга на север через площадь протекал канал Фошун. Этот канал в Бухарской области дошел до наших дней, но около памятников микрорельеф нарушен и старое русло здесь не прослеживается.

Вероятно, длительное время существовала и баня, упомянутая в вакфе, во всяком случае до конца XVIII в., пока действовала ханака, но следов ее в наше время также нет. К моменту археологических исследований, в 50–60-е годы XX в., два уцелевших мавзолея были окружены плотным кольцом действующего кладбища, которое уничтожило все следы былой застройки. В настоящее время от крупной суфийской обители ничего не сохранилось, кроме двух, стоящих впритык друг к другу усыпальниц.

В представленной работе делается попытка восстановить по всему комплексу имеющихся письменных, археологических и этнографических данных историю сложения ханаки, основанной в Фатхабаде знаменитым шейхом в начале XIII в., поэтапно функционировавшей до конца XVIII столетия и в руинах сохранившейся еще в начале XX в., а также ввести в общий историко-культурный контекст оба дошедших до нас мавзолея, каждый из которых представляет собой уникальное явление в истории культуры Средней Азии.

ЧАСТЬ I

²⁰ В начале XX в., по словам А. А. Семенова, он был заполнен водой (из личной беседы в 1951 г.).

ПРОБЛЕМА

Средневековые памятники зодчества Средней Азии – один из важнейших источников познания прошлого. Они как бы аккумулируют огромный, многосторонний историко-культурный потенциал, связанный с общим процессом развития строительного и монументально-декоративного искусства прошлого, градостроительных основ, их общих тенденций и специфики того или иного региона. Многоплановое изучение сохранившихся памятников архитектуры, кроме того, позволяет лучше понять определенные стороны социально-экономического строя и духовной жизни народов мусульманского мира, проникнуть в тонкости исторического процесса, выявить истоки и причины формирования отдельных мусульманских институтов (ханака, мечеть, медресе) и связанной с ними обрядовой системы, ее традиционные и последующие трансформированные формы в контексте конкретных исторических эпох. Диапазон решаемых проблем при этом определяется наличием или отсутствием письменных документов (в частности, вакуфных актов) либо иных исторических свидетельств.

Наиболее трудоемки в изучении и потому особенно интересны сложные, разновременные архитектурные комплексы или ансамбли, связанные с длительной историей и градостроительством существующего «живого» города или целого региона, лишь часть которых уцелела на дневной поверхности и в силу современной застройки мало доступна для исследований. Они требуют особенно тщательных археолого-архитектурных работ, особой методики их исследования.

За более чем полувековой период интенсивного изучения монументальной архитектуры Средней Азии, ее консервации или реставрации, которая особенно развернулась с 90-х годов XX в. в связи с юбилеями исторических городов, накоплен огромный фактический материал, во многих случаях обобщенный или разбросанный в виде отдельных статей в различных научных сбор-

никах, отраженный в справочной или научно-популярной литературе, но в еще большем количестве осевший в качестве научных отчетов в архивах тех или иных учреждений.

За это время вышло в свет много публикаций историков, археологов, искусствоведов, историков архитектуры по отдельным периодам и регионам или Средней Азии в целом (А. Н. Бернштам, В. А. Шишкин, Б. Н. Засыпкин, В. А. Нильсен, Г. А. Пугаченкова, Л. И. Ремпель, В. Л. Воронина, А. М. Прибыткова, И. Ф. Бородин, И. Е. Плетнев, И. И. Ноткин и др.), по типологическим основам зодчества Средней Азии (Л. Ю. Маньковская), гармонизации и пропорционированию архитектуры Средней Азии (М. С. Булатов, П. Ш. Захидов, К. С. Крюков), эпиграфике отдельных комплексов (В. А. Шишкин, Б. М. Бабаджанов, Б. Туякбаева). Изданы обзорные исследования (с каталожными приложениями или без них) по архитектуре исторических городов (Самарканд, Ташкент, Бухара, Хива, Шахрисабз, Термез) или областей (Сурхандарья), в подготовке которых принимали участие ведущие среднеазиатские ученые.

Как важное явление последних лет надо рассматривать прекрасно изданный в США двухтомник по архитектуре темуридского периода Ирана и Турана (L. Golombek and D. Wilber, 1988), где обобщены исследования среднеазиатских ученых и собственные разработки авторов, сводный труд по зодчеству XV в. Центральной Азии (Г. А. Пугаченкова, 1975). Недавно вышедшие за рубежом три книги (С. Хмельницкий, 1992, 1996, 1997) по архитектуре Средней Азии IX–XIII вв. представляют собой компилятивный труд с подробной библиографией, большим количеством иллюстраций, но, к сожалению, изобилующий фактическими ошибками, необоснованными реконструкциями и датировками.

По-прежнему является настольным VI том ЮТАКЭ по архитектуре Южного Туркменистана с древности до позднего средневековья (Г. А. Пугаченкова, 1958). Надо отметить также комплексное археолого-архитектурное исследование ряда памятников Кыргызстана (М. Е. Массон, В. Д. Горячева, 1985), краткий обзор по архитектуре Кыргызстана (В. Нусов, 1971). Большие археолого-архитектурные исследования велись в Узбекистане (В. А. Булатова, А. Н. Виноградов, И. И. Ноткин, К. А. Шахурин, В. М. Филимонов, И. Е. Плетнев, Н. Б. Немцева,

Ю. З. Шваб, Е. Г. Некрасова, и др.), из которых, однако, далеко не все отражены в изданной научной литературе.

Однако, при всем обилии разноплановых, частных и общих, сводных публикаций по средневековой архитектуре Средней Азии, законченных монографических изданий по отдельным важным объектам и даже целым ансамблям, к настоящему времени изученным и уже не единожды отреставрированным, ничтожно мало. Это мавзолей Саманидов (М. С. Булатов, 1976), мавзолей Ишратхана (под общей редакцией М. Е. Массона, 1958), Гумбаз Манаса (М. Е. Массон, Г. А. Пугаченкова, 1950), устаревшая на фоне новейших исследований, но единственная монография по соборной мечети Биби-ханым в Самарканде (Ш. Е. Ратия, 1950), ансамбль Шахи-Зинда (Н. Б. Немцева, Ю. З. Шваб, 1979), мавзолей Араб-ата в Тиме (Г. А. Пугаченкова, 1963), мечеть Анау (Г. А. Пугаченкова, 1959), каменная крепость в горах Кыргызстана – Таш-Рабат (С. Я. Перегудова, 1989), эпиграфика комплекса-ханаки Ходжа Ахмада Йасави (Б. Туякбаева).

До сих пор не существует сводной монографии по одному из выдающихся памятников зодчества Средней Азии – ансамблю Гур-Эмир, хотя материалы многолетних исследований на определенном этапе были обобщены (И. Е. Плетнев); нет отдельного, сводного труда по ансамблю на площади Регистан в Самарканде. Кроме мавзолея Саманидов, монографически не представлен ни один архитектурный памятник или ансамбль Бухары (например, ансамбль Ляби-хауз или Пои Калан), хотя изучение этих объектов велось годами.

Не вызывает поэтому удивления, что нет монографической публикации, охватывающей весь комплекс накопленных данных по истории возникновения мавзолеев Сайф ад-Дина Бахарзи и Буйан-Кули-хана, их месту и значению в средневековом зодчестве и духовной жизни Средней Азии.

Между тем существующие сейчас два мавзолея – это лишь малая часть огромного суфийского института, – благотворительной ханаки кубравийского толка, которая играла большую роль в жизни средневековой Бухары и была известна далеко за ее пределами.

Комплекс в Фатхабаде достаточно хорошо изучен археологически (Н. Б. Немцева, С. Н. Юренев, Е. Г. Некрасова), несколько

раз обмерен (М. Я. Гинзбург, Т. С. Страмцова, С. Б. Неумывакин, С. Г. Хмельницкий, А. К. Богодухов, А. Ф. Мухитдинов), прозондирован на предмет уточнения конструкций и грунтов (Л. П. Москальцов, В. Лукин). Изучены надписи мавзолеев – деревянный кенотаф из гур-ханы и его монументальный эпиграфический декор (Б. П. Денике, Б. В. Веймарн, В. А. Шишкин, Б. М. Бабаджанов). Памятники вошли в обзорные путеводители по Бухаре (В. А. Шишкин, Г. А. Пугаченкова, Л. И. Ремпель); имеется ряд небольших публикаций по их археологическому исследованию (Н. Б. Немцева²¹, Е. Г. Некрасова²²). В 50–60-е и 90-е годы XX в.²³, после ряда обрушений, памятники несколько раз восстанавливались и реставрировались (купола и часть стен обоих мавзолеев, внешние фасады мавзолея Буйан-Кули-хана).

В результате археологических работ определены строительная периодизация памятников, их архитектурный строй и датировка, изучен погребальный обряд как одна из сторон духовной жизни местного населения, вскрыты и исследованы надгробные сооружения, характеризующие малые архитектурные формы, выявлены скрытые веками конструкции (суфа-постамент мавзолея Буйан-Кули-хана), позволившие восстановить первоначальные пропорции и общий облик зданий.

Комплекс в Фатхабаде – один из немногих средневековых памятников Средней Азии, по которому имеются исторические данные разного времени. О ханаке в Фатхабаде сообщают Ибн Баттута (30-е годы XIV в.), автор «Китаби Мулло-и зода» Ахмад б. Махмуд Му'ин Фукара (XV в.), русский востоковед Н. В. Ханыков (середины XIX в.).

Самым же важным источником является вакуфный акт 1326, 1333 гг. в пользу ханаки в Фатхабаде, который отражает состояние ханаки на одном из ранних этапов ее существования (XIII – первая четверть XIV в.), до появления существующих мавзолеев. Этот единственный в Средней Азии документ, касающийся такого относительно закрытого и почти не изученного мусульманского института, как суфийская ханака с ее мало доступным широкому кругу мусульманского общества образом жизни, в каждом отдель-

ном случае с собственным уставом, регламентирующим взаимоотношения «послушников» внутри общины и т. п., имеет огромное значение не только для понимания конкретной ситуации в данной ханаке, но всей историко-культурной атмосферы в Средней Азии монгольского периода.

Вакуфный акт содержит огромную, разностороннюю информацию о численном и функциональном составе помещений и зданий, составлявших суфийскую общину в Фатхабаде, открывает целый мир в жизни ханаки XIII–XIV вв., дает представление о социально-экономическом строе того времени (наличие рабов и наемных работников), развернутую картину по устройству и быту этого общественно-культурного института, духовной жизни определенной прослойки местного населения, исторической топографии юго-восточной округи Бухары.

Перед нами возникает живая картина взаимоотношений членов общины, их роли и иерархического соподчинения, порядков и норм морали, этики, бытовавших в данной суфийской обители и отражавших, видимо, общие тенденции и традиции, характерные для подобных институтов мусульманского мира.

Значение вакфа определяется и тем, как указала О. Д. Чехович, что этот документ, составленный в начале XIV в., отражает общую ситуацию в трудное и сложное время после монгольского нашествия, по которому имеется крайне мало местных документальных данных²⁴.

Следы былых зданий около существующего комплекса в Фатхабаде в сопоставлении с данными вакфа XIV в. и сохранившимися мавзолеем, их местоположением позволяют составить некоторое представление о былой застройке, схематически реконструировать всю группу зданий на площади Фатхабад и ее окружение на разных хронологических этапах.

Процесс этих сопоставлений оказался для меня весьма увлекательным и, я надеюсь, плодотворным, хотя и понимаю всю относительность такой реконструкции. Опыт подобной реконструкции был осуществлен американской исследовательницей Шейлой Блайр в 80-е годы XX в., которая на основании вакуфных данных реконструировала (в том числе графически) грандиозный благотворительный комплекс Рашидия, созданный

²¹ Немцева Н. Б., 1973. № 7. С. 8–10; Немцева Н. Б., 1989. С. 104–114.

²² Джуракулов М., Некрасова Е. Г., Ходжайов Т. К., 1991. С. 9–10.

²³ В 90-е годы XX в. по линии ЮНЕСКО проведены работы по закреплению остатков декора на внешних фасадах мавзолея Буйан-Кули-хана.

²⁴ Чехович О. Д., 1965. С. 6.

в правление Газан-хана (1295–1304 гг.) в Тебризе одним из визирей Ильханидов Рашид ад-Дином.

В комплекс входили ханака, приют, два госпиталя, поминальная группа с гробницей Рашид ад-Дина, две мечети²⁵. Памятники комплекса Рашидийа в Тебризе не раскапывались; на топографическом плане видны лишь следы общей ограды, заключающей в микрорельефе всхломления без определенной конфигурации.

Тем не менее подробные данные вакфа, спроецированные на известные архитектурные типы зданий (мечеть, госпиталь, ханака, поминальный комплекс), характерные для эпохи и региона, позволили автору добиться убедительных реконструкций и воссоздать план отдельных зданий комплекса Рашидийа²⁶.

Метод реконструкции по вакуфным данным, осуществленный Ш. Блайр, представляется мне оправданным, а в случае с комплексом в Фатхабаде – единственно возможным, так как проведение там каких-либо археологических вскрытий в настоящее время просто исключено – вся территория вокруг мавзолеев застроена жилыми домами и производственными постройками. Отсюда особая значимость изучения вакуфного акта в тесной связи с исследованием мавзолеев и прилегающей территории юго-восточной части Бухары.

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ РАКУРС

Хронологический период, с которым связаны функционирование ханаки Бахарзи, существование архитектурного комплекса в Фатхабаде, охватывает огромный промежуток времени – примерно с начала XIII до конца XVIII в. Это и предшествующее время было насыщено крупными политическими коллизиями, спадами и подъемами в развитии экономики, культуры и духовной жизни народов Средней Азии, отразившимися на этническом составе, менталитете, образе и уровне жизни населения этого региона.

В середине VIII в. почти все земли Средней Азии были подчинены Арабскому халифату. Началась исламизация местного населения – длительный и сложный процесс, который завершился

²⁵ Blair Sh. S., 1984. P. 67–90.

²⁶ Idem. P. 68, 75, f. 75, fig 1; p. 70, f. 2; p. 72–73, f. 3–4.

только к X в., хотя реликты (пережитки) древних верований сохраняются до сего дня.

Вместе с Кораном в Среднюю Азию проникает арабский язык, который становится языком, главным образом, высшего духовенства и светской образованной элиты. Среди простого населения продолжают бытовать местные диалекты восточно-иранских языков – согдийский, хорезмийский, а также тюркский язык, проникший сюда задолго до арабов.

В IX в. наместниками халифата в Хорасане и Средней Азии становятся выходцы из местной аристократической среды – Тахириды, которые способствовали распространению ислама (в частности, в Уструшане, где дольше всего сохранялся зороастризм)²⁷, но при этом правили как независимые от халифата, самостоятельные правители. В последней трети IX в. Хорасаном завладели Саффариды, которые продолжали сепаратистскую политику. В конце IX в. Средняя Азия оказалась в руках сильной местной династии Саманидов, которая около столетия владела землями Хорасана и Средней Азии.

Стабилизация твердой централизованной власти при Саманидах в конце IX в. принесла народам Средней Азии полную политическую независимость от халифата, создание собственной государственности, укрепление экономики, рост городов, расцвет культуры и искусства. Это был важный рубеж в политической истории региона, хотя главную славу периода правления Саманидов составляет расцвет культуры и науки в государстве. В это время высокого технического и художественного уровня достигли различные ремесла. Развитие основных городских центров Средней Азии способствовало концентрации в них интеллектуального потенциала. В столичной Бухаре при царском дворе была крупная, известная за пределами Мавераннахра библиотека, в больших городах были построены высшие учебные заведения – медресе, развивались музыка, поэзия, наука, в том числе астрономия и математика, на высокий технический уровень было поднято строительное дело. До нас дошли «живые» памятники зодчества X в., свидетельствующие о высоком мастерстве местных зодчих – династийный мавзолей Саманидов в Бухаре, мавзолей Араб-ата под Самаркандом, дворцы и замки в средневековом Самарканде, Термезе, Хульбуке, Мерве, раскопанные археологами.

²⁷ Гафуров Б. Г., 1989. Кн. 2. С. 42.

При Саманидах выросло значение мусульманского духовенства, которое пользовалось там большим влиянием; Бухара стала на Востоке одним из авторитетных центров мусульманского богословия.

В конце X – начале XI в. на северо-восточных границах Средней Азии, в Семиречье и Восточном Туркестане, на основе кочевого феодализма создается новое мощное государственное образование во главе с тюрками – Караханидский каганат. Земли Мавераннахра после падения династии Саманидов почти 200 лет с переменным успехом находились в руках Караханидов²⁸. С конца XI в. и, главным образом, в XII в. на разных этапах Караханиды Западного каганата находились в вассальных отношениях с Сельджукидами, примерно с середины XII в. – с карахытаями и, в конечном итоге, в начале XIII в. Мавераннахр, как и остальная Средняя Азия, были завоеваны хорезмшахами.

Централизованная бюрократическая монархия Саманидов при Караханидах распалась на уделы, которыми управляли илеханы из семьи верховного правителя – кагана. При этом власть самого кагана была слабой, углублялась феодализация страны²⁹. Уже в середине X в. Караханиды сделали ислам государственной религией³⁰, поддерживали мусульманское духовенство, хотя эти отношения были сложными и непоследовательными.

Время правления Караханидов в Мавераннахре совпало с образованием мощного государства Сельджукидов из тюрков-огузов в Северном Хорасане, на каком-то этапе владевших землями Мавераннахра, Ирана, Месопотамии и Малой Азии, а также с образованием государства Газневидов – тюркской династии, завладевшей современным Афганистаном, частью Восточного Ирана, рядом областей Средней Азии, северо-западными провинциями Индии. На определенном промежутке времени Газневидам принадлежали и земли Мавераннахра³¹.

Тюркские государственные образования на территории Средней Азии не только не остановили поступательного развития страны, а, напротив, явились как бы новым стимулятором в формировании градостроительства, развития строительного искусства

²⁸ Кочнев Б., 2001. С. 65–83.

²⁹ История Узбекской ССР, 1974. С. 68–71.

³⁰ Гафуров Б. Г., 1989. Кн. 2. С. 121.

³¹ Ртвеладзе Э., 2001. С. 56–65.

ва и ремесел Средней Азии. Очередное вливание тюркского этнического элемента повлияло на формирование этноса Средней Азии, складываются этнокультурные общности со всеми характерными для них признаками.

Огромные изменения произошли в строительном деле Средней Азии. Период XI–XII вв. по количеству возведенных монументальных культовых и гражданских сооружений, их высокому художественному и техническому уровню, инженерным решениям, судя по сохранившимся памятникам архитектуры (часто в руинах), не имел себе равных; его можно сравнить только с высоким размахом строительной деятельности в эпоху Амира Темура и Темуридов. Тенденция к возведению большого числа общественно-культовых зданий, особенно мемориальных сооружений, в домонгольское время была во многом определена внутриисламскими процессами, в частности развитием суфизма (мистико-аскетического течения в исламе) и связанного с ним «культа святых».

В середине XII в. на севере Средней Азии, в дельтах Аму- и Сырдарьи было создано Великое Хорезмское государство, куда на пике могущества этого образования входили земли, отнятые у Караханидов, Сельджукидов, Газневидов и карахытаев.

В начале XIII в. большая часть Средней Азии была подчинена хорезмшахам. Последний хорезмшах Ала ад-Дин Мухаммад (1200–1220 гг.) в начале XIII в. подчинил себе Мавераннахр и Фергану – богатейшие области Средней Азии. Перед новыми, самыми грозными политическими событиями в истории региона – нашествием татаро-монгольских орд в 20-х годах XIII в. Средняя Азия входила в состав Хорезмского государства.

Однако власть Ала ад-Дина Мухаммада была непрочной. Видимое могущество Хорезма было ослаблено внутренними раздорами, раздробленностью государства на мелкие полунезависимые вассальные владения, недоверием хорезмшаха военачальникам и местному населению, что значительно ослабило защитную силу государства от хорошо организованной армии Чингиз-хана. Хорезм не был подготовлен к обороне. Это явилось главной причиной быстрого завоевания Средней Азии монголо-татарским войском в 20-е годы XIII в. Вторжение Чингиз-хана было не беспорядочным и стихийным движением кочевников, а хорошо спланированным и продуманным наступлением.

Чингиз-хан с особой тщательностью готовился к походу в Среднюю Азию. Через торговцев, дервишей и путешественников он изучал состояние военных сил противника. Войска хорезмшаха Мухаммада были рассредоточены в разных местах, силы распылены, что облегчило победу монголов. Армия Чингиз-хана продвигалась на запад с поразительной быстротой. В 1219 г. были взяты Отрар, города на средней Сырдарье, в 1220 г. – Бухара, Ходжент, Самарканд. После Бухары и Самарканда монголы двинулись в Каршинскую степь и Термез, затем в Северный Афганистан. В 1221 г. они овладели Балхом, разрушив его, как и Термез, до основания. Сам Мухаммад бежал на юг, на один из островов Каспия, где вскоре умер.

Взятие городов Средней Азии сопровождалось грабежами, поджогами, резней и обращением жителей в рабство, о чем свидетельствуют описания событий очевидцами, в частности арабским историком Ибн Асиром (1160–1244 гг.). Города обезлюдели, пришло в запустение сельское хозяйство, множество населенных пунктов было покинуто, превращено в груды развалин, и после монгольского нашествия, как показывают археологические наблюдения, они больше не восстанавливались. Многие города, в частности Бухара, в течение XIII в. были предметом нескольких междоусобных войн среди потомков Чингиз-хана, которые продолжали наносить огромный урон хозяйству Мавераннахра. В одном из таких военных столкновений при взятии Бухары в 1260 г. погиб сын Сайф ад-Дина Бахарзи – шейх Джелал ад-Дин³².

Как складывалась социально-экономическая ситуация в Средней Азии в монгольское время, нам плохо известно. Хронисты, уделявшие Средней Азии достаточное внимание (Джувайни, Нисави и Джузджани), не дожили до конца XIII в., а труды, написанные в XIV в. (Хамдаллах Казвини), слишком мало касаются Мавераннахра. В результате известны, главным образом, политическая история монгольского государства, хронология царствований, описания феодальных распрей и битв между Чингизидами. Внутренняя жизнь народов Средней Азии, ее социально-экономическое положение остаются неясными, хотя именно в эту пору складывались основы общественной и хозяйственной жизни, которые определили весь ход дальнейшего развития региона³³.

³² Бартольд В. В., 1963. Т. I. С. 574.

³³ Чехович О. Д., 1979. С. 7.

Имеют место записки путешественников из Китая (Чан-Чунь), Западной Европы (венецианцы Николо и Марко Поло, середина XIII в.), мусульманских стран (Ибн Баттута из Марокко, 30-е годы XIV в.), которые побывали в Средней Азии во второй половине XIII – первой половине XIV в. Эти конкретные сведения представляют большой исторический интерес, но не решают проблемы в целом. Некоторые стороны общественных и социально-экономических отношений раскрывают ваكфы XIII – начала XIV в. (О. Д. Чехович), нумизматический материал этого периода (Е. А. Давидович).

Завоеванная монголами территория еще при жизни Чингиз-хана была разделена по монгольскому обычаю на улусы и роздана его сыновьям. Мавераннахр входил во владения Чагатая, но фактически все земли были подчинены великому хану Уктаю (1229–1241 гг.), сидевшему в Монголии. Чагатай как знаток Ясы (монгольское право) пользовался большим авторитетом во всей империи, имел, как все монгольские правители, две ставки – зимнюю (в Мавераннахре) и летнюю (в Семиречье), считался ревнителем Ясы и врагом ислама, тем не менее при нем был культурный советник из мусульман³⁴, который регулировал отношения между местным населением и монгольским правительством.

Как все кочевники, монголы были противниками оседлой жизни, не имели опыта управления большими феодально-культурными областями, своего чиновничьего аппарата. Чингиз-хана и его царевичей интересовали лишь дань, систематически поступающие доходы с покоренных земель. Фактическое управление областями Средней Азии осуществляли наместники из местной среды; традиционная система управления страной не изменилась. Управление Мавераннахром, в частности, было поручено крупному купцу и ростовщику, хорезмийцу по происхождению Махмуду Ялавачу (правил до 1238 г.), который сидел в Ходженте. Ему наследовал сын Масуд-бек. В распоряжении Махмуда Ялавача были большие монгольские отряды во главе с баскаками. Духовенство, купцы и крупные землевладельцы превратились

³⁴ Бартольд В. В., 1963. Т. II (1). С. 147.

в опору монголов и находились в несколько привилегированном положении, а ремесленники и крестьяне, кроме ежегодного налога с земли (*харадж*), несли всевозможные повинности.

В первые десятилетия после монгольского нашествия состояние хозяйства Средней Азии ухудшалось, был кризис в денежном обращении и торговле, которая опустилась до натурального обмена. Все же к концу XIII в. прослеживаются значительный рост торговли и денежного обращения, восстановление городов. Марко Поло назвал Бухару в середине XIII в. одним из лучших городов Средней Азии и Ирана. Подъему экономики, оживлению жизни в городах способствовал ряд мер, предпринятых монголами, которые понимали, что только с хорошо налаженного хозяйства будут собраны большие доходы в казну государства. В 1269 г. на берегу Таласа состоялся Курултай, где монголы обязались не вытаптывать пашни и не вмешиваться в дела оседлого населения. Главными же мерами были денежная и административная реформы Масуд-бека 70-х годов XIII в. (наместник Мавераннахра при Мунке-каане, управлявшем монгольской империей с 1251 г.), который установил регулярный чекан золотых динаров, а затем серебряных монет одной пробы во многих городах Средней Азии и регламентировал подушный налог (*джизья*)³⁵. Вслед за денежной реформой Масуд-бека, в первой четверти XIV в. были проведены реформы Кебека, вследствие которых прекратилась анархия в денежном обращении. Реформы Кебека 1321 г., проведенные с учетом денежного обращения в Золотой Орде и в государстве Хулагуидов (Иран), создали благоприятные условия для внутренней и внешней торговли.

Кебек был первым монгольским государем (1318–1326 гг.), который перенес свою ставку в Мавераннахр, но при этом он оставался язычником. Около Несефа построил дворец (карши), где впоследствии вырос город Карши³⁶. Преемник Кебека – его брат Тармаширин (1326–1334 гг.) принял ислам, стал ревностным мусульманином, сделал ислам официальной религией Чагатайского государства и продолжил политику защиты оседлого населения. Недалеко от Карши он построил замок-дворец Зенд-

³⁵ Гафуров Б. Г., 1989. Кн. 2. С. 189–192.

³⁶ Там же. С. 193.

жир-сарай – свой оплот в борьбе с кочевыми феодалами. В ходе нового обострения борьбы между ханами и беками кочевой аристократии Тармаширин как нарушитель Ясы был убит, а ханская ставка вновь перенесена в Семиречье, и вернул ее в Мавераннахр только последний Чингизид – хан Казан. Он пытался бороться с тюркскими эмирами, но в 1347 г. был убит, и власть в Мавераннахре оказалась в руках тюркского амира Казагана. Последующие чагатайские ханы в Мавераннахре были только подставными лицами. Амир Казаган (1346–1358 гг.) первым ввел практику «подставного хана» из Чингизидов при фактических тюркских правителях. Вначале таковым был Данишмендча, а с 1348 г. – упомянутый выше монгольский царевич из Чингизидов – Буйан-Кули-хан.

Амир Казаган чеканил монеты от имени «подставного хана», зиму проводил в Сали-Сарае, лето в Хутталыне³⁷. Его политика проводилась в интересах военно-кочевой знати, характерны были набеги и грабежи соседних земель. Одно из последних военных мероприятий – набег на Герат и Гератскую область, которые он опустошил. В 1358 г. Казаган был убит. В конце 50-х годов XIV в. Чагатайское государство распалось на отдельные владения, при этом выделилась северо-восточная область, получившая название Моголистан.

После смерти Казагана в Мавераннахре не было сильного правителя, страна находилась в полной феодальной раздробленности, владения переходили из рук в руки враждовавших друг с другом амиров. В середине XIV в. на политическую арену Мавераннахра выступает сын барласского бека Темур. Его отец Тарагай был одним из знатных представителей этого племени, которые вели кочевой образ жизни, но уже начинали переходить к оседлости. Этот род, подобно многим другим монгольским родам в Мавераннахре, смешался с тюрками, постепенно утратив свой язык и обычаи. После почти десятилетней борьбы за власть между ханами Моголистана и тюрками в 1370 г. Амир Темур стал правителем Мавераннахра и в последней четверти XIV в. создал крупнейшую в истории Средней Азии централизованную империю.

Все эти перипетии политической жизни региона оказали свое воздействие на ход историко-культурных процессов края в целом, в том числе на религиозную и вообще духовную жизнь.

³⁷ История народов Узбекистана. Т. I. С. 341.

СУФИЗМ И РИТУАЛЬНАЯ ПРАКТИКА

Как уже отмечалось, ко второй половине XIII в. и особенно в XIV в. в Средней Азии наблюдаются нормализация и подъем городской жизни и хозяйства в целом. Сооружаются не дошедшие до нас упомянутые выше дворцы наместников близ современного Карши; в середине XIII в. в Бухаре от имени монгольской ханши Эргэ-нэ возводится прекрасное медресе Ханыйе, а затем, по указанию наместника Мавераннахра Масуд-бека, — крупное медресе Масудийе на 1000 студентов, разрушенные к концу XIII в. Немногие из дошедших до нас памятников архитектуры монгольского времени относятся, главным образом, к первой половине XIV в. (в Куня-Ургенче). Не сохранилось от той поры и памятников зодчества в Мавераннахре. Мавзолей Сайф ад-Дина Бахарзи, который вошел в некоторые публикации как памятник XIII в., в действительности, как показали археологические исследования, относится к первой половине XV в., а мавзолей Буйан-Кули-хана — к концу монголо-чагатайского периода в истории Мавераннахра — 60-м годам XIV в.

Изучение культурных и социально-экономических аспектов истории этого периода осложнено тем, что до нас дошло крайне мало местных, среднеазиатских письменных известий³⁸. В этой связи обращение к одному из памятников — ханаке XIII в. в Фатхабаде — имеет большое значение для понимания наиболее смутного периода в истории культуры региона.

Благотворительная ханака под Бухарой кубравийского направления являлась типичной суфийской общиной Средней Азии.

Суфизм (араб. *tasawwuf* — мистицизм) как мистико-аскетическое течение в исламе впервые появился на рубеже VIII–IX вв. в западных регионах мусульманского мира (Ирак, Сирия, Египет)³⁹. К X в. суфизм, отделившись от аскетизма, складывается в прогрессивное для своего времени самостоятельное религиозное, философско-нравственное течение в рамках ислама⁴⁰ и широко распространяется по всему мусульманскому миру, от Египта и Испании на западе до Восточного Туркестана на востоке, в том числе

³⁸ Чехович О. Д., 1965. С. 6–7.

³⁹ Петрушевский И. П., 1966. С. 310–320; Гафуров Б. Г., 1989. С. 170.

⁴⁰ Акимущкин О. Ф., 1989. С. 4.

в Иране и Средней Азии. Но ни тогда, ни позже суфизм не стал стройной, четко сформулированной системой взглядов⁴¹. Процесс его формирования был длительным и сложным. Мусульманские отшельники и монастыри существовали еще до суфизма в результате общения с буддийскими монахами в районах Балха, христианскими монахами и мусульманами-керрамиитами в Египте и Иерусалиме.

Мистико-аскетическое течение в исламе имеет глубокие исторические корни и не является исключительным феноменом этой религии. Напротив, мистицизм и связанный с ним аскетизм прослеживаются во всех сложившихся религиозных системах мира — в христианском монашестве, в иудаизме (каббала), в буддизме и индуизме (многообразные формы аскетизма, мистицизма и монашества) и уходят в глубь веков. Сложение суфизма, как и самой религии ислама, в каждом отдельном регионе проходило во взаимодействии с другими, более древними верованиями. Ко времени распространения и утверждения ислама, в первые века хиджры, в завоеванных арабами странах были живы традиции доисламских идеологий, которые были крайне консервативны и, естественно, унаследованы, перекодированы самой молодой религией мира.

Первой общиной суфиев, о которой знает история, были приверженцы Абу Абд ар-Рахмана Сури в египетской Александрии (начало IX в.)⁴². Зародившись в западных странах, суфизм уже к X в. разошелся по всей обширной территории Арабского халифата.

Происхождение слова *суфизм* толкуется по-разному: от арабского «*суф*» — шерсть, от греческого «*софна*» — мудрец, от персидского «*соф*» — искренность, чистосердечие, простодушие, от арабского «*суфа*» — место для сидения. Наиболее распространенная в литературе точка зрения — термин суфизм произошел от слова «*суф*» — шерсть, грубая одежда из овечьей шерсти, которую в качестве суфийского отличия дервиши носили на раннем этапе развития этого течения. Мукаддаси (X в.) сообщает, что дервиши носили шерстяную рясу (*суф*) и головную повязку, ниспадающую с головы, наброшенную поверх тонкой шапочки. Их одежда была синего цвета, может быть, потому, что была наиболее практична для бедных странников⁴³. Синяя хирка суфиев Фатхабада названа в вакфе XIV в.⁴⁴

⁴¹ Там же.

⁴² Бартольд В. В., 1963. Т. II (1). С. 232.

⁴³ Мец А., 1966. С. 233.

⁴⁴ Чехович О. Д., 1965. С. 117.

Суфизм, как и вся связанная с ним культовая практика, его организационные формы, на протяжении веков прошел несколько стадий развития и трансформаций, определенных изменениями социально-экономической и политической ситуации, идейных течений, догматики и философии суфизма, географией его распространения. При этом нельзя говорить о линейной эволюции, а скорее о циклическом развитии или пульсации центральноазиатского суфизма⁴⁵.

Условно (с вариантами у разных авторов) выделяется несколько этапов развития суфизма: VIII–X вв. – период появления и распространения суфизма; XI–XIII вв. – классический период в истории суфизма, формирование организационных структур – ханака, завийа и суфийских братств; XIV–XV вв. – период политизации деятельности суфийских братств-тарики; XVI–XVII вв. – период стагнации (застоя); XVIII–XIX вв. – период постепенного спада, деградации суфизма.

Ранние формы суфизма (ярко выраженная мистика и аскетизм, безбрачие, уход от мира) вызывали негативное к нему отношение нормативного ислама. Суфизм на первом этапе объявлялся новшеством – *бид'а* (ересью), а потому был осужден частью суннитского духовенства, существовал как обособленное религиозное течение, игнорируемое нормативным исламом⁴⁶.

Постепенно, примерно с XI в., главным образом после учения известного теолога, философа мистицизма Газали (1058–1111 гг.) и его предшественников Аш'ари и Матуриды, суфизм трансформируется в более приемлемую, терпимую для широкого круга населения форму, так называемый «умеренный суфизм», происходит постепенное «примирение» суфизма и суннитского богословия⁴⁷, создается классический суфизм, сыгравший огромную роль в духовной жизни народов, исповедующих ислам.

Суфизм сформировал в недрах официального ислама новый пласт, целый блок нравственных, этических представлений, проповедовал такие морально-этические идеи, как чистота сердца и рук, социальная справедливость, равенство всех людей перед Богом, утверждение доброты, совестливости и братства среди

⁴⁵ Хисматуллин А. А., 2001. С. 18.

⁴⁶ Петрушевский И. П., 1966. С. 316–319.

⁴⁷ Петрушевский И. П., 1966. С. 321–330; Массэ А., 1961. С. 163; Тримингэм Дж. С., 1989. С. 21.

людей⁴⁸. Элементы суфийских учений попадают во все виды литературы и продолжают сохранять господствующее положение в течение целого ряда веков.

Со временем суфизм широко распространяется, и в его братства вступают не только беднота, но и богатая прослойка населения, феодалы и купцы. Быть суфием стало почетным, признаком хорошего тона. С XII в. в странах ислама, в том числе в Средней Азии, на базе дервишских (*дервиш* – синоним суфия) обитателей складываются крупные суфийские объединения – братства, или *тарики* (в литературе чаще – ордены⁴⁹), которые содержались на вакуфные средства, частные пожертвования; в ряде случаев западные суфийские братства поддерживались государством. В последующем в некоторых странах, в частности в Средней Азии, суфизм в отдельные периоды занимал господствующее положение, влиял на политическую и культурную жизнь страны (XIV–XVI вв.).

Суфийские братства были богаты и независимы. Известные шейхи-суфии становились духовными наставниками амиров и ханов (шейх Шамс ад-Дин Кулал – духовный наставник Тарагая – отца Амира Темура; известный шейх Мир-Сейид Барака – духовный наставник самого Амира Темура).

В Средней Азии в XII в. образуются и действуют четыре крупных религиозных суфийских братства – Кубравийа в Хорезме во главе с известным шейхом Наджм ад-Дином Кубра (1145–1221 гг.), куда в качестве мурида (ученика) на первом этапе входил и Сайф ад-Дин Бахарзи, и братство Ходжаган, основателем которого стал Абд ал-Халик Гиждувани (ум. в 1172 или в 1220 г.). Самым знаменитым продолжателем развития теоретических основ этого братства стал бухарский шейх Баха ад-Дин Накшбанд (1318–1389 гг.), имя которого стало позже фактически новым эпонимом братства – Накшбандийа (в научной литературе принято название братства с XIV в. – Ходжаган /Накшбандийа/). Крупная ханака этого братства была основана в селе Каср-и Арифан, около Бухары. В XV в. во главе этого братства встал могущественный, богатый шейх Ходжа Ахрар.

Третье крупное братство – Кадирийа в Фергане – дочернее образование крупного ордена, основанного в Багдаде Абд ал-Кадиром

⁴⁸ Акимущин О. Ф., 1989. С. 5.

⁴⁹ Напр.: Тримингэм Дж. С., 1989; Массэ А., 1961. С. 161; Петрушевский И. П., 1966. С. 311; и др. По этому вопросу см.: Акимущин О. Ф., 1989. С. 12.

Джилани (ал-Гилани, 1077–1166 гг.). Четвертая тарика – Йасавийя в Туркестане, связана с кочевым тюркским населением северо-восточных областей Средней Азии, основана шейхом Ходжа Ахмадом Йасави (ум. в 1166 г.), восходит к Бухарской школе тасаввуфа, созданной Ходжой Йусуфом Хамадани (ум. в 1140/41 г.)⁵⁰ Братство Йасавийя, сыгравшее большую роль в исламизации тюркского населения, отличалось этническим колоритом – типом одежды, участием женщин в церемониях, особым видом радений – «зикр-и арра» (зикр пилы), способом жертвоприношений⁵¹. Практикуемые в Йасавийя радения принадлежали к разновидности «джахрийя» – громкого зикра. Это слово (джахрийя), наряду с названием «зикр пилы» (зикр-и арра), стало фактически основным наименованием этого братства-тарика, его синонимом, со временем почти вытеснившим термин «Йасавийя». Произошло это в позднем средневековье, скорее всего в XVIII – начале XIX в., когда все суфийские братства в Средней Азии стали различаться и в обиходе, и в официальных мусульманских документах по виду практикуемого ими зикра⁵².

Между разными суфийскими объединениями была постоянная конкуренция, шла борьба за большее влияние среди верующих, подчас принимавшая ожесточенный характер. Братства суфиев представляли собой крупные, разветвленные организации со своими шейхами и особым внутренним регламентом. Как и в христианских монастырях, в суфийских объединениях складывались свои нормы поведения, напоминающие своеобразные уставы. Эти уставы в разных суфийских обителях были разные, но объединял их один общий обряд – *зикр* (многократное поминание имени и эпитетов Аллаха). Особым ритуалом было слушание музыки и мистических газелей, который назывался – *сама*'. В XI в. к *сама*' и зикру присоединяются и дервишские ритуальные танцы – *ракс*. Были суфии, для которых суфийские ритуалы ограничивались только пляской (вращение, прыжок)⁵³. Громкий зикр практиковали в братствах Кубравийя и Кадырийя. У Йасавийя существовали разные виды зикра «*джахр*», но наиболее популярен был упомянутый выше «зикр пилы», название которого

⁵⁰ Джумаев А., 2001. В. 1(3). С. 12.

⁵¹ Тримингэм Дж. С., 1989. С. 223, прим. 104.

⁵² Джумаев А., 2001. В. 2(4). С. 17.

⁵³ Мец А., 1966. С. 233–234.

произошло от того, что ритм и способ релитации основной формулы во время этого зикра напоминают звук пилы. Тихий зикр «*хафи*» был характерен для Накшбандийя.

Для внутренней организации суфийских объединений были характерны строгая духовная иерархия, полная зависимость от главного шейха, обладавшего неограниченной властью, © как носителя божественной милости (*греч. харизма*) – «*барака*»⁵⁴.

Суфизм – это не конкретная идеологическая система, а множество течений, школ и направлений, объединенных лишь в области практического суфизма – ритуальной практики, где путем экстаза и внутреннего озарения суфии достигали духовного, интуитивного познания божества⁵⁵.

В науке к настоящему времени не сложилось единого суждения относительно этого чрезвычайно сложного, многопланово-мозаичного религиозного мировоззрения, охватившего весь мусульманский мир. Относительно слабо изучены мистические течения Средней Азии, хотя в последние годы этому вопросу уделяется все больше внимания, главным образом философии суфизма, отчасти проблемам связанной с ним культовой архитектуры.

Ритуал. Культовая практика в суфийских общинах была связана, как уже говорилось, с радениями или обрядом богопоминовения – зикром. Зикр был громкий (ар. *джахр* или *джали*, *джахрийя*, *джхар*) и тихий (ар. *хафи*, *хафийя*, *хуфийя*), практиковался коллективно и/или индивидуально, с наличием или отсутствием музыкальных радений (*сама*', *хадра*), иногда с танцами (*ракс*), была выработана особая техника дыхания⁵⁶. В систему обрядов входила также практика индивидуального сорокадневного затворничества (*чилла*) или уединения (*халват*) в келье; практика многократного повторения особым образом составленных текстов с включением сур и аятов из Корана (*хатм*)⁵⁷. Во всех случаях вслух или про себя непрерывно повторялось имя бога или его эпитеты – Аллах или Хуа (Он) или же сразу – «ла илаха илла-л-лах», пока губы не онемеют⁵⁸. Главное в радении – достичь мистического экстаза или экстатического транса, что, по мнению дервишей,

⁵⁴ Барака – благословение, святость, добродетель как духовная сила, передаваемая по наследству (см.: Ислам: Энциклопедический словарь, 1991. С. 38).

⁵⁵ Акимовский О. Ф., 1989. С. 4.

⁵⁶ Хисматуллин А. А., 2001. С. 10.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Петрушевский И. П., 1966. С. 324.

являлось главной божественной благодатью. В странноприимных домах (ханака) под радения отводились специальные помещения – сама'ат-хана, для зикра – джама'ат-хана, или зикр-хана.

Сама'. Огромную роль в суфийском богослужении играли радения – *сама'*. Мукаддаси рассказывает о суфийских собраниях в Сусе (Тунис) – «то я кричал вместе с ними, то читал им поэмы (касыды)»⁵⁹.

Становление обрядности в исламе завершилось рано, и в рамках официальной религии она уже больше не обновлялась. Однако позже ни в одном из значительных центров в богослужении не придерживались пуританизма старого ислама, как проследил по источникам Адам Мец. Повсюду пробивались наружу древние религиозные формы – в частности, музыкальное оформление службы. В Хорасане вошло в обычай устраивать церковный хор (подражание христианскому церковному обычаю), который находился на скамье напротив минбара и пел «искусно и мелодично» (Мукаддаси)⁶⁰. Этот обряд, однако, то запрещали, то разрешали ортодоксы ислама и дальнейшее развитие этой обрядности было связано с суфизмом. Музыка, не считая пения *азана* (призыв на молитву) или чтения нараспев Корана, не нашла места в исламе, но зато сыграла огромную роль в суфизме. Уже на раннем этапе сложения суфизма письменные источники (IX в. – словарь ал-Халладжа)⁶¹ фиксируют радение – *сама'* (от ар. слушание)⁶² – как суфийский обряд, связанный с инструментальным и вокальным сопровождением.

Исполнение религиозных песнопений, декламаций, радение с музыкой, введение музыкального сопровождения и вокала во время суфийских бесед, к которым позднее присоединяется дервишеский танец (ракс)⁶³, – элементы зикра.

Музыка являлась одним из наиболее эффективных средств достижения экстатического состояния как особой милости бога. Слушание музыки было введено в обычай у шейхов уже в IX в., хотя точное время появления сама' в суфизме не известно, но надо предполагать глубокую древность. Истоки сама' в суфизме иссле-

дователи связывают с манерой читать Коран нараспев, которая вырабатывается уже в первые века ислама, и даже с обычаем пророка Мухаммеда, который, по преданию, любил слушать песнопения своих жен и рабынь⁶⁴.

Сама' с восторгом описывает марокканский путешественник Ибн Баттута, который в 30-е годы XIV в. побывал в ханаке Фатхабада. Внук Бахарзи – шейх Йахйа принял Ибн Баттуту у себя дома (в ханаке) и собрал знатных лиц города. «Чтецы читали Коран прекрасными голосами, а проповедник произнес речь. Замечательно пели на тюркском и персидском языках. Там у нас прошла чудесная ночь»⁶⁵.

Сама' исполнялась не только на собраниях дервишских общин, но и на меджлисах – открытых собраниях в ханака в определенные дни недели и часы. Для песнопений использовались любовно-эротические стихи в форме *рубай* (четверостишия) народного происхождения, допускавшие символическое истолкование любви к Богу⁶⁶. Складывается суфийская поэзия, достигавшая большой художественной высоты. Она начала появляться уже в VIII в. (Рабиа ал-Адавийя), а в IX в. уже имелись многочисленные образцы на арабском языке.

Обряд сама' не всегда принимался исламом, особенно на раннем этапе он вызывал возмущение ортодоксов и богословов-пуритан, обвинения в ереси и вначале даже преследовался. Но тем не менее обряд сама' удержался, развивался и попытки пресечь его кончались неудачей⁶⁷.

В обряде обычно принимали участие не только члены суфийской общины, но и местные жители – миряне, как зрители⁶⁸. Примерно с конца XVII – начала XVIII в., когда начался процесс некоторой деградации самого суфизма, обряд сама' утратил свою духовную сущность и превратился в тщательно отрепетированный спектакль⁶⁹.

Зикр. Время появления зикра в суфизме точно не известно, хотя традиция, как и сама', доисламская. Зикр и сама' на определенном этапе сосуществовали. Некоторые исследователи счита-

⁵⁹ Мец А., 1966. С. 233–234.

⁶⁰ Там же. С. 271.

⁶¹ Бертельс Е. Э., 1965. С. 57.

⁶² Ислам: Энциклопедический словарь, 1991. С. 205–206.

⁶³ Бертельс Е. Э., 1965. С. 56.

⁶⁴ Там же. С. 45.

⁶⁵ Путешествия Ибн Баттуты..., 1996. С. 266–267.

⁶⁶ Бертельс Е. Э., 1965. С. 45.

⁶⁷ Там же. С. 56.

⁶⁸ Ислам: Энциклопедический словарь, 1991. С. 206.

⁶⁹ Там же.

ют, что зикр произошел от сама' и, следовательно, вслед за сама' (Е. Э. Бертельс). До IX в. зикр в суфизме не обрел законченной ритуальной формы и едва упоминается в источниках. Это были добровольные сборища – «*меджлис аз-зикр*», которые проводились после основного богослужения⁷⁰.

Окончательное формирование зикра происходит вместе с утверждением суфизма в исламе в конце XI–XII в. и сложением тарика.

В различных географических регионах зикр находился под влиянием местных доисламских культов. В Средней Азии, в частности, громкий зикр обнаруживает близость с камланием в шаманизме⁷¹, где идея сексуальных связей с потусторонним миром занимает центральное место, ярко окрасив мистическое течение в исламе⁷². Цель зикра одна – вызвать у суфия состояние экстаза, транса. Для этого в некоторых братствах использовались стимуляторы – кофе, алкоголь, наркотики (известно по позднему периоду). Обряд совершался публично, в мечетях-ханака после полудня или вечером, после последнего ночного моления⁷³.

Истоки происхождения зикра, сама' и ракса как музыкально-танцевального сопровождения суфийского культового обряда уходят в глубь веков, прослеживаются в той или иной форме во многих религиях мира. Религиозные песнопения зафиксированы для середины I тысячелетия до н. э. на предметах из Амударьинскогоклада и Чим-Кургана, где изображены жрецы в качестве участников культового песнопения⁷⁴. Культовое песнопение пронизывает все католическое и православное христианство и, видимо, уходит в иудейскую религиозную практику (пляски и песни царя Давида). Нечто похожее можно уловить в хуралах северного буддизма (ламаизм). Сходство с суфийской практикой зикра и сама' прослеживается в зороастрийской культовой традиции, как это следует из Авесты. Например, в Авесте Ахура Мазда учит Заратуштру постоянно, днем и ночью повторять его имя и эпитеты, которых бесконечно много. Это и был, видимо, первый шаг традиции «зикр», как считает известный знаток Авесты М. И. Исхаков. Что касается

⁷⁰ Мец А., 1966. С. 265.

⁷¹ Кнорозов Ю. В., 1949, № 2. С. 97; Сухарева О. А., 1960. С. 50.

⁷² Штернберг Л. Я., 1939. С. 143–160.

⁷³ Ислам: Энциклопедический словарь, 1991. С. 77.

⁷⁴ Мешкерис В. А., 1999. С. 147.

понятия сама' (слушание), то в Авесте эта роль отводится одной из ипостасей Ахура Мазды – Сраоше. При этом и сам Ахура Мазда – всеслышащий, к тому же слушание повторений имен Ахура Мазды – дело богоугодное⁷⁵. Эта традиция, возможно, еще более старая в основе, уходящая истоками в древнеиранские верования, которая после неоднократных трансформаций перешла в ислам (в практику суфизма).

Культ святых как древняя политеистическая традиция во времена ислама развивается одновременно с появлением суфизма. Непременной составной частью, обязательным компонентом суфийской ханаки была гробница основателя суфийского братства, шейха или других, часто безымянных «святых» (*аулийа*), вокруг которых развивались народные верования, связанные с «культом святых».

Культ святых развивался постепенно, в прямой зависимости от суфизма, благодаря деятельности суфийских братств и вообще дервишизма⁷⁶. Почитаемая гробница – мавзолей (народное название «*гумбаз*» – в Хорезме; «*мазар*», «*аулийа*» – в других местах Средней Азии⁷⁷) с могилой святого, куда совершался *зиарат* и паломники приносили большие подаяния, – был идеологической основой ханака и одним из главных источников (кроме вакфов или государственного содержания ханаки) процветания шейхов и обители в целом.

Иногда ханака и весь культовый комплекс развивался у могилы «святого» или, наоборот, могила (мавзолей) пристраивалась к уже сложившейся ханаке (ханака Сайф ад-Дина Бахарзи в Бухаре, Ходжа Ахмада Йасаи в Туркестане, Нажм ад-Дина Кубры в Куня-Ургенче и др.) – наиболее распространенный вариант.

Культ святых развивался на основе древнейших языческих культов природы и культа предков. Это очень многогранное явление было обращено к почитанию как неодушевленных предметов (камень, дерево, источник), так и к почитанию огромного числа мазаров, связанных с обожествлением пиров (патронов различных ремесел), местных ишанов, шейхов, глав суфийских объединений. Со временем «культ святых» был перенесен на известные истори-

⁷⁵ Благодаря профессору М. И. Исхакова за информацию о возможных истоках традиции суфийской практики в зороастрийской религии, по данным Авесты.

⁷⁶ Петрушевский И. П., 1966. С. 235.

⁷⁷ Снесарев Г. П., 1969. С. 266, пр. 1.

ческие лица, правителей (мавзолей Саманидов в Бухаре, комплекс Гур-Эмир в Самарканде).

Внутри такого явления, как «культ святых», развиваются дифференцированные культы мучеников за веру – «*машады*» – место мученической кончины, не соответствующее, однако, действительной могиле (*кабр*)⁷⁸, и места, где ступала нога святого, – «*кадамджой*»⁷⁹. Тех и других святынь, связанных с одним именем, было много в разных местах мусульманского мира, поскольку место почитания, повторяем, не соответствовало действительному месту погребения. Машады и кадамджой возникали и множились по одному и тому же поводу, в связи с одним и тем же лицом одновременно в разных местах, как выгодные духовенству объекты паломничества и, следовательно, источники доходов. Часто машады возникали значительно позже действительной гибели того или иного святого, когда суфизм стал популярен и признаваем нормативным исламом. Один из крупнейших машадов в мусульманском мире находится в Афганистане (крупный мемориальный комплекс Мазари-Шариф в одноименном городе), связанный с мнимой могилой основателя шиитской партии в исламе – Али (зять пророка Мухаммада), погибшего в 661 г., тогда как действительная могила Али находится в Неджефе (Ирак), а его сына Хусейна – в Карбеле (Ирак). Одновременно, вероятно, совсем поздние машады сыновей Али – Хасана и Хусейна существуют в Навоийской области Узбекистана, в Газгане близ г. Нурата⁸⁰; широко известен и Шахи-мордан – мазар с фиктивной могилой Али в Фергане.

Другой общеизвестный и один из самых ранних машадов Средней Азии (XI в.) – *машад Кусама* в Самарканде. Комплекс Кусама с мнимой могилой миссионера-проповедника VII в. – идеологическая основа и самая древняя святыня всемирно известного архитектурного ансамбля Шахи-Зинда на юге Афрасиаба (домонгольский Самарканд), – возник здесь в первой половине XI в., как установлено археологически, в то время как Кусам ибн Аббас (лицо историческое) погиб во время своей миссионерской деятельности в 676/677 г. и, по данным Малой Кандии (письменный источник XII–XV вв.), похоронен где-то на юге Самарканда, на раннеарабском кладбище Бану-Нахия. Точное место его действительной мо-

⁷⁸ Гольдциер И., 1938. С. 110.

⁷⁹ Сухарева О. А., 1960. С. 32–33.

⁸⁰ Сведения получены мною от нуратинских информаторов.

гилы невозможно установить, так как мусульманское кладбище в округе Шахи-Зинды, на юге Афрасиаба, функционирует с VII в. по сей день и представляет многометровый слой погребений. В гур-хане мавзолея Кусама под майоликовым намогильником 80-х годов XIV в. с эпитафией Кусама и датой 676/677 г. находится могила XI в.⁸¹ Одновременно по этнографическим данным известно, что *машад Кусама* и его матери в XIX в. существовал в Ферганской долине.

Большая часть машадов возникала на обширной территории мусульманского Востока от Египта до Индии во времена утверждения суфизма и развития культа святых. В Средней Азии в позднее средневековье особенно популярны были мазары ишанов и шейхов (*аулийа*), которые были в основе почти каждого мусульманского кладбища. Со временем могилы святых обрастали другими функционально необходимыми сооружениями для совершения *зиарата* (мечеть, хауз с водой для ритуальных омовений, колодец или водопроводная колонка), худжры для проживания паломников, в ряде случаев чилля-хана для уединения на сорокадневный пост. По существу это были суфийские ханака, которые складывались постепенно, управлялись шейхами и часто возникали на более старых местах поклонения. Таким образом, рост числа «машадов» способствовал расширению сети ханака, и наоборот.

Изучение многообразных видов культов, существующих в исламе и в большинстве своими истоками уходящих в глубокую старину, – одна из важных сторон понимания историко-культурных процессов в средневековой Средней Азии.

ХАНАКА

Одновременно с развитием мистико-аскетического течения в исламе появляются специфические учреждения – обители суфиев, странноприимные дома, или *ханака*⁸² (перс. место совместного проживания), где странники-мистики находили приют с пропитанием и отправляли общие суфийские обряды (радения, пост, молитвы,

⁸¹ Немцева Н. Б., 1996. С. 91–92.

⁸² Ханака – согдийская форма персидского «хане» – дом (Бартольд В. В., 1963. Т. II (1). С. 216).

обряд ночных бдений). Ханака в Средней Азии были полифункциональны, функция их менялась в зависимости от стадий развития суфизма и географии его распространения. На раннем этапе – это странноприимный дом с временным или постоянным проживанием отшельников, ушедших от мира, на этапе развитого суфизма и позже ханака – это места суфийских радений, интеллектуальных встреч, диспутов, иногда обучения и даже дипломатических приемов.

Термин *ханака* на раннем этапе был универсальным для многих религиозных течений, толков, еретических сект. Прототипом явились манихейские обители (монастырь) или ханака керрамейцев. По словам Мукаддаси (писал ок. 975 г.), из сформировавшихся в его время движений наиболее активным было «каррамейя», ханака этого ордена имелись по всей мусульманской Азии⁸³.

Ханака манихеев была в Самарканде в X в.⁸⁴ Ханака керрамейцев (приверженцы воинствующего правоверного толка, для которых характерны были подвижничество и богопочитание, совершение зикра) были известны в Мавераннахре (Фергана, Хуттал, Гузганан, Самарканд) и Хорасане (Нишапур и др.), где, по данным Мукаддаси, находился центр керрамитов⁸⁵, а также в Ираке, Иерусалиме, где керрамиты совершали зикр⁸⁶.

Функция ханаки была неоднозначной на разных хронологических этапах и для разных конфессий. Например, манихейская ханака (монастырь), в отличие от буддийского и христианского монастыря, не была общежитием и не имела келий для постоянного проживания монахов; подвижники собирались в монастыре только для богослужения, изучения своей веры и общей трапезы⁸⁷.

Суфийские ханака были преимущественно мужские, как в западных регионах ислама (Дамаск, Багдад, Мекка), так и в Средней Азии, Хорасане, хотя изредка встречались и женские. В Мавераннахре институт ханака, сохраняя общие для таких учреждений функции обители (странноприимного дома), для раннего этапа (X–XIII вв.) имел свои региональные особенности –

⁸³ Тримингэм Дж. С., 1989. С. 19.

⁸⁴ Бартольд В. В., 1963. Т. II (1). С. 216.

⁸⁵ Там же. С. 233.

⁸⁶ Мец А., 1966. С. 233.

⁸⁷ Бартольд В. В., 1963. Т. II (1). С. 218.

ханака здесь в пограничных зонах часто были миссионерскими центрами, тесно связанными с кочевниками.

В Индии ханака появились на рубеже XII–XIII вв., основную роль в их распространении сыграли два суфийских братства – Сухравардийа и Чиштийа.

Ранние суфийские ханака для нашего региона – чрезвычайно редкое явление, хотя уже для X в. Истахри⁸⁸ и Мукаддаси называют в Средней Азии от 1000 ханака (под Пайкендом) до 10 000 в целом по Средней Азии и Хорасану. Лучше изучены ранние ханака Ближнего Востока (Сирия, Ирак) и Египта, где впервые сформировался суфизм. С конца X в. появляются постоянно действующие суфийские ханака, со складывающимся институтом «наставник – ученик», с конца XII в. ханака становятся центром суфийских братств (тарика)⁸⁹.

Постепенно складывались единые нормы общежития и поведения в ханаке. Один из ранних сводов норм поведения, дошедших до нас, – устав хорасанской ханаки в Мейхане⁹⁰. Главные требования – одежду содержать в чистоте и самому быть опрятным, не сплетничать, многократно молиться по ночам, на рассвете просить прощения у бога, по утрам читать Коран, между вечерней и ночной молитвой заниматься повторением обязательных молитв (вирди ва зикри), не вкушать пищу друг без друга, помогать бедным и т. д.⁹¹ Видимо, эти правила были основой устава и других суфийских ханака.

Архитектура ханака складывалась и трансформировалась вместе с развитием самого суфизма. Уже первые кружки суфиев имели обители, но еще не специально выстроенное здание ханаки. Первоначально это был обычный дом, где жил шейх, выделялись помещения для радений и молитвенный зал⁹². Позже под ханаку стали использовать пограничные крепости для газиев – рабаты, а затем строить ханака типа рабатов (здание дворовой композиции с худжрами по периметру и ритуальными залами).

Названия суфийских обителей на Востоке были различны, в зависимости от их конкретного назначения и региональных

⁸⁸ Мец А., 1966. С. 382.

⁸⁹ Акимущкин О. Ф., 1991. С. 272–273.

⁹⁰ Тримингэм Дж. С., 1989. С. 139.

⁹¹ Там же.

⁹² Там же.

особенностей языковой среды. В Хорасане и Средней Азии, например, это *ханака*, в Азербайджане – *ханега*, в Турции – *такийя* или *текке*, в Магрибе – *завийя*, в Египте – *ханка*⁹³. При этом часто имели место терминологическая путаница в названиях обителей дервишей, взаимозаменяемость терминов, особенно на раннем этапе становления суфизма. В ряде случаев *завийей* называли отдельную келью, а келью главного шейха – *саума'а*⁹⁴. На раннем этапе синонимом ханаки был *рабат* (в западной транскрипции часто – *рибат*). В пограничных зонах завоеванных арабами земель существовали рабаты как военная крепость для газиев (борцов за веру) и одновременно рабаты как обители подвижников, боровшихся за спасение страны своими молитвами⁹⁵.

Точно не известно, когда появились первые ханака суфиев. Как уже сказано, первой общиной суфиев, о которой знает история, были приверженцы Абу Абд ар-Рахмана Суфи (начало IX в.) в Египте. К концу IX в. ханака распространилась по всему Ближнему Востоку (Сирия, Ирак), в X в. – в Иране и Мавераннахре. Характерны были нищенство, жизнь на подаяние, безбрачие. В. В. Бартольд отмечает, что на раннем этапе в мусульманском мире, как в христианском, буддийском и манихейском, подвижничество (*зухд*) и ученость (*илм*) соединялись в одном лице; только впоследствии установилось различие между медресе как закрытым учебным заведением и ханакой как обителью подвижников-дервишей⁹⁶. Сходство функций проявилось и в архитектурной форме ханака и медресе – зданиях казарменного типа с худжрами вокруг открытого двора⁹⁷. Это до сего дня приводит к неверной атрибуции архитектурных памятников, основанной только на планировочной композиции.

С утверждением суфизма в суннитской среде, образованием тарика (XI–XII вв.) ханака стали превращаться в крупные странноприимные дома с огромным числом паломников. На стадии классического суфизма ханака были богатыми и независимыми. Многие из них существовали на вакуфные средства, частные пожертвова-

⁹³ Воронина В. Л., 1991. С. 74; Тримингэм Дж. С., 1989. С. 28.

⁹⁴ Бартольд В. В., 1963. Т. II (1). С. 236.

⁹⁵ Там же. С. 202–204.

⁹⁶ Там же. С. 227.

⁹⁷ Там же. С. 203.

ния, иногда финансировались правительством⁹⁸, в этом случае появлялась политическая зависимость.

Ханака имели самый разный статус, величину и значимость в зависимости от социально-политического положения шейха (главы общины), которые менялись на протяжении веков соответственно общей социально-экономической и исторической ситуации в регионе. Существовали небольшие и крупные ханака (до 400 келий для суфиев, по Ибн Баттуте), роскошные, похожие на дворцы⁹⁹, и среднего уровня. В ханаке Абу Сайида Мейхени (967–1049 гг.) в Нишапуре, например, было 120 суфиев, из них 40 – постоянно живущих и 80 странников¹⁰⁰.

Практически обители суфиев в Средней Азии делились на ханака дворовой композиции (X–XIII вв.), где функция приюта для паломников была доминирующей, и более поздние ханака (XIV–XVI вв.) – портално-купольные структуры, назначение которых было ограничено ритуально-культовыми обрядами, диспутами и молитвой, проведением встреч. Последние были характерны для периода расцвета суфизма и располагались преимущественно в городах.

Общей чертой для большинства ханака раннего периода, как ближне-, так и средневосточных, в том числе Средней Азии, была универсальная планировочная структура ханака, определенная функцией здания – это центральный двор, иногда с водоемом (*хаузом*) в середине (ханака ан-Носсак 1358 г. близ Сале, в Марокко, и в Сирии, ханака-мечеть султана Баркука начала XV в. в Каире)¹⁰¹. По сторонам двора располагались жилые помещения (*худжры*) для паломников, жилища для шейха и его учеников (*муридов*), общие залы для молитвы и суфийского ритуала (*джама'ат-хана*, *сама'ат-хана*), хозяйственные помещения – трапезная, кухни, амбары, кладовые, тахарат-хана для омовений, уборные, иногда бани.

Дворовые ханака кратко описаны Дж. С. Тримингэмом: в центре ханаки двор, по обеим сторонам шла крытая аркада (*ривак*) с комнатами (*халват-хана* или *табака*). Справа или слева располагался центральный зал, где отправлялись совместные ритуальные уп-

⁹⁸ Тримингэм Дж. С., 1989. С. 27–31.

⁹⁹ Там же. С. 27.

¹⁰⁰ Бартольд В. В., 1963. Т. II (1). С. 236.

¹⁰¹ Воронина В. Л., 1991. С. 74.

ражнения. В зале перед михрабом лежала баранья шкура, на которой во время приемов или религиозных церемоний сидел шейх. Часто мечеть стояла отдельно, а кухня и службы, нередко баня находились при здании¹⁰².

Обряд поступления в ханаку описывает Ибн Баттута: «Когда появляется вновь прибывший, он должен встать перед входом в ханаку, опоясавшись и перекинув через плечо молитвенный коврик. Пожитки он должен держать в правой руке, а кувшин для омовения в левой... Приведя себя в состояние ритуальной чистоты, гость подходит к коврику, снимает пояс и молится, дважды распростершись ниц, после чего пожимает руку шейху, а также всем, кто присутствует, и занимает свое место среди них»¹⁰³.

Обязательным компонентом ханаки в пору сложившегося суфизма (и, видимо, раннего тоже) была гробница шейха – основателя тарика или общины и его потомков, которая могла быть пристроена к ханаке позже ее основания, после смерти «святого», или, наоборот, ханака возникала у святой могилы.

ХАНАКА СРЕДНЕЙ АЗИИ

(Типология, этапы трансформаций)

В Средней Азии в домонгольскую пору и позже обители различных суфийских братств были широко распространены, особенно в местностях, прилегающих к степи, – в Бухаре и ее округе, в Туркестане, а также в Термезе, Чаганиане, Хутталяне. Как сообщают письменные источники, шейхи и дервиши распространяли свое учение среди кочевников. Проповеди подвижников оказывали на них большее влияние, чем книжная мусульманская наука¹⁰⁴. Однако от домонгольского времени до наших дней дошли считанные сооружения этого рода, в ряде случаев обители не опознаны или памятники неверно атрибутированы.

Многие ранние ханака не имели специально построенных зданий, размещались в домах, которые, надо полагать, различались по архитектуре, хотя функциональное их назначение было одинаковым. И тем не менее, уже в X в. было много обителей

¹⁰² Тримингэм Дж. С., 1989. С. 141.

¹⁰³ Ибн Баттута (изд. 1928 г.). С. 20, цит. по: Тримингэм Дж. С., 1989. С. 142.

¹⁰⁴ Бартольд В. В., 1963. Т. II (2). С. 32.

суфиев по всему мусульманскому Востоку, в том числе в Средней Азии и Хорасане.

Истахри, как говорилось, насчитывал в Средней Азии и Хорасане более 10 000 рабатов-ханака¹⁰⁵. Только в Пайкенде, близ Бухары, Мукаддаси видел около 1000 рабатов, которые к X в. предназначались для чтецов Корана, а военное значение их давно было забыто¹⁰⁶. Раскопанные археологами пайкендские рабаты имели внутренний двор, застройку по сторонам небольшими помещениями¹⁰⁷. Как и на западе мусульманского мира, пайкендские рабаты были превращены в обители суфиев, т. е. выполняли функции ханаки. Около Бухары в X в. был рабат ан-Нур, который славился ежегодными сборищами суфиев (*мавсин*)¹⁰⁸.

В Средней Азии известна дворовая ханака Серави XI в. в Туркмении. Две ханаки Бахарзи XIII в. с внутренним двором реконструируются мной, как будет показано ниже, по данным вакфа 1326 г. в Фатхабаде, под Бухарой.

Наибольший интерес представляет крупная ханака Ходжа Машад (64 x 46 м) на юге Средней Азии, которая функционировала с XII до конца XVI в., как показали археологические исследования¹⁰⁹. Монументальное сооружение, сохранившееся в руинах и частично раскопанное в 1965 г., находится в низовьях р. Кафирниган, на юге Таджикистана, у селения Саят. Здание стоит на материке¹¹⁰, построено характерным для XI–XII вв. комбинированным способом из квадратного сырцового и жженого кирпича одного размера (28 x 28 x 5 см) и пахсовых блоков (основания сырцовых стен). Планировочная композиция включает открытый четырехайванный двор с двумя сквозными проходами на продольной оси, оформленными порталами, два крупных (западный на первом этапе, видимо, был зиарат-хана с михрабом) купольных мавзолей из жженого кирпича с юга (с чилля-ханой в западном пилоне южного портала), общие квадратно-купольные помещения для ритуальной практики по сторонам северного сырцового портала, жилые

¹⁰⁵ Мец А., 1966. С. 382.

¹⁰⁶ Бартольд В. В., 1963. Т. II (1). С. 202–204.

¹⁰⁷ Мухамеджанов А. Р., Адильов Ш. Т., Мирзаахмедов Д. К., Семенов Г. А., 1988. С. 117, рис. 2.

¹⁰⁸ Тримингэм Дж. С., 1989. С. 239, гл. VI, пр. 3.

¹⁰⁹ Немцева Н. Б., 1983. С. 16–163; Немцева Н. Б., 1995. С. 122–134.

¹¹⁰ Материк под стенами памятника XII в. представляет собой супесчаные отложения р. Кафирниган, русло которого во времена появления памятника находилось значительно ближе к нему и являлось основным источником воды.

и хозяйственные худжры по сторонам двора. Ханака Ходжа Машад находилась на древнем пути из Кабадиана в Балх (вдоль русла р. Кафирниган), примерно в 100 км от крупного городского центра (Термез, Кабадиан, Балх), и, возможно, как и другие странноприимные обители, расположенные вне населенного пункта, одновременно являлась придорожным заезжим двором, где останавливались миряне¹¹¹.

Этнографические данные, полученные от местных информаторов, свидетельствуют, что в одной из худжр северо-восточной части двора Ходжа Машада в начале XX в. жил шейх (глава и хранитель мазара суфийской обители), а во время двух главных мусульманских праздников (*курбан-байрам* – праздник жертвоприношения и *ид-ал фитр* – праздник разговения) население ближайших поселков у мавзолеев в южной части Ходжа Машада в складчину готовит ритуальную пищу – *халим*.

Несколько дворовых ханака домонгольского и раннемонгольского времени известны в Хорезме, в частности ханака шейха Наджм ад-Дина Кубры в Куня-Ургенче. В состав этой ханаки входили трехчастная сложносоставная гробница Кубры начала XIII в., мечеть, ритуальный купольный зал и двор в обводе худжрами для проживания паломников, который реконструируется по остаткам¹¹². Позже в комплекс-ханака, возникший, видимо, при жизни Кубры, в начале XIII в., был введен мавзолей Султан-ата (XVI в.), построенный в северо-восточном углу двора ханаки (рис. 2).

Вторая ханака, основанная в XIII в. в Куня-Ургенче, принадлежит шейху Ибн Ходжибу и также включает двухкамерную гробницу «святого», мечеть с подсобными помещениями и двор, застроенный худжрами (вскрыт частично)¹¹³ (рис. 4).

Исключительно интересна Белая ханака XII–XIII вв., расположенная на восточной возвышенности городища Миздахкан, также

¹¹¹ Определение функции единовременной ханаки Ходжа Машад как медресе, равно как разделение его на строительные периоды с датировками, не соответствующими археологическим данным (Хмельницкий С., 1996. С. 261 и далее) в научном плане несостоятельны (см.: Немцева Н. Б., 1995. С. 122–134). Медресе как высшая духовная мусульманская школа, своего рода университет во все времена имела статус городского института и немыслима в пустынном месте, на дороге, в окружении кладбища – ситуации, типичной для суфийских обителей.

¹¹² Обмерный план ханаки любезно предоставил мне преподаватель Нукусского Гос. университета Хакимиязов Ж., под руководством которого студенты проводили частичные раскопки и обмеры памятника.

¹¹³ О шейхе Ибн Ходжибу см.: Халимов И. Б., 1991.

закрывающая двор (60 x 60 м) в обводе худжрами, мечеть, ритуальный зал (17 x 18 м), кухню и хозяйственные помещения, а также могилу шейха Сулеймана Хаддади Мусевийа (не обследована), известного по источникам¹¹⁴ (рис. 3).

Предположительно, ханака XIII в. с внутренним двором (48 x 31 м) частично раскопана в 350 м от феодального замка Каваткала (Каракалпакия, Бегунийский район). Ханака построена из пахсы, по восточной стороне двора раскопано 8 изолированных друг от друга худжр с входными айванами, одного размера и планировочного типа. С юга к ханаке примыкал мазар типа «*хазира*» (открытый двор с погребениями) с плоскими намогильниками (вскрыто 19)¹¹⁵.

Все перечисленные памятники представляют собой ранний тип ханака, где доминировала функция странноприимного дома, включавшего определенное число помещений вокруг двора для проживания дервишей, ритуальные залы или мечеть, хозяйственные помещения, в том числе кухню. В основе культового комплекса-ханаки всегда была гробница, которая в ряде случаев возникала позже основания обители, после смерти главного шейха.

Попытка ввести в круг домонгольских ханака Средней Азии известные поздние купольные структуры (ханака XIV в. близ ансамбля Султан-Саодат и ханака начала XV в. в комплексе Хакима ат-Термизи) или памятники иного функционального назначения, также крытые куполом (загородный дом – иморат в Мисриане, каменную крепость Таш-Рабат в горах Кыргызии)¹¹⁶ противоречит данным исследований и, мягко выражаясь, не серьезна. В двух первых случаях – ханака в ансамбле Султан-Саодат¹¹⁷ и ханака XIV или начала XV в. у мавзолея Хакима ат-Термизи свидетельствуют о поздних датах возведения этих ханака. Как показали археолого-архитектурные исследования, в двух последних отсутствуют (кроме совершенно нетипичной планировки) главные показатели суфийской обители – *гробницы*, обязательные для всех ханака, или хотя бы *михраб*, если не в главном купольном зале – мечети, то хотя бы в одном из помещений, где могли бы проводиться обрядовая практика и молитвы.

¹¹⁴ Хакимиязов Ж., 1999. С. 16.

¹¹⁵ Вактурская Н. Н., Вишневская О. А., 1959. С. 162–167.

¹¹⁶ Хмельницкий С., 1996. С. 277–282.

¹¹⁷ Некрасова Е. Г., Филимонов В. М., 1989. С. 86–92.

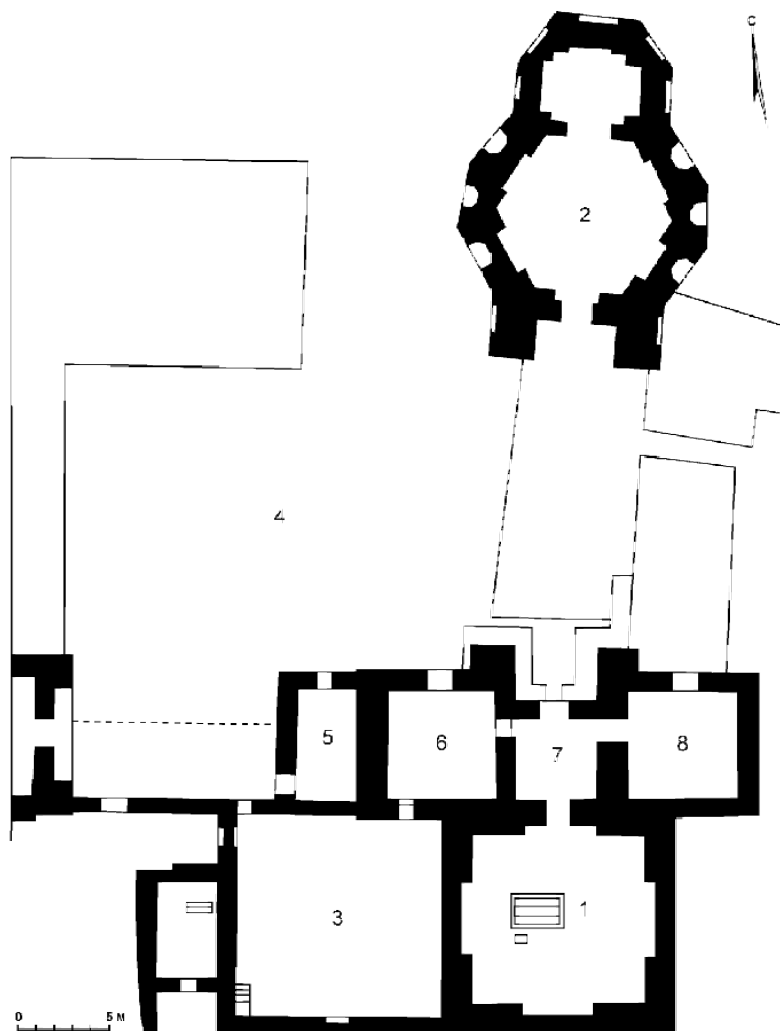

Рис. 2. Ханака Наджм ад-Дина Кубры в Куны-Ургенче (XII–XIII вв.).
План стен. (По Ж. Хакимниязову).

1 – гробница Наджм ад-Дина ал-Кубры XIII в.; 2 – мавзолей Султан-заде XVI в.;
3 – мечеть; 4 – двор; 5–8 – служебные помещения.

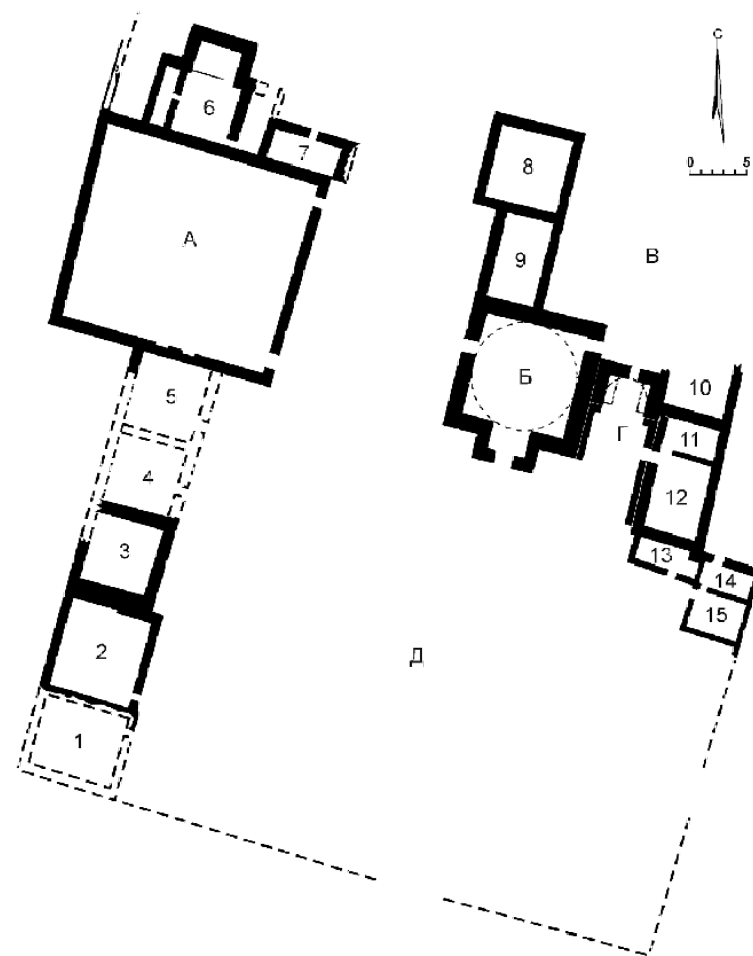

Рис. 3. “Белая” ханака с городища Миздахкан в Хорезме (XII–XIV вв.).
План стен. (По Ж. Хакимниязову).

А – летняя мечеть XIII–XIV вв.; Б – ханака XII–XIV вв.; В – “святая могила” Сулеймана Хаддади Мусевийа (не исследована), известного по письменным источникам; Г – входная дарваза-хана; Д – двор (XII–XIV вв.). 1–15 – худжры для жилья и хозяйственные помещения.

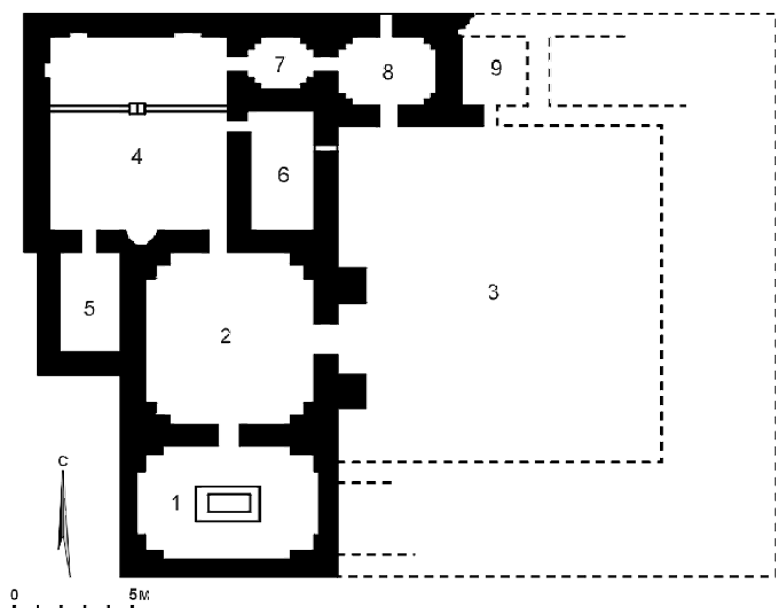

Рис. 4. Ханака Ибн Ходжиба в Куны-Ургенче (XIII–XV вв.).
План стен. (По Ж. Хакимниязову).

1 – гур-хана; 2 – зиарат-хана; 3 – двор; 4 – мечеть; 5–9 – служебно-хозяйственные и жилые помещения.

Таш-Рабат¹¹⁸, на мой взгляд, по всем показателям – придорожный караван-сарай¹¹⁹ на одном из перевалов в горах Кыргызии; дом в Мисриане (иморат), в Южной Туркмении, – типичное гражданское строение, имеющее большое число аналогов¹²⁰.

В XIV–XVI вв. общественный статус суфизма изменился, мистическое течение в исламе приобрело значение политизированного института. В главных городах Средней Азии: Самарканде, Бухаре, Кермине, Термезе и др. – в это время появились монументальные ханака портално-купольной структуры (ханака

¹¹⁸ Перегудова С. Я., 1989. С. 49 и далее.

¹¹⁹ С. Я. Перегудова в своем монографическом исследовании довольно убедительно пытается доказать, что Таш-Рабат – несторианский монастырь (см.: Перегудова С. Я., 1989. С. 49–66).

¹²⁰ Пугаченкова Г. А., 1958. Рис. на С. 203–207–209–212.

конца XIV в. в Гур-Эмире, ханака Файзабад XVI в., Мухаммад Яр Атталыка, Надир Диван-биги, Накшбанди Баха ад-Дина XVI в. в Бухаре и ее округе, Касым шейха в Кермине, ханака при мавзолее Хакима ат-Термизи XV в., ханака-мавзолей Юнус-хана в Ташкенте XV в. и др.). Ханака в этот период использовались преимущественно для ритуальной практики, диспутов, приемов; они утратили функцию странноприимного дома для постоянного или временного проживания дервишей, и в них находился только ограниченный штат необходимого персонала (шейх, сторож, ключник, водонос, уборщик и др.).

В позднее средневековье, в период упадка суфизма (XVIII–XIX, начало XX в.), в городах Средней Азии уже не возводились монументальные престижные здания ханака, а возникали разрозненные комплексы-ханака с необходимым составом построек. Помещения группировались вокруг двора, где были функционально обязательны: мазар с гробницей святого, мечеть-ханака, кухня, ряд худжр для больных и нищих, временных паломников, хауз или колодец (водопровод на современном этапе) для ритуальных омовений, минарет. Эти поэтапно сложившиеся поздние ханака известны в Бухарской, Навоийской областях, Ташкенте и других местах Средней Азии, о чем будет сказано ниже.

Проблема терминологии, генезиса и типологии суфийских ханака Средней Азии как архитектурного здания – одна из наиболее сложных и малоизученных из-за незначительного числа ранних памятников этого назначения.

На первом этапе изучения средневекового зодчества Средней Азии вопрос об эволюции и типологии даже не ставился, шел естественный процесс накопления материала. В научной литературе рассматривались преимущественно дошедшие до нас ханака XV–XVII вв. портално-купольной структуры, сохранившиеся в крупных городах Средней Азии (Самарканд, Бухара, Термез) и представляющие собой тип зданий с центральным купольным залом и небольшим числом служебных помещений по сторонам.

Из поля зрения ученых выпадал первоначальный, домонгольский период в сложении суфийских обителей, а также позднесредневековый. Указание В. В. Бартольда, основанное на письменных источниках, о том, что в домонгольское время ханака Средней Азии имели *дворовую* планировочную композицию, ге-

нетически связанную с *рабатами* – казарменными сооружениями с внутренним двором и помещениями по периметру¹²¹, оставалось вне поля внимания исследователей.

Исключительно дворовые ханака XII–XIV вв. в западных регионах мусульманского Востока (Египет, Марокко, Сирия), известные по литературе (В. Л. Воронина, Т. Х. Стародуб, Дж. С. Тримингэм), а также ряд ханака XI–XII вв. с внутренним двором в Средней Азии, Иране, Азербайджане не рассматривались и не учитывались при изучении проблемы.

Сложилось убеждение, бытующее до сих пор как анахронизм в некоторых работах, что в Средней Азии дворовых ханака никогда не было¹²².

Впервые сквозная типология ханака Средней Азии от раннего до позднего средневековья на основе особенностей планировки была рассмотрена Л. Ю. Маньковской¹²³. Были выявлены позднесредневековые дворовые и многодворовые структуры (ханака Ишан-Имло, медресе-ханака Халифа Худайдод, ханака Кыз-биби XVIII–XIX вв. в Бухаре и ее округе), а также, что очень важно, домонгольские и раннемонгольские ханака дворовой планировочной композиции, хотя и не все (названы ханака Серави XI в. в Нисе, завийа в комплексе Масжиди-Джами в Тебризе начала XIV в.).

При этом генезис дворовых ханака автор выводит из доисламской традиции – буддийских монастырей (Аджинатепе, Фаязтепе)¹²⁴, что, на мой взгляд, не вполне верно. Действительно, дворовые композиции в Средней Азии и на Среднем Востоке вообще имели место еще в древней Бактрии (Алтын – 10), в парфянской архитектуре (дворец в Ашуре), проявились как развитый четырехайванный двор в доисламских буддийских монастырях (Аджинатепе), в придорожных, дворового типа крепостях Ирана¹²⁵.

Однако в средние века, в пору распространения ислама с запада на восток, когда одновременно развивался процесс формирования культовой архитектуры, связанной с новой идеологией, шло проникновение в Хорасан и Среднюю Азию не только новой религии, но и связанных с ней архитектурно-планировочных струк-

тур культовых сооружений. В частности, в Средней Азии и Хорасане складывается два типа мечетей – тип местной крытой мечети, преобразованной из старых доисламских храмов (Магок-и Агтари, XII в., в Бухаре, мечеть Деггарон, XI в., в Хазаре) и западный тип мечети с открытым перистильным двором (мечеть на Афрасиабе, X–XII вв., и более поздние), который появился здесь в результате влияния западной строительной традиции и культуры.

Вместе с процессом развития суфизма в западных регионах постепенно складывалась, как мне представляется, и связанная с ним культовая архитектура – ханака. Архитектура ханака формировалась там, где впервые возник суфизм (Ирак, Сирия, Египет), на основе древней восточносредиземноморской строительной традиции. В этих странах до сего дня в руинах сохраняются ханака XII–XIV вв. дворовой и многодворовой композиции. Постепенно, вместе с суфийским течением, в Хорасан и Мавераннахр проник не только дворовый тип мечетей с обводной колоннадой по периметру, но и дворовые ханака, которые были ассимилированы с уже известным здесь издревле типом зданий с внутренним двором.

В последние десятилетия появился ряд публикаций, касающихся архитектуры ханака Ближнего Востока, где подробно рассмотрены сохранившиеся в руинах или раскопанные крупные ханака, заключающие в основе двор, обведенный серией ритуальных, жилых и хозяйственных помещений, и как обязательный функциональный компонент – гробницу.

Наиболее выразительна в типологическом отношении ханака (завийа) ан-Носсак близ Сале, в Марокко (XIV в.), с центральным двором и бассейном в середине¹²⁶. Исключительно дворовый тип ханака доминировал в исконных местах сложения суфизма на Ближнем Востоке длительное время (огромная ханака ал-Кадим в Алеппо, основанная Нураддином б. Зенги в 1148 г.¹²⁷, ханака-рабат ал-Ферара 1237 г. в Сирии¹²⁸, упомянутая завийа ан-Носсак 1356 г., ханака 1310 г. в Тебризе, завийа си-Слимана XVI–XVII вв. в Марракеше¹²⁹).

О дворовых ханака в местах возникновения суфизма сообщает Дж. С. Тримингэм¹³⁰. Косвенным образом такой же характер струк-

¹²¹ Бартольд В. В., 1963. Т. II (1). С. 202.

¹²² Хмельницкий С., 1996. С. 277.

¹²³ Маньковская Л. Ю., 1980. С. 128–129.

¹²⁴ Там же.

¹²⁵ Siroux M., 1949. P. 42–45.

¹²⁶ Воронина В. Л., 1991. С. 74.

¹²⁷ Тримингэм Дж. С., 1989. С. 141.

¹²⁸ Стародуб Т. Х., 1989. С. 141.

¹²⁹ Воронина В. Л., 1991. С. 75, рис. 21.

¹³⁰ Тримингэм Дж. С., 1989. С. 141.

туры ханаки следует из описаний марокканского путешественника XIV в. Ибн Баттуты, который прошел все мусульманские страны от Египта до Индии, включая Среднюю Азию, и при этом останавливался во время своего странствия в ханака. Судя по контексту, это были сооружения с большим числом дервишей и, соответственно, келий, что характерно для ханака с внутренним двором и обязательной гробницей.

Не касаясь проблемы типологии и генезиса, дворовую ханаку (ханегу) на р. Пирсагат XII в., стоявшую по дороге из Шемахи в Северо-Западный Иран, отмечают азербайджанские историки архитектуры¹³¹.

Надо отметить статью Т. Х. Стародуб о сирийских ханака, где не очень, правда, четко рассмотрены терминология суфийских обителей, сложность и неоднозначность понятий ханака, такийя, завийя, их взаимозаменяемость и трансформация во времени, затронут вопрос генезиса обителей, где отмечены исключительно дворовые композиции для XII–XIV вв. и истоки этой композиции в синкретизме восточносредиземноморской, месопотамской и древнеиранской строительной традиции¹³².

Только в 90-е годы XX в. типология и эволюция суфийских обителей Средней Азии, предложенные Л. Ю. Маньковской на основе классификации планов, впервые были рассмотрены в историко-культурном аспекте в связи с развитием суфизма Н. Немцевой (тезисно)¹³³ и М. Юсуповой в развернутых статьях¹³⁴. Ханака XV в. рассмотрены А. Ураловым и Р. Ахадовым (тезисно)¹³⁵. При этом был учтен весь накопленный к этому времени материал. Выдвинута новая концепция (Н. Немцева, М. Юсупова) – сложение и трансформация суфийских обителей на всем мусульманском Востоке, в том числе в Средней Азии, были непосредственно связаны с этапами эволюции самого суфизма, который, как говорилось, прошел стадии становления в VIII–X вв., формирования тарика и суфийских общин в XI–XII вв., апогея своего развития в XII–XVII вв. и постепенного спада, деградации мистического течения в XVIII–XIX вв.

¹³¹ Бретаницкий Л. С., 1966. С. 93–99.

¹³² Стародуб Т. Х., 1989. С. 270.

¹³³ Немцева Н. Б., 1995. С. 84–85; Немцева Н. Б., 1998. С. 12.

¹³⁴ Юсупова М., 1997. С. 51–58; Yusupova M., 1997. P. 230–250.

¹³⁵ Уралов А., Ахадов Р., 1996. С. 98–100.

Роль и значение суфизма в общественной и политической жизни Средней Азии возрастают в XIV–XV вв. и, видимо, продолжают в XVI–XVII вв., судя по значительному числу сохранившихся ханака в крупных городах (Самарканд, Бухара и ее округа, Кермине). Архитектуре ханака Бухары XV–XVI вв. посвящена статья Г. А. Пугаченковой¹³⁶.

Предложенная очень условная, приблизительная схема этапов эволюции мистического течения в исламе лишь до некоторой степени отражает столь же условно выделенные этапы сложения и трансформации суфийских обителей. На всем протяжении существования суфизма можно выделить примерно три вида основных архитектурно-планировочных схем (при многочисленных вариантах), связанных с изменением социально-политического статуса самого суфизма. Соответственно этапам развития суфизма, а также географии расположения культовых центров в городе или в отдаленной сельской местности, на дорогах между населенными пунктами, менялась и архитектура обителей дервишей. Процесс этот шел отнюдь не параллельно, немногие сохранившиеся ханака дают возможность лишь наметить основные тенденции трансформаций этих культовых памятников и очень приблизительно и условно увязать их с этапами развития суфизма.

Дж. С. Тримингэм, не связывая прямо этапы развития суфизма с трансформацией обителей, практически на этом останавливается, особенно подробно на ханака раннего периода в суфизме, где выделяет дом шейха, затем загородные рабаты, которые с течением времени стали превращаться в ханака¹³⁷. Трудность анализа истории развития ханака (как и тарика) связана со стихийностью самого процесса формирования религиозных движений, и видимая точность, как заметил Дж. С. Тримингэм, на самом деле отсутствует¹³⁸.

Первый этап в сложении ханака – VIII–X вв. Генетические корни ранних ханака, как говорилось, уходят в глубь веков и связаны с особенностями первого периода в сложении суфизма. На раннем этапе, когда мистико-аскетическое течение в исламе (VIII–IX вв.) не признавалось ортодоксальным, суннитским исламом¹³⁹, общины суфиев только появились и архитектурный тип зданий ханака еще не существовал.

¹³⁶ Пугаченкова Г. А., 1994. С. 31–36.

¹³⁷ Тримингэм Дж. С., 1989. С. 139.

¹³⁸ Там же. С. 90.

¹³⁹ Петрушевский И. П., 1966. С. 224, 317.

Первой стадией суфийской организации был кружок, объединявший вокруг наставника его учеников и последователей. Местом расположения такой группы, как говорилось, был обычный дом шейха а не специально построенное здание¹⁴⁰. Дом занимал шейх со своими учениками; там выделялись комнаты для собраний, радений, общей молитвы и жилье. Жизнь в таких *хана* регламентировалась минимальным сводом правил¹⁴¹.

С изменением социально-политической ситуации в пограничных районах Арабского халифата под ханака стали использовать *рабаты*, которые к X в., утратив свою исконную функцию, превращались в религиозные центры, приюты для суфиев или использовались под караван-сарай, медресе и госпитали¹⁴².

Рабаты (рибаты), судя по дошедшим до нас памятникам (рабат в Сусе 821 г., Тунис¹⁴³), представляли собой крепостное сооружение с внутренним двором, застроенным по периметру помещениями. Этот тип здания, характерный для древней строительной культуры Восточного Средиземноморья, оказался универсальным, лег в основу многих, функционально различных сооружений средневековья с некоторой дифференциацией в плане для каждого отдельного случая, соответственно функции и местной строительной традиции. В Средней Азии к этому периоду относится упомянутая ханака Серави X в., возможно, пайкендские рабаты, к X в. превратившиеся в обители суфиев. Рабаты-ханаки, названные Истахри и Мукаддаси в Средней Азии, возможно, также были дворовой композиции.

Второй этап в развитии ханака (XI–XIII вв.) можно связать с классическим периодом в мистическом течении, когда по всему мусульманскому Востоку, в том числе в Средней Азии, в массовом порядке строятся ханака. Это была пора появления большого числа суфийских объединений (тарика, братство) и разветвленной сети местных общин суфиев.

В Средней Азии продолжали сооружать суфийские обители дворового типа, наследующие планировочную структуру рабатов как наиболее приемлемую для функции ханака на этом этапе, ког-

¹⁴⁰ Тримингэм Дж. С., 1989. С. 139.

¹⁴¹ Там же.

¹⁴² Бартольд В. В., 1963. Т. II (1). С. 203; Тримингэм Дж. С., 1989. С. 140, 238–239; Стародуб Т. Х., 1989. С. 271.

¹⁴³ ВИА, 1969. Т. 8. С. 73, рис. 3.

да вся жизнь суфийского братства, как и раньше, протекала в изоляции от мира, в специально построенных зданиях. К этому времени относятся названные ханака Ходжа Машад XII в. на юге Таджикистана, ханака Наджм ад-Дина Кубра в Куня-Ургенче, Белая ханака XII–XIII вв. в Миздахкане, ханака XIII в. Ибн Ходжибу в Куня-Ургенче, предполагаемая ханака XIII в. у Каваткалы в Каракалпакстане, две дворовые ханака XIII в. в Фатхабаде, как будет показано ниже.

Третий этап в развитии ханака (XIV–XV вв.) наиболее выразительно представлен в Средней Азии.

В истории данного региона это был период больших политических и социальных перемен. Укрепление экономики и политической стабильности страны в эпоху правления Амира Темура и первых Темуридов вызвали очередной виток эволюции среднеазиатского суфизма. Это был своего рода апогей развития мистического течения в регионе, когда появляется прослойка богатых влиятельных шейхов (к примеру, Ходжа Ахрар, ум. в 1490 г.). Шел процесс политизации суфийских общин. Социальные перемены в обществе привели к изменению функции ханака и, как следствие, – к трансформации архитектурного типа здания.

В пору высокого подъема роли и значения суфизма, в XIV–XV вв. и позже, появилось большое число ханака, как показывают сохранившиеся (часто в руинах) или известные по письменным данным архитектурные здания этого назначения в городах Средней Азии. Преимущественно то были монументальные портално-купольные структуры (с вариациями в плане) с небольшим числом необходимых служебно-хозяйственных помещений по сторонам центрального зала.

Ханака на этом этапе служили главным образом для проведения культовой практики (зикр, сама'а), собраний, приемов, но уже не местом постоянного проживания дервишей. Такие престижные ханака были в Самарканде (ханака Мухаммад Султана конца XIV в. в комплексе Гур-Эмир, ханака Туман-ака начала XV в. в Шахи-Зинда, ханака Улугбека с «самыми большими куполами», по словам Бабура, находилась на площади Регистан, ханака в комплексе Ходжи Абд-и Дарун). В Ташкенте выстроена ханака-мавзолей Юнус-хана. Купольная ханака была в XIV (или в XV в.) пристроена к мавзолею Хакима ат-Термизи. Ряд крытых куполом ханака

возникли в Северном Хорасане (в Герате и его округе, в Зиаратгохе, XV в.)¹⁴⁴. Это были типологически новые ханака по сравнению со странноприимными обителями дворовой композиции предшествующего времени.

В XVI в. строительство традиционных закрытых купольных ханака, как показывают сохранившиеся памятники архитектуры, продолжалось. Близ Бухары возникает ханака Файзабада с центральным куполом, в самом городе – ханака Ходжи Зайн ад-Дина, Яр-Атталыка (разобрана в 50-е годы XX в. из-за аварийности), ханака Надира-Диван-биги у Ляби-хауза. Под Бухарой выстроена обширная ханака Баха'ад-Дина, ханака в комплексе Чор-Бакр, в Кермине – ханака Касым шейха.

Наиболее выразителен монументальный, в два этажа, полифункциональный комплекс-ханака Ходжа Ахмада Йасави в Туркестане (Южный Казахстан), выстроенный по указу Амира Темура в конце XIV в. на месте гробницы шейха XII в. и, возможно, бывшей здесь ханаки¹⁴⁵.

Если дворовые обители имели большое число келий для постоянно или временно проживающих дервишей с полным пансионом и соответствующей организацией хозяйства, то в классический период ханака предназначалась, главным образом, для радений и молитвы, диспутов и обучения; богатые женатые суфии жили в своих домах и усадьбах. Даже гробницы (для второй половины XV и XVI–XVII вв. это, как правило, *дахма*), почти обязательные при ханаке и в это время, выносились за пределы основного здания ханаки, во двор (дахмы ханаки Баха'ад-Дина, Касым шейха, Ходжи Ахрара в Самарканде и др.).

Судить о численности постоянно проживающих в таких престижных городских ханака можно по письменным данным (вакфы) и объемно-планировочным структурам дошедших до нас памятников XV–XVII вв., где наблюдается сравнительно неболь-

¹⁴⁴ Пугаченкова Г. А., 1976. Рис. на с. 76–78.

¹⁴⁵ Гробница Ходжа Ахмада Йасави XII в. вмурована в стены гурханы комплекса XIV в. Сама ханака XII в. археологически не выявлена, ее можно только предполагать у гробницы XII в. Крупная суфийская тарика Йасавийа, основанная в XII в. шейхом Йасави в Туркестане, несомненно имела обитель-ханаку (возможно, дворовую), где размещался основатель ордена и его муриды. С XIV по XIX в. включительно одну из функций ханаки у комплекса Ходжа Ахмада Йасави выполняли Малый и Большой Хильвет (место отшельничества), располагавшиеся с севера и юга от комплекса (см.: Сенигова Т. Н., 1977. С. 42 и далее), где, по преданию, последние годы провел сам Ахмад Йасави.

шое число подсобных помещений и жилых келий. В вакфе начала XIV в. касательно ханаки Рашидийа в Тебризе перечисляется штатный состав таких ханака (1 шейх, 5 суфиев, 1 управляющий, 1 охранный, 1 уборщик, 1 ключник, 1 водонос, 1 факельщик), практически ограниченный необходимым служебным персоналом¹⁴⁶.

Надо сказать, что в тот же хронологический период существовали не только престижные портално-купольные ханака для элиты, но по-прежнему для бедноты строились обители дворовой композиции. В частности, вакф Ходжи Ахрара (вторая половина XV в.) сообщает, что в ханаке под Самаркандом было много имущества (котлы, тарелки, миски, орудия земледелия, лошади, быки, коровы, ослы) и 100 слуг (рабы, в основном из Индии). Они обслуживали обитателей ханаки, кухню и баню. Пищу должны были разносить по кельям, зажигать светильники, следить за чистотой помещений и дворов. Текст свидетельствует, таким образом, об обителях с двором и кельями, где паломники проживали. Таких ханака у Ходжи Ахрара было более 10¹⁴⁷.

На позднем историческом этапе (XVIII–XX вв.) тип ханака претерпел очередные изменения. Социальные и политические перемены последних двух-трех столетий, развитие науки, культуры и просвещения привели к падению значения суфийских общин. Шейхи уже не играли прежней роли в жизни населения мусульманских стран¹⁴⁸. Шел процесс секуляризации, который постепенно менял социальную структуру и ускорил проникновение светских идей в духовную жизнь. Эти перемены настолько подточили тарика, что во многих районах арабского мира они почти полностью пришли в упадок, сложилось негативное отношение к ним светских властей. В Турции, например, один из государственных деятелей сказал: «...Пока существуют *«текке»* (ханака) и *«турбе»* (гробница), цивилизации нет хода в Турцию»¹⁴⁹. В конце XIX – начале XX в. суфийские братства подвергались нападкам, убеждения суфиев оказались под запретом, ритуальная практика осуждена, дервиши стали предметом насмешек¹⁵⁰. Но все же ис-

¹⁴⁶ Blair Sh. S., 1984. V. XXII. P. 86.

¹⁴⁷ Чехович О. Д., 1974. С. 24.

¹⁴⁸ Тримингэм Дж. С., 1989. С. 199–208.

¹⁴⁹ Там же.

¹⁵⁰ Там же.

чезновение *таифа* (братства, тарика) во многих странах к середине XX в. не было следствием борьбы против них, главное заключалось в отсутствии притока молодых сил. В обществе уменьшалась потребность в мистической жизни. Часто общины исчезали со смертью шейхов, поскольку у них не было наследников. Но несмотря на все это, к началу XX в. отдельные братства и ханака продолжали существовать, были актуальны, сохраняли свое влияние на жизнь людей, практиковали разнообразные виды зикра, сохранялся интерес к культу святых¹⁵¹.

В Средней Азии в XIX – начале XX в. наблюдалась примерно такая же ситуация: процесс общей деградации суфийских братств и ханака усугубился общим социально-экономическим кризисом в регионе в XVIII–XIX вв. Именно в это время прекратила свое существование кубравийская ханака Бахарзи в Фатхабаде. Однако некоторые суфийские братства (ответвления тарика Накшбандийа) выжили в Средней Азии и на Кавказе (Дагестан, Чечня)¹⁵². В частности, в Бухаре на рубеже XVIII в. наблюдался расцвет деятельности Накшбандийа-Муджаддидийа¹⁵³. В образовательный центр медресе Халифа Худайдод входила ханака, где проводился по пятницам *зикр-и джахр*¹⁵⁴.

В Средней Азии, как и в других странах Востока, не возникает больше монументальных, престижных зданий ханака, связанных с элитарной прослойкой населения, исповедующей суфизм. *Улемы* (знатоки религиозного права), сеть светских учебных заведений, медресе вытесняют шейхов и суфийские проповеди, хотя еще в середине XIX – начале XX в. в отдельных местах, как говорилось, отправлялись зикры и некоторые суфийские обители продолжали существовать (медресе-ханака Халифа Худайдод XVIII в., ханака Халифа Ниязула XIX в., ханака Кыз-Биби XVIII в. под Бухарой). В состав таких комплексов-ханака, иногда разновременных, входили все функционально детерминированные, традиционные для ханака помещения – двор, гробница (*мазар-аулийа*), около которой развивалось мусульманское кладбище, купольная мечеть-ханака для совершения суфийских радений и намаза, кухня, бассейн или колодец (водопроводная колонка на современ-

ном этапе), баня или тахарат-хана, иногда чилля-хана, ряд худжр для проживания временных паломников, душевнобольных, калек. Состав таких комплексов варьировал в зависимости от значения и роли обители в том или ином районе Средней Азии.

К сожалению, вопрос о поздних ханака в Средней Азии, как и о ранних, слабо разработан, хотя отдельные публикации раскрывают картину жизни таких ханака. В частности, известно о нищенствующем, странствующем братстве Каландарийа¹⁵⁵ в Узбекистане, которое возникло в XVI–XVII вв. В XIX – начале XX в. в Средней Азии имелись довольно крупные их объединения (до 200 человек). Места обитания *каландаров* (тадж. *каландар* – нищенствующий дервиш) второй половины XIX в. описаны В. В. Верещагиным. Каландар-хана (ханака – общежитие каландаров, приют для нищих) были во многих городах Средней Азии, представляли собой постройки с внутренним двором, расположенные в лучших уголках города. Посреди двора находилось возвышенное место для молитвы, у шейха и его семьи – особое помещение, холостые каландары жили в просторном помещении по 20–30 человек, нищие, калеки и странники ютились в маленьких кельях. В каждой каландар-хане был притон для наркоманов (*бува-хана*), где можно было купить гашиш (анаша), опий, кукнар (сироп из головок мака), кроме того, можно было напиться чаю, купить лепешки и сладости, приготовить в складчину плов, узнать новости¹⁵⁶. Согласно уставу братства каландаров, холостые его члены жили подаяниями (*садака*), не имели собственности¹⁵⁷.

Обрядовая практика каландаров имела свои особенности, но в принципе заключала традиционные элементы зикра и сама. Обряд совершался на крыше каландар-ханы или на возвышении в самом здании, где проходили песнопения на стихи среднеазиатских суфиев – Ахмада Йасаи (XII в.), Баба Рахим Машраба (XVII–нач. XVIII в.) и др. Во время моления некоторые песнопения сопровождалось ритуальным танцем, напоминающим зикр¹⁵⁸.

В 90-е годы XX в., с обретением независимости среднеазиатских государств, поднимается новая волна интереса к старым

¹⁵¹ Там же. С. 199–207.

¹⁵² Акимовский О. Ф. В кн.: Тримингэм Дж. С., 1989. С. 253, прим. 26 (гл. IX).

¹⁵³ Фон Кюгельген Анке, 2001. С. 275 и далее.

¹⁵⁴ Там же, 2001. С. 297.

¹⁵⁵ Так называют то самостоятельный орден (тарика), то ветвь одного из орденов (накшбандийа), то неорганизованных дервишей (см.: Петрушевский И. П., 1966. С. 346–347).

¹⁵⁶ Троицкая А. Л., 1975. С. 193–194.

¹⁵⁷ Там же. С. 192–194, пр. 17.

¹⁵⁸ Там же. С. 194–195.

заброшенным святыням, восстановлению гробниц и обителей около них.

В последнее десятилетие XX в., в частности под Бухарой и в Навоийской области, восстановлены, отремонтированы местными муллами несколько таких святынь (судя по составу помещений – явно обитель дервишей), возникших в XIX в., возможно у более старых «аулийа». В большинстве случаев такие «святые места» местного значения, представляющие интерес для поздней истории края, не изучены.

Одна из немногих своеобразных обителей – женская суфийская ханака XIX в. Кыз-Биби, расположенная в 30 км к западу от Бухары, давно обратила на себя внимание (В. А. Шишкин), но лишь недавно введена в научный обиход (Е. Некрасова).

Ханака Кыз-Биби ориентирована входной дарваза-ханой на юг, имеет три двора (хозяйственный, «монастырский», для паломников), мазар Кыз-Биби с айваном и мраморным надгробием, мечеть-ханаку, чилля-хану, кухни, баню, совмещенную с тахарат-ханой, худжры для паломников, помещения для душевнобольных¹⁵⁹. Весь набор функционально разных помещений этой поздней, видимо, поэтапно сложившейся ханаки соответствует тому комплексу помещений, который был характерен для ранних средневековых ханака с внутренним двором, где жизнь суфиев протекала в изоляции от мира (рис. 5).

Три подобных поздних (XIX–нач.XX в.) ханака визуально обследованы нами и зафиксированы в Кызылтепинском районе Навоийской области¹⁶⁰. Все они в последнее десятилетие XX в. отреставрированы местными муллами, местное население хорошо знает эти святыни, совершает паломничество, приношения и некоторые обряды.

Культовый комплекс-ханака Ходжи Аджинабанди находится на окраине кишлака Айранчи, стоит на бугре у старого кладбища. Наверх от дороги ведет широкая лестница, по сторонам которой вмурованы мраморные надгробия со следами надписей и декора. В основе комплекса – гробница Ходжи Аджинабанди в виде длинной (ок. 9 м) саганы, установленной под открытым небом в небольшом дворике. По легенде Ходжа Аджинабанди лечил от

¹⁵⁹ Некрасова Е. Г., 2001. С. 59–62.

¹⁶⁰ Первичное обследование Н. Б. Немцевой и Э. Вульферт в 1999 г.

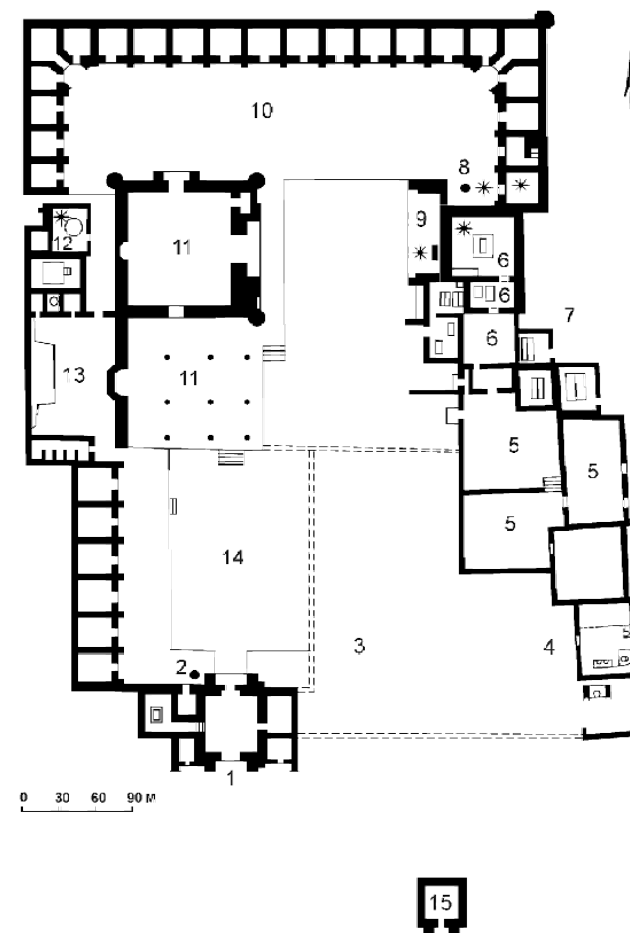

Рис. 5. Ханака Кыз-Биби в Бухарской области (XIX в.).
План стен. (По Е. Г. Некрасовой).

1 – дарваза-хана с мавзолеем суфия и служебными помещениями; 2 – чилля-хана с тугом у входа; 3 – хозяйственный двор; 4 – кухня (ош-хана, или халим-хана); 5 – женская половина; 6 – мазар Кыз-Биби; 7 – мусульманское кладбище; 8 – туг; 9 – айван с мраморным надгробием Кыз-Биби; 10 – «монастырский» двор; 11 – мечеть-ханака; 12 – колодец; 13 – баня (хаммам), совмещенная с тахарат-ханой; 14 – двор для кратковременного пребывания паломников; 15 – здание для душевнобольных. Звездочками отмечены места отправления обрядов.

душевных болезней. Стенка дворика перед гробницей разбита на три сквозные ниши, забранные ганчевыми панджара (для сбора подаваний, главным образом денег), рядом небольшая запущенная чилля-хана с остатками панджары в стене. В переднем от входа дворе находятся две мечети – старая и новая, худжры для паломников, хауз с мутной водой и колодец. Вода из хауза якобы лечит кожные болезни (псориаз), в ханаке бывает табиб, сейчас живет больная девушка с матерью. В 20–30-е годы XX в., до Второй мировой войны, здесь жили каландары.

В 10 км от Айранчи, в с. Бустам, также на бугре, стоит ханака Боязида Бустами с гробницей во дворе, с пятничной мечетью в обводе с двух сторон летним айваном на деревянных колоннах. Внутри мечети деревянный минбар и невыразительный михраб в виде небольшой ниши в гладкой стене. У входа в мечеть стоят туги, как реликвия хранится деревянная пика с железным наконечником. По легенде, имам Боязид Бустами оборонялся этой пикой от нападавших. Во дворе – минарет, колодец, ряд худжр, айван на колоннах. Вход во двор оформлен по сторонам двумя купольными помещениями. По местному преданию, Боязид Бустами (ум. в 1871 г.) был имамом, учился в Бухаре и Ташкенте, по святости (*силсила*) занимал 6-е место.

Остатки третьей обители (?) находятся в поселке Вангази Кызылтепинского района. Культовый комплекс на берегу канала включает поперечно-осевую в плане купольную мечеть, с двух сторон окруженную трехрядовой галереей на кирпичных колоннах (XVI в.). Слева от портала – минарет высотой около 24 м, диаметр в основании – 3,65 м (XVIII в., по В. А. Нильсену¹⁶¹), облицованный поперечными кольцами неполивной резной терракоты, «бантиками». Декор имитирует кирпичные облицовки XII в. Бухарского региона (минарет Калан 1127 г. в Бухаре, минарет XII в. в Вабкенте). Минарет (одновременно дозорная башня) венчает фонарь с 8 сквозными арками и сталактитовой шарафой. По сведениям местных информаторов, комплекс раньше включал медресе, баню и ряд худжр. О мазаре ничего не говорят, но в 50-е годы XX в., судя по старой фотографии, у мечети было кладбище (значит, и могила аулийа?). Теперь это разрозненные, но близко расположенные постройки, образующие замкнутое пространство – двор, заключающие характерный для поздних суфийских ханака состав помещений.

¹⁶¹ Нильсен В. А., 1956. С. 126.

Другой мемориально-культовый памятник, связанный с суфизмом (Каландарийа?), еще в первой половине XX в. можно было наблюдать в старгородской части Ташкента. Это ансамбль Шейхантаур – один из главных исторических заповедников города. Сейчас от довольно обширного комплекса сохранились только три мемориала XV–XIX вв. – мавзолей-ханака Юнус-хана конца XV в. и два рядом стоящих здания – мавзолей шейха Хавенд-и Тахура (ум. в 1355 г.), по имени которого и назывался этот район города (Шейхантаур), построенный на старых фундаментах в XIX в., и мавзолей со склепом Калдыргач-бия (первая половина XV в.?), полностью застроенные современными зданиями. Но еще в первой половине XX в. комплекс включал входной чартак XIX в., медресе Юнус-хана, четыре мечети, минареты, несколько поздних мазаров, чилля-хану, зиарат-хану, хауз Лянгар и ханаку, где дервиши совершали радения – громкий зикр (джахр)¹⁶². Весь этот типичный для позднего средневековья многофункциональный культовый комплекс-ханака дополняли многовековые чинары и большое старинное кладбище, восходящее, видимо, по времени к самым ранним мавзолеям ансамбля XV в.

Этот краткий перечень немногих сохранившихся ханака свидетельствует о том, что на протяжении почти тысячи лет суфийские ханака Средней Азии, как и всего мусульманского мира, трансформировались в связи с общей социально-экономической ситуацией в регионе и этапами развития суфийского течения в исламе.

ХАНАКА В ФАТХАБАДЕ

ЭПОХА. ПИСЬМЕННЫЕ ДАННЫЕ

В XIII в. Средняя Азия, как известно, оказалась под властью немусульманских правителей, и на каком-то этапе ислам потерял здесь статус государственной религии¹⁶³. Монгольское завоевание оттеснило роль ислама в завоеванных странах, на первый план вышли «гробницы святых», различного рода мазары, возросло значение «культы святых». Суфии вытеснили улемов и стали авто-

¹⁶² Булатова В., Маньковская Л., 1983. С. 91–92.

¹⁶³ Тримингэм Дж. С., 1989. С. 64.

ритетными представителями, провозвестниками религиозного течения нового типа. Влияние суфиев не прекращалось и после смерти, благодаря возросшей роли «культы святых», поклонению их могилам. В этот период гробница, а не мечеть выступает как символ ислама¹⁶⁴. Гробница, а также обитель дервишей и кружок участников зикра стали внешними формами выражения «живой» религии для иранцев, тюрков и татаро-монголов¹⁶⁵.

Чагатай и его ближайшее монгольское окружение были противниками ислама, отрицательно относились к быту мусульман¹⁶⁶, но с середины XIII в. положение стало постепенно меняться. Отдельные представители монгольской власти – язычники, шаманисты, буддисты – начали принимать ислам, переносить ставку из степей в Мавераннахр (и обратно). Процесс этот был трудным и длительным, стабильного положения мусульманство до начала XIV в. не получило, продолжалось противостояние военно-кочевой монгольской знати.

Первым из Чингизидов принял ислам Мубарек-шах, примерно в середине XIII в. (его мать Эргэнэ-хатун была буддисткой, но покровительствовала мусульманам). Другая монгольская царица – Сиюркуктени-бика, будучи христианкой, построила в Бухаре в середине XIII в. крупное медресе Ханийе, где мударрисом и мутававли был Сайф ад-Дин Бахарзи¹⁶⁷. Примерно тогда же принял ислам золотоордынский хан Беркай (Берке), сын Батые, который исполнял требования ислама в своей ставке (в частности, не позволял есть свиное мясо) и прибыл в Бухару, чтобы оказать почет улемам этого города¹⁶⁸. Но в 60-х годах XIII в. один из следующих монгольских правителей (Алгуй, ум. в 1264 г.) хотел перебить всех мусульман в Бухаре и Самарканде, которым покровительствовала Эргэнэ; положение спас только мусульманский наместник Масуд-бек¹⁶⁹.

В дальнейшем, до появления в управлении Чагатайским государством тюркских амиров, в первой половине XIV в., статус ислама в Мавераннахре был переменным. Однако шел постепенный процесс отторжения монголов по языку, восприятию местной

¹⁶⁴ Там же.

¹⁶⁵ Там же.

¹⁶⁶ История народов Узбекистана, 1950. С. 336.

¹⁶⁷ Бартольд В. В., 1963. Т. I. С. 549, 566.

¹⁶⁸ Там же. С. 568–569.

¹⁶⁹ Там же. С. 579.

культуры, быта и религии. Как уже отмечалось, последний Чингизид Буйан-Кули-хан – монгольский правитель при тюркском амире Казагане в середине XIV в. – не только принял ислам, но стал суфием кубравийского толка и был похоронен в ханаке Фатхабада, у могилы «шейха ал-алама».

В Иране шел тот же процесс. К концу XIII в., после прихода к власти Газан-хана (1295–1304 гг.), ислам здесь снова становится официально признанным вероисповеданием¹⁷⁰, но значение «культы святых» в жизни мусульманского общества не изменилось. Почитание «святых мест» на высоком государственном уровне продолжалось в Средней Азии и при Амире Темуре, который восстановил, отреставрировал или заново построил многие мечети, ханаки и гробницы в популярных местах поклонения святым могилам.

Паломничество к «святых местам» получило широкий размах не только среди местного населения, но и среди монгольских правителей. В частности, в Самарканде на зиарат к главной святыне города, заменившей хадж в Мекку (по Кандии), – мазару (машаду) Кусамы в Шахи-Зинде шли не только местные жители, но и татаро-монголы еще до принятия ислама. Последние были крайне суеверны, боялись чужого Бога и через мусульманских святых делали жертвоприношения у почитаемых могил. «Каждый вечер, в понедельник и пятницу жители Самарканда шли к гробнице Кусамы ибн Аббаса – главной святыне города», – сообщает Ибн Баттута в начале XIV в., – «а татаро-монголы приносили к ней богатые жертвоприношения – коров, баранов, динары и дирхемы»¹⁷¹.

Именно в этот исторический момент в Фатхабаде, под Бухарой, возникла суфийская община кубравийского толка. Основатель ханака, «шейх ал-алам», был похоронен на территории ханаки в специальной усыпальнице. Гробница его, олицетворявшая «культ святых» в исламе, стала объектом поклонения на многие последующие века, идеологической основой ханаки в Фатхабаде и одним из источников ее экономического благосостояния.

Суфийская ханака в Фатхабаде сложилась, видимо, через некоторое время после образования братства (тарика) Кубравийа в Хорезме, которое представляло среднеазиатскую школу мистицизма.

Сайф ад-Дин Бахарзи был муридом (учеником) Наджм ад-Дина Кубры, его последователем и распространителем идей. В ханаке

¹⁷⁰ Тримингэм Дж. С., 1989. С. 64.

¹⁷¹ Путешествия Ибн Баттуты..., 1996. С. 278.

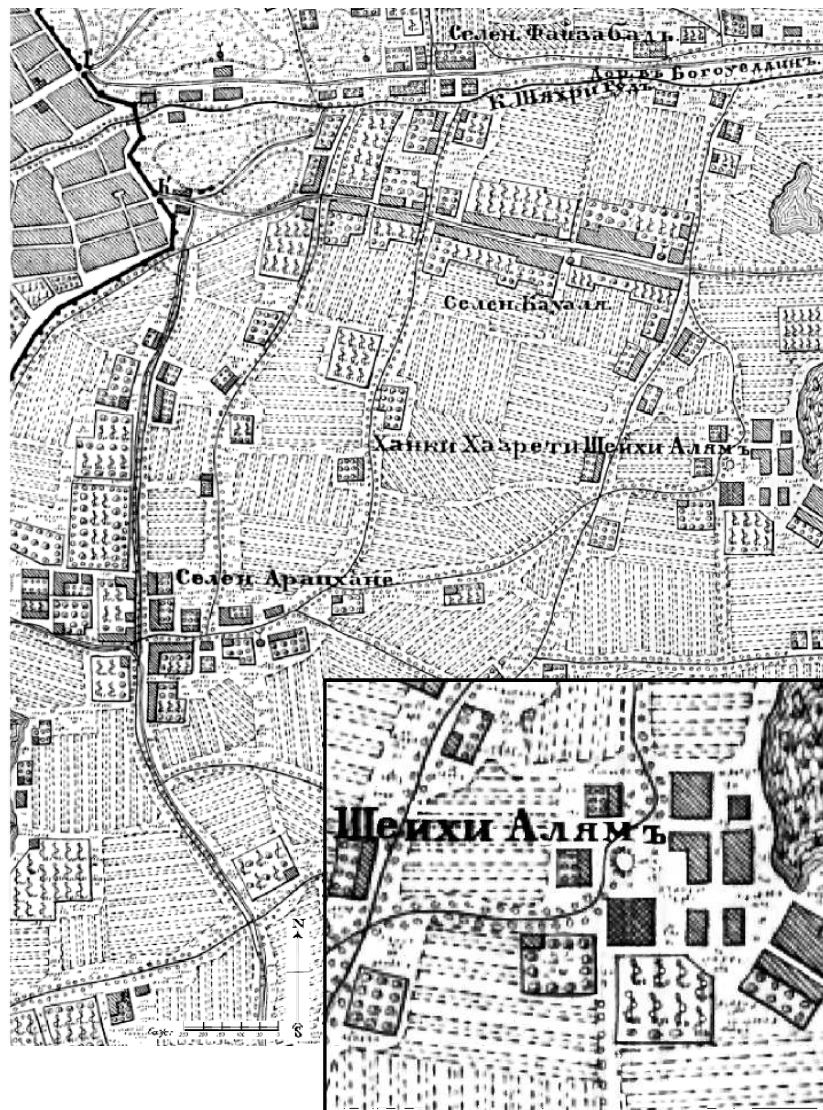

Рис. 6. План-схема культового комплекса в Фатхабаде.
(Н. Ханьков, 1843 г.)

Схема очень условная, обозначен канал Фошун и хауз на площади, контуров двух гробниц нет (обозначены квадратами).

практиковали тихий и громкий зикр, песнопения сама', проповедовались идеи Кубры – ритуальная чистота, пост, молчание, уход от мира, мысленное поминание Бога. Как и в тарике Кубравийа, в общине Фатхабада власть главного шейха была наследственной, все потомки Бахарзи были шейхами и возглавляли обитель в Фатхабаде¹⁷².

Дошедший до нас упомянутый выше вакф 1326 г. с дополнениями к нему от 1333 г. переведен, прокомментирован и опубликован с факсимильным текстом известным востоковедом О. Д. Чехович. Значение этого документа нельзя переоценить. Вакф XIV в. включает сведения по социально-экономической истории Средней Азии, исторической топографии Бухарского региона, подробные данные об устройстве ханак в Фатхабаде, условиях проживания в них, взаимоотношениях персонала, определенных уставом ханак.

На основании этого документа с подробным описанием организации жизни общины, с отдельными цифровыми параметрами (размер площади-ханак), с учетом местоположения двух сохранившихся мавзолеев, данных археологических исследований и следов зданий в микрорельефе около памятников, стало возможным реконструировать в ретроспективе историю функционирования ханак в Фатхабаде на разных хронологических этапах.

Согласно уставу, паломники получали в обители Фатхабада бесплатный приют и пищу, а постоянно живущие при ханак и потомки Бахарзи – еще и одежду, обувь, мыло и пр.

В документе подробно перечисляются предметы кухонного, осветительного и прочего инвентаря ханак, устанавливается штат служащих, обязанных собирать и расходовать средства вакфа¹⁷³.

Кроме имама, шейха, мутаввали, муэдзинов, служителей, повара, кладовщика и прочих, упомянут учитель для обучения чтению Корана детей-сирот и новообращенных в ислам. В документах содержатся важные данные об управлении вакуфными средствами. Распорядитель вакфа – мутаввали не имел права самостоятельного решения, власть его была ограничена условиями вакфозавещателя. Он должен был согласовывать свои действия с двумя служащими, а те, в свою очередь, – с живущи-

¹⁷² Акимускин О. Ф., 1999, № 1. С. 59–61.

¹⁷³ Чехович О. Д., 1965. С. 13.

ми в ханаке суфиями. Таким образом, в статус бухарского вакфа начала XIV в., в бытовой уклад ханаки были заложены элементы суфийской демократии и дервишеской морали, отличающие его от вакфов шейхов-магнатов второй половины XV–XVI вв. (Ходжи Ахрара или шейхов Джуйбари).

Вакф шейха Йахьи 1326 г. предписывает кухне ханаки ежедневно выпекать хлеб и варить пищу (шесть дней в неделю с мясом, один – без мяса) в таком количестве, чтобы накормить всех паломников, пришедших поклониться могиле «шейха мира». Если не было горячей пищи, то полагалось угостить пришедшего хлебом с вареньем, свежими или сушеными фруктами, в зависимости от сезона, и никого не отпускать без угощения. При этом указывается приблизительный ежедневный расход – две лепешки, миска супа с куском мяса, дважды в неделю – сладости и фрукты из садов ханака.

Особенно большие угощения с приглашением всех городских и сельских жителей предлагалось устраивать в ханаке по двум мусульманским праздникам – *ид ал-фитр* и *курбан-байрам*. При этом предписывалось быть справедливым, оделять всех поровну, независимо от национальности и общественного положения. В числе посетителей мавзолея могли быть мусульмане из тюрок, таджиков, монголов, индийцев.

Интересен вопрос о первоначальном погребении Бахарзи. Неизвестно, где конкретно был погребен он в 1261 г., сразу после смерти, в ханаке (?), где у него могла быть келья или даже несколько келий (известно, что Сайф ад-Дин был женат, имел трех сыновей, внуков и правнуков¹⁷⁴), или в заранее построенной гробнице. Может, и в отдельном собственном жилье у площади, где вакуфная грамота фиксирует дом и сад его потомков – шейхзода¹⁷⁵.

Известно, что в средние века богословов (в том числе, видимо, и шейхов-суфиев) очень часто хоронили сначала в их доме и лишь

¹⁷⁴ По письменным источникам известно, что один из сыновей Сайф ад-Дина Бахарзи умер «мучеником веры» (шахидом). Он погиб в период смут в Монгольском государстве в связи с борьбой за власть между Чингизидами. События эти произошли в 1260 г., при занятии Бухары, где и был убит шейх Джелал ад-Дин Бахарзи (Бартольд В. В., 1963. Т. I. С. 574). О сыновьях шейха Сайф ад-Дина Джалал ад-Дине и Мутаххар ад-Дине, а также внуке Абу-л Муфокире Йахья и правнуках сообщает также источник XV в. «Китаби Мулло-и зода», соч. Ахмада ибн Махмуда Му'ин ал-Фукара (1904. С. 42); см. также: Чехович О. Д., 1965. С. 12.

¹⁷⁵ Чехович О. Д., 1965. С. 167.

через несколько лет переносили на кладбище¹⁷⁶. Вакф-нома шейха Йахьи упоминает лишь гробницу шейха, которая находилась в юго-западной части площади. При реконструкции схемы ситуационного плана я помещаю гробницу в юго-западном углу площади-ханаки. Основанием для этого служат сохранявшийся еще в 50-е годы XX в. хауз, упомянутый в вакфе, севернее гробницы шейха, и другие ориентиры, указанные в вакфе.

Во всяком случае, ко времени составления вакфа 1326 г. над могилой шейха существовала однокамерная гробница в юго-западной части площади Фатхабад. С юга к ней была пристроена ханака, а «вход в усыпальницу и ханаку был один»¹⁷⁷.

Это явно не тот двухкамерный мавзолей продольно-осевой композиции, состоящий из гур-ханы и зиарат-ханы, ориентированный порталом на восток, который дошел до наших дней. Существующее ныне двухкупольное здание мавзолея, как упоминалось, было выстроено, по данным археологических работ, в начале или в первой половине XV в.¹⁷⁸

Документ XIV в. сообщает также, что ко времени составления вакфа 1326 г. на площади Фатхабад, кроме однокамерной усыпальницы шейха, находились хауз, двор, две ханаки и баня для зимних омовений, а по середине площади-ханаки протекал канал Фошун¹⁷⁹.

Одна ханака, согласно вакфу, была пристроена к гробнице шейха с юга во второй половине XIII в., другая, более ранняя, – видимо, еще при жизни Бахарзи, в первой половине XIII в., и располагалась, судя по контексту, примерно в середине площади, имела внутренний двор, который не единожды назван в документе¹⁸⁰. Внутри двора этой первой ханаки, как я предполагаю, мог располагаться также много раз упомянутый в вакфе хауз.

Западная сторона площади к 1326 г. была застроена кельями, как сказано в вакфе, для одиноких суфиев. Три другие стороны – северную, восточную и южную – предписывалось застроить такими же кельями, видимо фронтальной композиции.

После застройки со всех сторон сама площадь Фатхабад к середине XIV в. должна была быть окружена кельями и окончательно

¹⁷⁶ Мец А., 1966. С. 309.

¹⁷⁷ Чехович О. Д., 1965. С. 166.

¹⁷⁸ Немцева Н. Б., 1989. С. 113–114.

¹⁷⁹ Чехович О. Д., 1965. С. 166.

¹⁸⁰ Там же. С. 138, 166.

но превратиться в замкнутое пространство – площадь-ханаку, как она неоднократно названа в вакфе.

Ханака в Фатхабаде существовала на доходы с двух вакфов – вакфа 1326 г., учрежденного шейхом Йахйей, и «старинного вакфа», учрежденного еще в XIII в., при жизни его деда. Об этом «старинном вакфе», кроме упоминания в вакфе 1326 г.¹⁸¹, ничего не известно, но основание первой ханаки в Фатхабаде (нач. XIII в.), строительство первоначальной гробницы «шейха мира» и второй ханаки у гробницы (вторая половина XIII в.) на площади Фатхабад, келий для одиноких суфиев по западной стороне могли осуществляться только на средства этого первого, «старинного» вакфа.

ОКРУЖЕНИЕ ПЛОЩАДИ-ХАНАКИ

Фатхабадская площадь была центром пригорода Бухары – Фатхабада и занимала значительную территорию – 200 x 200 гyzов (216 x 216 м), как сказано в вакфе¹⁸². Со всех сторон она была окружена домами местных жителей, плодовыми садами и виноградниками. Среди построек были базарчик и керамическая мастерская.

С северной стороны площади располагались два жилых дома и базар Фатхабада. С восточной – пять жилых домов и гончарная мастерская, а также виноградник и сад потомка шейха Муьиниддина Махмуда, сына Алоиддина¹⁸³. С южной стороны – сад Нилуфар, принадлежавший вакфу XIV в., в его юго-восточной части находился дом потомков шейха. В юго-западной стороне, южнее гробницы и второй ханаки, располагалась баня для зимних омовений.

Сад Нилуфар отделяла от площади Фатхабад улочка, соединявшая через Каршинские ворота Бухару с Фатхабадом. В документе называются еще один сад у площади – сад Ривза (местоположение не уточняется) и другие сады и угодья, границы которых утратили «межевые отметки и которые не перечесать»¹⁸⁴.

Западная сторона площади к 1326 г. была застроена кельями (уединенными покаями) для одиноких и бедных суфиев, за ко-

¹⁸¹ Там же. С. 142.

¹⁸² Там же. С. 167.

¹⁸³ Там же.

¹⁸⁴ Там же. С. 138.

торыми располагался большой сад, половина которого принадлежала вакфу в пользу ханаки, а другая половина – потомкам шейха – братьям-горшечникам (косагарам)¹⁸⁵.

Все жители вокруг площади названы поименно – это главным образом знатные духовные лица – *ходжа*, дом *ахи*¹⁸⁶, дома потомков Бахарзи – *шейхзода*, в том числе ремесленников (пивовар – *фуккоьгар*, горшечник – *косагар*, мясник – *коссаб*), а также дальних потомков шейха. Здесь же были дома *суфизода* – служителей ханаки, которые в течение года были выборными (назначенными?) *мутаवвали* ханака – распорядителями вакфа.

Подробная схема расположения домов вокруг центральной площади Фатхабада, по данным О. Д. Чехович, отмечена на предлагаемом схематическом плане и включает следующие постройки и насаждения (рис. 7, 8, 9).

С северной стороны площади был дом Мухаммада ибн Кароя – пивовара – фуккоьгара (12 – на плане), затем дом амира Ихтиера, сына ходжи Асил ад-Дина суфи (13), базарчик Фатхабада с лавками (14).

С восточной стороны – дом Улджобуко (15), дом ходжи Али, сына ходжи Мухаммада вакила (управляющий) Форакана (16), дом наследников ходжи Мухаммада (17), дом ходжи Махмуда, сына ходжи Мухаммада, вакила Форакана (деревня в округе Бухары, входившая в вакф) (18), далее – садик, дом и гончарная мастерская ходжи Олимшоха, сына ходжи Ало ад-Дина (19, 20, 21), который также был потомком шейха; затем по восточной стороне (22) находился дом особо знатной личности – Ахи Абдуссамада, сына Хасана, он же суфизода, служитель ханаки, который в течение года был мутаवвали ханаки. Далее по восточной (23) стороне располагались виноградник и сад шейхзода Муьин ад-Дина¹⁸⁷, одного из потомков Бахарзи.

«Южная граница этой усыпальницы, *двух ханака и Фатхабадской площади* примыкает к саду, который называется садом Нилуфар (6), и он тоже является вакфом в пользу этой усыпальницы и этих *двух ханака*. Рубежом служит «улочка для прохода» (5),

¹⁸⁵ Там же. С. 167.

¹⁸⁶ Термин *ахи* означает – член особого суфийского духовно-рыцарского ордена XIII–XIV вв., который был распространен в Малой Азии, Иране и Средней Азии (см.: Чехович О. Д., 1965. С. 225, пр. 96).

¹⁸⁷ Чехович О. Д., 1965. С. 167.

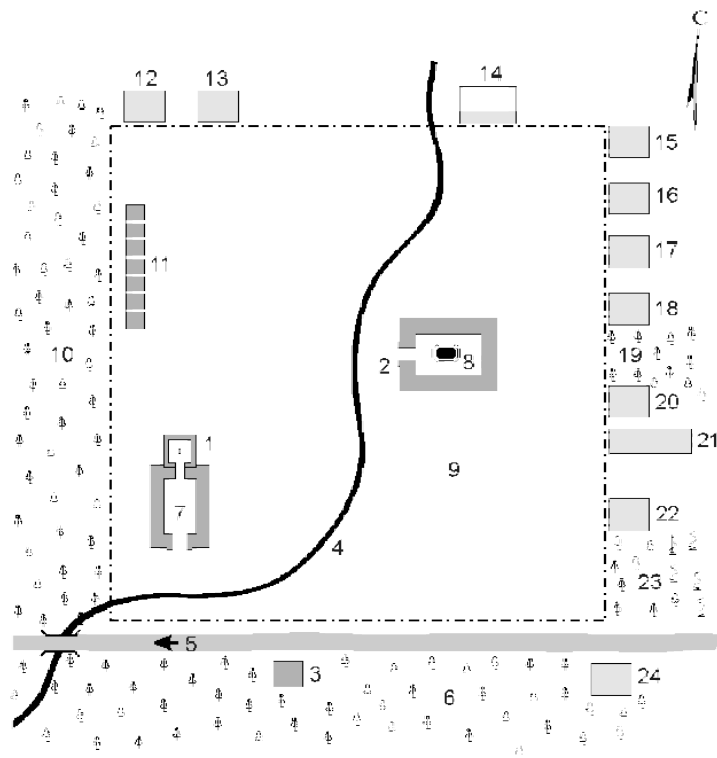

Рис. 7. Схема расположения построек на площади Фатхабад.
I этап.

XIII – первая четверть XIV в.

(По данным вакфа 1326 г.).

1 – гробница Сайф ад-Дина Бахарзи, XIII в.; 2 – первая ханака на площади Фатхабад (начала XIII в.); 3 – баня для омовений, XIII в.; 4 – канал Фошун; 5 – улочка, ведущая в город через Каршинские ворота; 6 – сад Нилуфар; 7 – вторая ханака при гробнице (вторая половина XIII в.); 8 – хауз во дворе первой ханак; 9 – площадь Фатхабад (216 x 216 м); 10 – сад, примыкающий к западной стороне площади-ханак; 11 – кельи, уединенные покои для суфиев (халват-хана); 12 – дом Мухаммада ибн Кароя; 13 – дом амира Ихтиера, сына ходжи Асил ад-Дина суфи; 14 – базарчик Фатхабада с лавками; 15 – дом Улджобуко; 16 – дом ходжи Али; 17 – дом наследников ходжи Мухаммада; 18 – дом ходжи Махмуда; 19 – садик ходжи Олимшоха; 20 – дом ходжи Олимшоха; 21 – гончарные мастерские ходжи Олимшоха; 22 – дом Ахи Абдуссамада, сына Хасана; 23 – виноградник и сад шейхзода Муьин ад-Дина; 24 – дом шейхзода Сайф ад-Дина, внука шейха Мазхар ад-Дина.

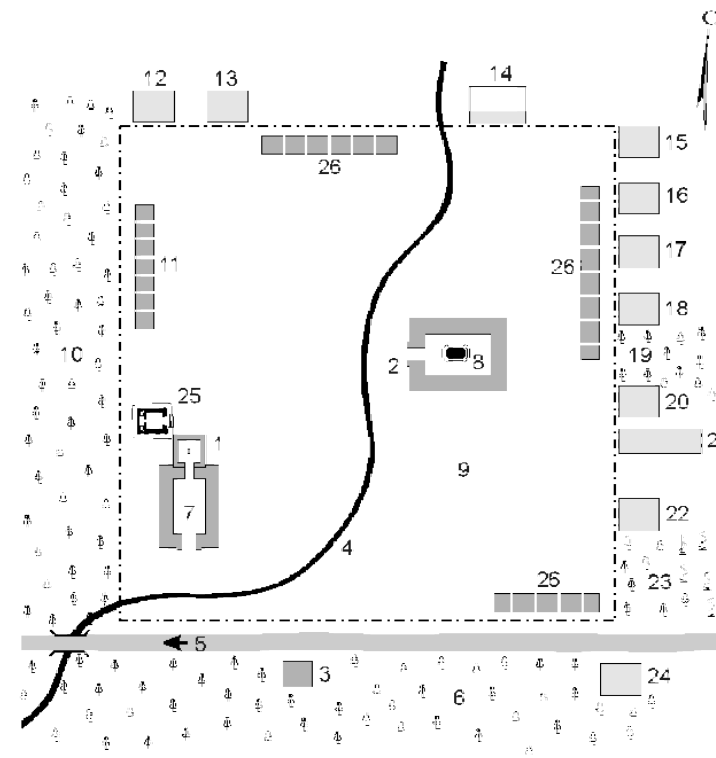

Рис. 8. Схема расположения построек на площади Фатхабад.
II этап.

Вторая половина XIV в.

1 – гробница Сайф ад-Дина Бахарзи, XIII в.; 2 – первая ханака на площади Фатхабад (начала XIII в.); 3 – баня для омовений, XIII в.; 4 – канал Фошун; 5 – улочка, ведущая в город через Каршинские ворота; 6 – сад Нилуфар; 7 – вторая ханака при гробнице (вторая половина XIII в.); 8 – хауз во дворе первой ханак; 9 – площадь Фатхабад (216 x 216 м); 10 – сад, примыкающий к западной стороне площади-ханак; 11 – кельи, уединенные покои для суфиев (халват-хана); 12 – дом Мухаммада ибн Кароя; 13 – дом амира Ихтиера, сына ходжи Асил ад-Дина суфи; 14 – базарчик Фатхабада с лавками; 15 – дом Улджобуко; 16 – дом ходжи Али; 17 – дом наследников ходжи Мухаммада; 18 – дом ходжи Махмуда; 19 – садик ходжи Олимшоха; 20 – дом ходжи Олимшоха; 21 – гончарные мастерские ходжи Олимшоха; 22 – дом Ахи Абдуссамада, сына Хасана; 23 – виноградник и сад шейхзода Муьин ад-Дина; 24 – дом шейхзода Сайф ад-Дина, внука шейха Мазхар ад-Дина; 25 – мавзолей Буйан-Кули-хана (60-е годы XIV в.); 26 – кельи, которые должны быть построены по вакфу 1326 г.

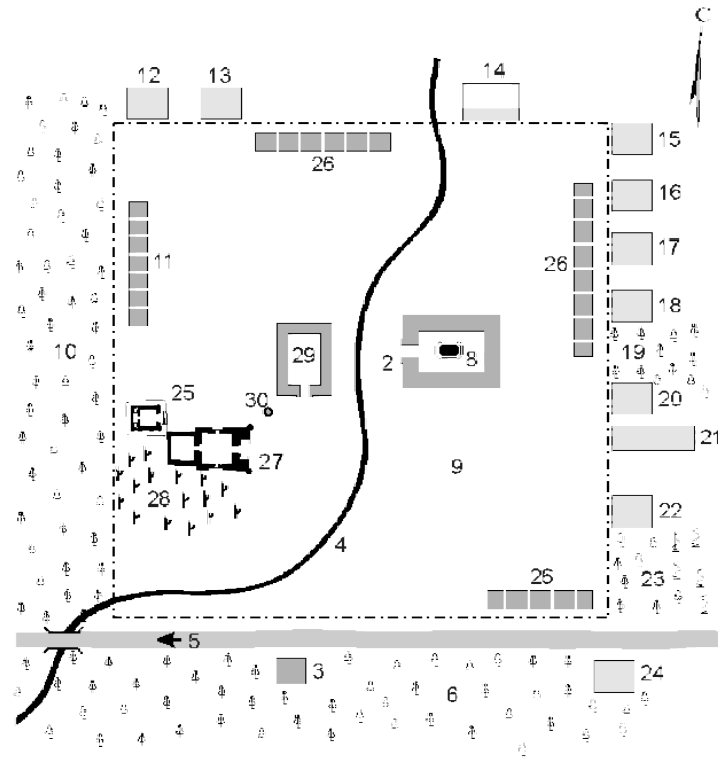

Рис. 9. Схема расположения построек на площади Фатхабад.
III этап.

Первая половина XV – XIX в.

2 – первая ханака на площади Фатхабад (начала XIII в.); 3 – баня для омовений, XIII в.; 4 – канал Фошун; 5 – улочка, ведущая в город через Каршинские ворота; 6 – сад Нилуфар; 8 – хауз во дворе первой ханаки; 9 – площадь Фатхабад (216 x 216 м); 10 – сад, примыкающий к западной стороне площади-ханаки; 11 – кельи, уединенные покои для суфиев (халват-хана); 12 – дом Мухаммада ибн Кароя; 13 – дом амира Ихтиера, сына ходжи Асил ад-Дина суфи; 14 – базарчик Фатхабада с лавками; 15 – дом Улджобуко; 16 – дом ходжи Али; 17 – дом наследников ходжи Мухаммада; 18 – дом ходжи Махмуда; 19 – садик ходжи Олимшоха; 20 – дом ходжи Олимшоха; 21 – гончарные мастерские ходжи Олимшоха; 22 – дом Ахи Абдуссамада, сына Хасана; 23 – виноградник и сад шейхзода Муьин ад-Дина; 24 – дом шейхзода Сайф ад-Дина, внука шейха Мазхар ад-Дина; 25 – мавзолей Буйан-Кули-хана (60-е годы XIV в.); 26 – кельи, которые должны быть построены по вакфу 1326 г.; 27 – мавзолей Сайф ад-Дина Бахарзи (первая половина XV в.); 28 – кладбище XV – начала XX в.; 29 – сооружение с двором (по котлованам фундаментов); 30 – минарет начала XX в.

по которой проходят к святому мазару Фатхабада со стороны города. Затем примыкает (площадь) к Фатхабадской бане (3), которая также является вакфом в пользу этих двух ханака и пречистой усыпальницы. Затем южная граница примыкает также к зданию (сарой), которое относится к дому шейхзода Сайф ад-Дина (24), внука шейха Мазхар ад-Дина...»¹⁸⁸

«Западная граница этой Фатхабадской площади, святой усыпальницы и населенной ханаки, что расположена к югу от усыпальницы, примыкает к саду, который тоже является вакфом этой ханаки и приписывается наследникам ходжи Алоиддина косагара и наследникам его брата ходжи Тоджиддина косагара. Одна половина этого неразделенного сада является их долей, а другая половина – вакфом этой усыпальницы и этих двух ханака»¹⁸⁹.

ЗАСТРОЙКА ПЛОЩАДИ ХАНАКИ

Если характер и порядок расположения окружавших площадь Фатхабад домов и садов, базара и керамических мастерских, описанных в вакфе, не вызывает сомнений, то значительно сложнее уловить контекст документа, касающийся застройки самой площади.

В разных местах вакуфной грамоты при описании суфийской обители имеются разночтения, неоднозначные, противоречивые, путанные повторы. Приходится сопоставлять разные абзацы, чтобы определить расположение зданий на центральной площади Фатхабада ко времени составления вакфа. Все это не позволяет быть уверенным в местонахождении построек площади, и предлагаемые схемы – одна из условных гипотез. Привожу один фрагмент: «А эта Фатхабадская площадь(сахн) состоит из двора (фазо), расположенного среди построек и домов жителей Фатхабада, рядом с садом того же вакфа в пользу зданий этой усыпальницы, ханаки и жилищ бедняков, что к западу от этой усыпальницы. Посреди этой площади имеется хауз с водой и канал деревни Фошун, протекающий у входа в усыпальницу. К западу от этой Фатхабадской площади находятся эта святая усыпальница,

¹⁸⁸ Там же.

¹⁸⁹ Там же.

уединенные покои (халват-хана) и кельи (худжрот) суфиев и одиноких бедняков»¹⁹⁰.

Площадь Фатхабада, как можно понять из цитируемого документа, оставалась к 1326 г. относительно свободной от построек. По середине площади протекал канал Фошун, в юго-западной части находилась однокамерная гробница шейха Бахарзи, с юга к ней была пристроена (находилась рядом?) ханака. Фрагмент текста, однако, не очень ясный, тем более что ниже сообщается, что канал Фошун протекал у входа в усыпальницу¹⁹¹. Видимо, канал протекал у входа в ханаку, которая была пристроена с юга, — «вход в усыпальницу и ханаку был один» (?) В другом фрагменте вакфа сообщается: «И гробница шейха мира находится в нем (в Фатхабаде. — Н. Н.) вместе с ханака, которое выстроено рядом с гробницей. В нем (в ханаке — ?) находятся уединенные покои для бедняков и дома живущих при гробнице. Вне этой гробницы имеется двор (фазо), который будет описан ниже»¹⁹².

Далее по тексту упомянуты две (2) ханаки и Фатхабадская площадь, которая примыкает к саду Нилуфар. Одна была пристроена к гробнице, как ясно сказано в двух местах вакфа. Вторая ханака, более ранняя по времени, располагалась как будто в середине площади и, как мне кажется, судя по контексту, представляла собой постройку с внутренним двором (в вакфе упомянут двор). Предполагаю, что в середине двора ханаки находился тот хауз, оплывы которого мне довелось видеть в 50-е годы XX в.

Сведения вакфа о хаузе также не очень ясны. «Посреди этой площади имеется хауз с водой и канал деревни Фошун, протекавший у входа в усыпальницу, по середине этой Фатхабадской площади»¹⁹³. Быть может, какая-то неточность в переводе?

Думаю, что хауз посреди площади, рядом с каналом, быть не мог. Зачем? Возможен только один вариант — хауз был во дворе *первой ханаки*, основанной самим шейхом еще при жизни, в XIII в.

Существование *двух* отдельных зданий ханака — *первой*, построенной в первой половине XIII в., и *второй*, пристроенной к

¹⁹⁰ Там же. С. 166, пр.10, 11, 15, 16.

¹⁹¹ Там же. С. 166.

¹⁹² Там же. С. 138.

¹⁹³ Там же. С. 166.

гробнице шейха с юга во второй половине XIII в., следует из текста вакфа и не вызывает сомнений. «Пусть каждую ночь зажигают светильники в уединенных покоях и жилищах бедняков, постоянно проживающих и странствующих, что находятся внутри *обеих ханака*»¹⁹⁴. Или еще: «южная граница этой усыпальницы, *двух ханака* и Фатхабадской площади примыкает к саду... Нилуфар»¹⁹⁵. О двух ханака сообщает и еще один фрагмент: «вакф в пользу усыпальницы, зданий этих *двух*, упомянутых *населенных ханака* и этой площади, которая тоже будет населена...»¹⁹⁶ Таким образом, в трех местах вакф сообщает о *двух* населенных ханака. Судя по контексту, все три здания — усыпальница и обе ханака находились в юго-западной четверти площади.

Сама Фатхабадская площадь в вакфе местами названа площадью-ханакой. Это не удивляет. Площадь была окружена домами Фатхабада, перечисленными выше, базаром и гончарной мастерской, возможно, на ней проходили суфийские обряды. Да и сама площадь постепенно превращалась в большое изолированное пространство (216 x 216 м) и, видимо, поэтому в вакфе она названа площадью-ханакой.

Ко времени составления вакфа площадь с западной стороны была застроена кельями и уединенными покоями для одиноких суфиев. Вакф же приписывал, как говорилось, обязательно застроить и три другие стороны площади. Во всех случаях, видимо, кельи размещались во фронтальной композиции, что можно наблюдать в других сложносоставных, разновременных ханака. Предписание вакфа о застройке трех сторон площади, видимо, было связано с тем, что для расселения постоянно и временно проживающих суфиев мест не хватало. Кроме того, нужны были места для новообращенных в ислам, о которых упоминает вакф в связи с выделением средств на их обучение, места для приема гостей.

Именно поэтому вакф 1326 г. предписывает распорядителям вакуфных средств застроить кельями и три другие стороны площади, куда выходили стены домов жителей Фатхабада (северную, восточную и южную), «чтобы могли останавливаться, жить и отдыхать одинокие бедняки из странников и постоянно прожи-

¹⁹⁴ Там же. С. 166–167.

¹⁹⁵ Там же.

¹⁹⁶ Там же. С. 166.

вающие при гробнице»¹⁹⁷. Вероятно, вскоре после утверждения вакфа были застроены все стороны площади-ханака. Это выражение «площадь-ханака» несколько раз повторяется в вакфе, видимо, в том смысле, что площадь принадлежала суфиям и была подчинена определенному ритму жизни в общине Фатхабада.

К ТИПОЛОГИИ ХАНАКИ В ФАТХАБАДЕ

Что представляли собой здания *двух ханака* в Фатхабаде в архитектурно-типологическом отношении? Прямых данных в вакфе по этому поводу нет. Ко времени археологических исследований, кроме двух мавзолеев, других построек там не существовало. Представление о характере планировочной композиции ханака можно получить только из контекста документа XIV в. В одном из фрагментов вакфа говорится, что «Фатхабадская площадь-ханака состоит из *двора*, расположенного среди построек и домов жителей Фатхабада, рядом с садом того же вакфа»¹⁹⁸.

Двором, как мне представляется, могло быть названо внутреннее пространство первой ханаки, построенной еще при жизни Бахарзи. Внутри двора этой ханаки был расположен *хауз*, упомянутый несколько раз в вакфе. Вторая ханака располагалась, как указывает вакф, на той же площади, южнее гробницы шейха. Она была построена уже после смерти шейха. Положение ее на площади не вызывает сомнений, так как точно определяется местоположением первой гробницы шейха. Гробница располагалась, как показали археологические исследования, на месте гур-ханы теперешнего мавзолея (при строительстве мавзолея шейха в первой половине XV в. на месте старой гробницы погребения шейха и его потомков в гур-хане остались непотревоженными), на чем я остановлюсь ниже.

Видимо, и эта, *вторая* ханака имела дворовую композицию с большим количеством келий для жилья («две населенные ханака», как сказано в вакфе), общих ритуальных помещений и служебно-хозяйственных комнат. Косвенно о такой планировке говорит перечень большого числа полифункциональных поме-

¹⁹⁷ Там же. С. 166–167.

¹⁹⁸ Там же.

щений в *ханаке*. В вакфе названа *джама'ат-хана* – обязательное общее помещение для суфийских радений¹⁹⁹, молитвы и богослужений. Возможно, было отдельное помещение для суфийских радений *сама'* с музыкальным и вокальным сопровождением, о которых сообщает Ибн Баттута²⁰⁰. Такие общие помещения располагались, как правило, по углам или по сторонам главного входа зданий с внутренним двором (ханака Ходжа Машад на юге Таджикистана).

Кроме келий для странников, населявших обе ханаки при гробнице, названы кухня, уборная, амбары для хранения урожая с вакуфных земель, складские помещения для хранения одежды, обуви (названы башмаки и сапоги), мыла, которое выдавалось постоянно проживающим беднякам, многочисленные помещения для хранения продуктов (кладовые) – мяса, муки, фруктов свежих и сухих, сладостей, овощей, масла и сала. Отдельно в ханаке названы библиотека, ламповая комната для хранения канделябров, светильников, факельниц, восковых свечей, масла и сала для них; комната для хранения дастарханов разных размеров, скатертей кожаных и холщовых, ковров длинноворсовых и коротковорсовых, циновок, подстилок, кошм²⁰¹. Это огромное количество культовых, хозяйственных и жилых помещений могло быть размещено только в обширных, застроенных по сторонам дворах и закрывавшихся на замок помещениях ханаки (упомянут ключник). Никаких других построек, кроме двух ханака, усыпальницы и бани, в вакфе не названо, сама площадь была открыта и не могла быть местом хранения. Все эти данные позволяют предполагать дворовый тип зданий обеих ханака в Фатхабаде.

Упомянутые конюшни для верховых животных паломников и сеновалы для хранения корма располагались в соседних дворах самого Фатхабада, рядом с площадью. В Фатхабаде имелись также небольшие здания, где пребывали работники (освобожденные рабы), обслуживавшие гробницу, две ханаки и баню, а также принадлежавшие вакфу сады и виноградники²⁰².

¹⁹⁹ В ханаке Фатхабада практиковались оба вида зикра – громкий (джахр) и тихий (хафи). См.: Ислам: Энциклопедический словарь, 1991. С. 140.

²⁰⁰ Ибрагимов Н., 1988. С. 82.

²⁰¹ Чехович О. Д., 1965. С. 168–170, 183.

²⁰² Там же. С. 168.

СОДЕРЖАНИЕ И ДУХ ХАНАКИ

Как уже говорилось, ханака в Фатхабаде была очень богата, ей принадлежали два вакфа. Содержание первого из них нам неизвестно, но по второму вакфу гробнице и ханака принадлежали одиннадцать деревень в юго-восточной округе Бухары, в том числе весь Фатхабад, орошаемый каналами Фошун и Адрака, многочисленные сады, виноградники и сельскохозяйственные угодья, ирригационная сеть, мельницы, мосты, хаузы, дороги с четкими границами вакфной недвижимости²⁰³. Нельзя забывать и о нефиксированных постоянных доходах (жертвоприношениях). Как известно, мазары святых, особенно крупные, были огромным источником благосостояния ханаки при мазаре и ее служителей. Именно это, как отмечалось выше, было главной причиной наличия большого числа фиктивных могил – машадов в Средней Азии и вообще на мусульманском Востоке, архитектурно оформленных пышными погребальными комплексами.

Условия учредителя вакфа предписывали «благочестивым, набожным правоверным и достойным доверия служителям из носящих дервишские рубища суфиев, которые состоят на должности, полученный урожай с вакуфных земель собирать в амбары ханака». По совету и с одобрения служителей и обитателей ханака мутаввали должны были расходовать собранные средства для существования, благоустройства, ремонта и т. п. мазара, уединенных покоев, общих помещений ханаки (джама'ат-хана), жилищ странников и конюшен для их верховых животных. Следовало также расходовать средства на ремонт и поддержание в благоустроенном виде бани для зимних омовений суфиев²⁰⁴.

На остальные средства надлежало купить подстилки для усыпальницы, ханаки, жилищ суфиев, кошмы, циновки, ковры, а также утварь для кухни (котлы медные и каменные, блюда медные и керамические, ступки, терки, миски, жбаны, кувшины). Далее предписывается привести в порядок вещи в ханаке – жестяные канделябры, подсвечники, железные факельницы, светильники и подставки для них, держать наготове сало и масло для светильников²⁰⁵.

²⁰³ Там же. С. 119 и далее.

²⁰⁴ Там же. С. 167–168.

²⁰⁵ Там же. С. 168–169.

Далее на те же средства очень подробно предписывается выпекать хлеб и варить пищу для всех временно прибывших и постоянно проживающих, никого не отпускать не угостивши.

Благотворительная община в Фатхабаде была организована по принципу ранних, демократических ханака, характерных для домонгольского времени, дух которых был пронизан аскетизмом и мистикой. Слова «бедняки», «уединенные покои», дервишские рубища (*хырка*) встречаются повсюду в тексте вакуфной грамоты.

Проповедовалась мораль равного отношения к неимущим и богатым, осуждалась дорогостоящая одежда не только у самих суфиев, но и членов их семей. Очень выразителен один из фрагментов вакфа: «... В ком имеется страсть к стяжанию мирских благ или домогательство высокого сана, кто возвеличивается перед бедняками или избегает и не носит грубых шерстяных старых одежд, изорванных, заплатанных рубищ, кто заставляет свою жену и детей надевать хорошие платья и украшает свое жилище мирским добром, тому *пусть не дают управлять* вакфом, считая его безнадёжно отстраненным от дел ханаки и вакфа, потому что сей учредитель вакфа... таких хороших и дорогостоящих одежд не носит и в своем доме не допускает, для своей семьи и детей не покупает. Он (учредитель вакфа. – *Н. Н.*) никогда не покупал раба для услужения самому себе и своему дому»²⁰⁶.

Однако между предписаниями вакфа и реальной действительностью была огромная пропасть – сам Сайф ад-Дин Бахарзи и его потомки, в частности внук Йахйа, были несметно богаты. Вакф шейха Йахьи – лишь малая часть того недвижимого имущества (надо полагать, что он владел и большим количеством движимого имущества, куда, кроме рабов, входили и стада овец, коров, волов и верблюдов, упомянутых в связи с организацией питания в ханаке), каким владели внук шейха и другие его потомки, тоже шейхи²⁰⁷.

В ханаке при гробнице было большое количество наемных работников, рабов и освобожденных рабов разных национальностей: тюрок, китайцев, персов, русских, индусов, монголов, персов-хорасанцев. Это были мясник, вакил (управляющий), погонщики верблюдов, погонщики волов, садоводы, стражи кана-

²⁰⁶ Там же. С. 177.

²⁰⁷ Там же. С. 165.

ла, кашинщик. Освобожденные рабы не могли быть проданы или подарены, но оставались в зависимости от шейхов, должны были служить при ханаке и гробнице, в некоторых случаях могли быть даже издольщиками при обработке вакуфных земель²⁰⁸.

Вместе с тем, проповедуя дух благотворительности и демократической морали ханаки, предписывается угощать всех в одно время и поровну, без предпочтения бедных или знатных (6 дней – суп с мясом, 1 – без мяса, лепешки, свежие фрукты летом, сушеные зимой, а также сироп и вареная халва, а в праздники – суп из трех жирных баранов, пшеничная каша с мясом из крупного вола). Мясо жертвенных животных в курбан-байрам (верблюды, бараны, вола) полагалось раздавать фатхабадцам. Суфию, отправлявшегося в путешествие по своим делам или делам ханаки, следовало выдать один или два динара (на обувь и еду), а также сырые продукты.

В ханаке Фатхабада был обычный для таких заведений штат духовных лиц и обслуживающего персонала. Указаны: главное лицо – шейх, он же мутаввали, имам, «два муаззина с приятными голосами» для призыва на молитву. «Муаззины должны соблюдать часы пяти молитв и призывать к ним в начале установленного времени. По ночам и в полночь и ранним утром чтобы они поднимались на высокое место и провозглашали славу и хвалу Аллаху для пробуждения... благочестивых людей. В последнюю треть ночи пусть они читают ночные молитвы – потому что таково обыкновение ханаки и сподвижников суфизма»²⁰⁹. Указаны также повар (и, видимо, несколько помощников, учитывая объем кухонных работ), казначей и два служителя, обладавших самыми большими полномочиями в ханаке после шейха (им полагалось по два пайка пищи), названы ключник, который должен быть холостым, честным и справедливым, столяр и кладовщик, чтец Корана и одновременно учитель, обучающий сирот, непосвященных стариков совершению омовений и молитвы. Названа библиотека (значит, был и хранитель книг), а также писец, который должен был переписывать сочинения учредителя вакфа – шейха Йахйи. Последний составил труд под названием «Книга молитв друзей бога и основы воспитания». Писцу предписывалось выдавать чернила, бума-

²⁰⁸ Там же. С. 184.

²⁰⁹ Там же. С. 175.

гу и перья. «Если кто из рабов божьих пожелает переписать для себя это сочинение, пусть мутаввали выдаст ему из имущества вакфа чернила и перья и бумагу в том количестве, какое будет достаточно»²¹⁰. В обычные дни и ночи в бане, уборной, кухне и гробнице горели немногие светильники; по праздникам в ханаке и гробнице зажигались все канделябры и светильники²¹¹.

Характерные для ранних домонгольских суфийских братств аскетизм и мистика очень выразительно подчеркнуты в вакфе не только в требовании ношения дервишских рубищ, осуждении дорогостоящей одежды для суфия и его семьи, но особенно относительно назначения нового мутаввали. Наследовать должность шейха должен был тот из кровной родни по мужской линии, кто более всего «украшен ученостью», благочестием, деятельностью, обликом и сущностью бедняка, отрешенным от мира, мирского благополучия, аскета и религиозного мистика, одним словом, тот, «кто пойдет по моей стезе учредителя вакфа». «Надевать халат дороже 30 дирхемов противно обычаю избранника, обыкновению святых сподвижников и шейхов тариката»²¹²; говорить надо смиренно, не гордиться и не урезать паек дервишам.

Итак, по документам первой трети XIV в. представляется, что суфийские благотворительные ханака были тогда традиционными по устройству (непрерывно дворовый тип здания), порядкам и нравственным нормам, сложившимся на раннем этапе суфизма, в домонгольское время. Как и в главных суфийских центрах – тарика, в ханаке действовали писанные и неписанные правила, традиционные уставы, по которым регламентировалась вся жизнь суфийской обители, царил дух смирения и всяческих ограничений, характерных для большинства монашеских объединений других конфессий мира.

Из данных вакуфной грамоты нельзя понять степень зависимости суфиев от главы ханаки – шейха в этой обители (отношения *мурид – муришид*) и соблюдения основного требования других ханака – «безоговорочное подчинение шейху»²¹³. Однако такую зависимость надо предполагать. Полное бесплатное материальное содержание паломников разного толка, особенно суфиев и дерви-

²¹⁰ Там же. С. 183.

²¹¹ Там же. С. 168–169.

²¹² Там же. С. 176–177.

²¹³ Сухарева О. А., 1960. С. 47.

шей, очевидно, предполагало их полное безусловное психологическое и моральное подчинение шейхам, хотя в вакфе эти отношения не отражены.

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ

В результате изучения вакуфного документа, сопоставления археолого-этнографических и топонимических данных выделяется несколько этапов сложения ханаки в Фатхабаде.

XIII в. (первая половина). На центральной площади пригорода Бухары Фатхабада (в 1,5 км на юго-восток от Каршинских ворот)²¹⁴ известный на мусульманском Востоке суфийский шейх Сайф ад-Дин Бахарзи основал благотворительную общину – ханаку кубравийского направления, которая просуществовала с XIII по XVIII в.

В первой половине XIII в. был учрежден первый («старинный») вакф, на средства которого существовала ханака в XIII в. Наиболее вероятно, что он был учрежден самим «шейхом ал-аламом». Второй вакф в пользу ханаки был учрежден внуком Сайф ад-Дина Бахарзи, шейхом Йахйей в XIV в.

Из вакуфного документа известно, что площадь Фатхабада занимала большое пространство (216 х 216 м), была окружена жилыми домами, базаром, керамической мастерской, плодовыми садами и виноградниками. С юга от площади-ханаки находился сад Нилуфар, между садом и площадью проходила улочка, соединявшая Фатхабад с Бухарой. По середине площади-ханаки протекал канал Фошун, орошавший весь юго-восточный пригород Бухары. В южной части площади-ханаки была баня для зимних омовений. В средней части площади находилась первая ханака, выстроенная при Сайф ад-Дине и представлявшая собой здание с внутренним двором, посреди которого находился хауз, а по сторонам – большое число жилых келий, хозяйственных помещений и общий ритуальный зал (*джама'ат-хана*) для молитвы и суфийских радений. В ханаке Фатхабада практиковались громкий и тихий зикр, песнопения «сама'», возможно, дервишские пляски «ракс».

²¹⁴ Шейхом Бахарзи в XIII в. основан не Фатхабад, как пишет О. Д. Чехович, а ханака в Фатхабаде.

XIII в. (вторая половина). После смерти основателя ханаки в юго-западной части площади Фатхабада была выстроена его гробница, представлявшая собой небольшое однокамерное здание, а позже с юга к ней была пристроена вторая ханака. Предполагается, на основании контекста вакфа XIV в., что и эта вторая ханака имела дворовую композицию с большим числом худжр для жилья по периметру, общий ритуальный зал и хозяйственные помещения.

Первая гробница Бахарзи XIII в. и пристроенная к ней с юга ханака существовали за счет первого вакфа. Южнее ханаки, за дорогой, продолжала функционировать баня для зимних омовений.

В одной из *ханака* (а может, в обеих) находилась названная в вакфе *джама'ат-хана* – общее помещение для богослужений и суфийских радений. По западной стороне площади располагались кельи и уединенные покои для суфиев.

XIV в. (первая половина). В 1326, 1333 гг. Абу-л Муфокир Йахйа учредил *второй* вакф, по которому *ханаке* в Фатхабаде завещались одиннадцать деревень в юго-восточной части пригорода Бухары, в том числе сам Фатхабад, ирригационная сеть района, мосты, мельницы, пахотные и заброшенные земли, сады и виноградники. Предполагаю, что эта недвижимость принадлежала еще основателю ханаки и была унаследована его внуком. Власть главного шейха ханаки, как и владение имуществом, были наследственными. Шейхи Фатхабада были очень богаты и обладали неограниченной властью, хотя в ханаке проповедовалась идея нищенства, скромности, послушания, богобоязни.

В это время по-прежнему функционируют оба здания ханаки. Вакфом 1326 г. предписывается застроить три стороны площади Фатхабад (кроме западной, застроенной еще в XIII в.) отдельными кельями для суфиев общей фронтальной композиции, и площадь приобретает вид замкнутого пространства. Конюшни и сеновалы, а также дома для работников и рабов, обслуживавших ханаку, располагались в окружающих площадь дворах и постройках.

XIV в. (вторая половина). Во второй половине XIV в. (приблизительно в 60–70-е годы) у первоначальной однокамерной гробницы Бахарзи был построен ныне существующий мавзолей монгольского хана Буйан-Кули (правил 1348–1358 гг.), убитого в Самарканде в 1358 г. Он был «подставным» ханом при тюркском амире

Казагане, государственными делами не занимался, был мистиком-суфием, почитателем идей Кубры.

Первая половина XV в. На месте первоначальной гробницы Бахарзи XIII в., пришедшей в плохое состояние, во времена Амира Темура или первых Темуридов, в первой половине XV в., был построен ныне существующий двухкупольный мавзолей продольно-осевой композиции, включающий гур-хану и зиарат-хану. Археологические исследования показали, что гур-хана нового мавзолея была установлена на месте первоначальной гробницы XIII в. Кирпичный склеп-сагана «шейха мира» находится на своем изначальном месте, в центре гур-ханы. Новый двухкамерный мавзолей и его фундаменты, как показали исследования, оказались в одном уровне с облицовкой суфы мавзолея Буйан-Кули-хана. Этот важный археологический факт определил последовательность появления двух существующих ныне гробниц XIV–XV вв. Территория около мавзолея постепенно превратилась в кладбище. Рядом с северным фасадом мавзолея Буйан-Кули-хана располагался еще какой-то не дошедший до нас мавзолей с крестовидным склепом²¹⁵.

Письменных известий о дальнейшей судьбе ханаки в Фатхабаде нет. Известно только, что она функционировала до XVIII в. включительно.

XVI – начало XX в. Археологические исследования и визуальные наблюдения показали, что в XVI в. с восточной стороны к зиарат-хане мавзолея XV в. был пристроен существующий ныне портал с арочным реваком на гребне портала и более глубокими ступенчатыми, выступающими вперед фундаментами.

В XIX – начале XX в. зиарат-хана мавзолея Бахарзи использовалась как мечеть. В западном проеме был устроен небольшой, сначала прямоугольный, затем шестигранный в плане михраб, а в северо-западном углу находился приставной многоступенчатый (деревянный?) минбар. Видимо, в это же время у северо-восточного угла зиарат-ханы был построен небольшой цилиндрический минарет для призыва на молитву. Он был выстроен на каменном фундаменте (гл. 0,75 м) и завершен арочной ротондой для азанчи. Этот минарет был разобран после обрушения северной стены и куполов мавзолея в пятидесятые годы XX в.

ЧАСТЬ II

²¹⁵ Джуракулов М., Некрасова Е. Г., Ходжайов Т. К., 1991. С. 9, рис. на с. 63.

МЕМОРИАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС В ФАТХАБАДЕ

МАВЗОЛЕЙ САЙФ АД-ДИНА БАХАРЗИ

АРХИТЕКТУРА, КОНСТРУКЦИИ, ДЕКОР

К нашему времени от огромной суфийской обители в Фатхабаде сохранилось, как уже отмечалось, лишь два мавзолея – монументальная двухкамерная гробница Бахарзи и небольшой мавзолей его духовного наследника и почитателя Буйан-Кули-хана (илл. 1–4, 13–15).

Усыпальница шейха представлена двухкамерным зданием, состоящим из поминального помещения – зиарат-ханы (12,8 х 12,8 м) и собственно погребального помещения – гур-ханы (9,35 х 9,70 м внутри), перекрытых одинарными яйцевидной формы куполами на невысоких ступенчатых барабанах. Восточный фасад подчеркнут монументальным порталом, пристроенным в XVI в. Диаметры куполов – 11,75 м в зиарат-хане и 9,5 м в гур-хане. Высота мавзолея от пола до замка купола в зиарат-хане – 22 м, в гур-хане – 16 м (илл. 16–20). Здание построено из квадратно-плиточного кирпича 25–26 х 25–26 х 5 см на лёссовом растворе. Фундаменты мавзолея сложены из кирпича того же формата на водоотталкивающем кировом растворе (лёсс с известковыми и зольно-угольными добавками). Глубина заложения фундамента около 75–95 см, выступ от вертикали стен снаружи 11–25 см. Толщина стен гур-ханы одинакова со всех сторон – 1,70–1,75 м; в зиарат-хане, в результате ремонтных наслоений, толщина стен колеблется от 2,0–2,20 м с юга до 2,55–2,80 м с севера. Смежная стена между гур-ханой и зиарат-ханой с проемом в середине равна 3 м с юга и 3,30 м с севера. Пристроенный в XVI в. портал мавзолея высотой 16,5 м имеет общий с угловыми башнями-гульдаста пролет в 19 м. Портальная ниша шириной 7,3 м, глубиной 3,2 м прорезана входным арочным проемом в зиарат-хану. Угловые башни-гульдаста диаметром 2 м, видимо, всегда были глухи-

ми – многоразовыми обмерами никаких полостей в гильдасте не отмечено (илл. 37–42).

Верх портала венчает *ревак* – сквозная декоративная аркатура из семи стрельчатых арок в прямоугольном обрамлении, по углам – круглые массивные гильдаста. Кроме главного порталного входа, в помещение зиарат-ханы вели два боковых проема, на оси север–юг, снаружи подчеркнутых стрельчатыми нишами глубиной 80–100 см, в прямоугольном обрамлении.

Строгие лаконичные формы памятника аскетичны по сравнению с роскошью убранства соседнего мавзолея монгольского хана. Мавзолей выстроен в черной кладке кирпича, без декоративной отделки снаружи. Интерьер покрыт ганчевой штукатуркой; скромный штампованный узор в ганче и сталактитовые гроздья типа мукарнас в восьмерике и шестнадцатиграннике – единственное украшение.

Мавзолей был прекрасно освещен. В обоих помещениях в шестнадцатиграннике располагались когда-то сквозные световые арки, теперь заложенные. Зиарат-хана на оси север–юг была открыта сквозными проемами (теперь заложены), снаружи подчеркнутыми неглубокими нишами. Над проемами также имеются световые, ныне замурованные окна. Такие же окна были и в нишах гур-ханы (илл. 22–24).

У входного проема из зиарат-ханы в гур-хану слева в 50-е годы XX в. еще сохранялось основание небольшого ганчевого шестигранного в плане михраба (XIX – начало XX в.), под которым раскопками вскрыт еще один михраб прямоугольной формы, примерно того же времени. Обмерами 1924 г. в северо-западном углу зиарат-ханы обозначен многоступенчатый, вероятно, переносной деревянный минбар. По сведениям Н. В. Ханыкова, в зиарат-хане перед михрабом в XIX в. совершалась пятничная молитва. У северо-восточного угла, как говорилось, перед порталом еще в 50-е годы XX в. стоял небольшой минарет, о времени строительства которого никаких данных нет. Можно только предположить, что минарет возник в XIX – начале XX в. вместе с михрабами и минбаром в зиарат-хане. Во всяком случае, хотя кубравийская ханака на том этапе уже не функционировала, в XIX в. наблюдалось некоторое оживление на памятнике, и местное духовенство использовало зиарат-хану как мечеть.

В пилонах главного восточного портала – небольшие разгрузочные помещения с лестничной клеткой, ведущей на кровлю, – прием, хорошо известный по ряду памятников Бухары и региона XVI в. (ханака Мулло-Мир в Рамитане, ханака Надира Диван-биги в Бухаре). Глухие ниши небольших крыльев восточного фасада (их по 3 с каждой стороны) по вертикали прорезаны небольшими окнами-щелями для освещения лестничной клетки.

Портал в XVI в. пристроен к восточному фасаду мавзолея без перевязки. Стык в виде явной щели в нише между первоначальным фасадом и существующим сейчас порталом хорошо виден.

Своеобразны внутренние подкупольные конструкции мавзолея. Переход от четверика к восьмиграннику осуществлен в обоих помещениях с помощью глубоких угловых арок, внутри которых мощные паруса: в гур-хане – треугольный, в зиарат-хане – довольно архаичный парус из перспективно-ступенчатых прямоугольных рам – прием, известный еще в XII в. (дворец Газневидов в Лашкари Базар).

Угловые пазухи восьмигранника и шестнадцатигранного барабана со световыми окнами в обоих помещениях заполнены, как говорилось, декоративными ячеистыми ганчевыми сталактидами типа мукарнас. Они орнаментированы штампованным условно-растительным рисунком.

Стены интерьера, как и купола, покрыты многослойными ганчевыми штукатурками. Других признаков декора на памятнике нет.

Еще в 20-е годы XX в. гур-хану мавзолея украшали известный резной деревянный кенотаф Сайф ад-Дина Бахарзи и, как показали археологические вскрытия²¹⁶, керамические и мраморные надгробия его потомков.

Деформации и следы многочисленных ремонтов до некоторой степени исказили первоначальный вид памятника, но архитектурный строй сооружения в целом, единство композиционного решения, монументальность и выразительность форм по-прежнему производят большое эмоциональное впечатление.

Усыпальница вошла в специальную литературу, главным образом как памятник поры монгольского владычества в Средней Азии, и была датирована большинством исследователей XIII в.²¹⁷

²¹⁶ Раскопки Н. Немцевой в 1951, 1963 г.

²¹⁷ Засыпкин Б. Н., 1948. С. 70; Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И., 1958. С. 74; их же, 1965. С. 247; ВИА, 1969. С. 271.

Сведения о мавзолее и резном деревянном надгробии кратки и немногочисленны, хотя к памятнику обращались всякий раз при характеристике архитектуры монгольской поры.

До археологических работ датировку памятника связывали с временем смерти шейха Бахарзи (1261). При этом наблюдались разнобой в датировке, путаница или неопределенность. Например, В. А. Шишкин относил мавзолей ко второй половине XIV в.²¹⁸ В своей ранней работе Г. А. Пугаченкова и Л. И. Ремпель в тексте характеризуют мавзолей как памятник монгольской поры (имеется в виду XIII в.), подпись же под планом содержит дату XIV–XV вв.²¹⁹ А. Ю. Якубовский относил памятник к XV в.²²⁰ Отмечалась разновременность строительства (гур-хана – XIII в., зиарат-хана – вторая половина XIV в., портал – XV–XVI вв.)²²¹. В «Истории искусств Узбекистана» памятник датирован XIII в.²²²

Время строительства мавзолея было уточнено при археологических исследованиях 50–60-х годов XX в., на чем я подробно останавлиюсь ниже.

К 1924 г. относится первый схематический план обеих усыпальниц²²³. В мавзолее обмером зафиксированы упомянутый многоступенчатый, по-видимому, деревянный минбар в северо-западном углу зиарат-ханы и шестигранная михрабная ниша у входа в гур-хану, в основании существовавшая еще в 50-е годы XX в. В гур-хане на плане отмечено девять прямоугольных надгробий, в том числе два спаренных и один крупный в центре, видимо, резной деревянный кенотаф, который в середине 20-х годов XX в. еще стоял на своем месте над могилой шейха.

В 1929–1933 гг. по линии Бухкомстариса стены мавзолея были освобождены от прилегающих слоев кладбища, шурфом обследованы фундаменты гур-ханы (юго-западный угол снаружи), произведен ремонт нижних частей стен (Н. М. Бачинский, В. А. Шишкин)²²⁴.

²¹⁸ Шишкин В. А., 1936. С. 46.

²¹⁹ Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И., 1949. С. 20–21.

²²⁰ Всемирная история, 1957. С. 577.

²²¹ Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И., 1958. С. 74–75.

²²² Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И., 1965. С. 246–247.

²²³ План выполнен на плотном ватмане черной тушью, аннотирующих данных не содержит.

По сведениям Б. Н. Засыпкина, обмер сделан в 1924 г. архитектором М. Я. Гинзбургом.

²²⁴ Шишкин В. А., 1936; отчетных документов нет.

Мавзолей был несколько раз обмерен: в 1937 г. архитектором Т. С. Страмцовой, в 1939 г. – Н. Е. Глиняновым и наиболее детально – в 1948 г., с включением разрезов и фасадов, П. В. Дудукиным.

К 50-м годам XX в. состояние основных конструкций памятника было крайне аварийным. Особенно угрожающим было положение в зиарат-хане. Сеть огромных трещин веером расходилась по стенам, как бы расщепляя основной куб помещения на четыре части по углам. Опасность разрушения и утраты фактически не изученного памятника была явной и нарастала с каждым годом. Необходимы были срочные меры по укреплению мавзолея.

В этой связи в 1951 г. под руководством Б. Н. Засыпкина было проведено комплексное обследование мавзолея группой разных специалистов, куда входили архитекторы С. Неумывакин и С. Хмельницкий, археолог Н. Немцева, гидрогеолог В. Лукин, инженер П. Москальцов²²⁵. В археологических работах принимала участие безвременно погибшая архитектор А. Берштейн. Были сделаны полные архитектурно-археологические обмеры, проведено обследование стен, фундаментов, грунтов, археологические вскрытия. На стыках помещений, пристроенного портала, внутри и снаружи было заложено 15 шурфов, которые позволили решить вопросы периодизации и датировки памятника, характера и состояния фундаментов, вскрыть надгробные сооружения внутри гур-ханы, остатки поздних михрабов у входного проема из зиарат-ханы в гур-хану. У минарета близ северо-восточного угла мавзолея также заложено небольшой шурф, которым были обнажены каменные фундаменты памятника.

Катастрофа, однако, не заставила себя ждать, и в феврале 1953 г. произошло значительное обрушение мавзолея: обвалилась часть стены северного фасада с основаниями куполов на участке между большим и малым помещениями (илл. 18, 19).

Это вызвало в 1953–1954 гг. дополнительное обследование фундаментов и стен мавзолея археологом С. Н. Юреневым²²⁶. Позже силами Бухарской реставрационной мастерской обрушенные части стен здания были восстановлены и конструктивно укреплены.

²²⁵ Работы велись Отделом охраны памятников Управления по делам архитектуры при Совете Министров УзССР.

²²⁶ Юренев С. Н., 1954. Рукопись архива Глав. НПУ Министерства культуры РУз // №324 Б/Ю 69.

В 1963 г. автором были продолжены археологические исследования гур-ханы гробницы, осуществлены вскрытия у главного фасада и в интерьере мавзолея Буйан-Кули-хана²²⁷. В конце 90-х годов XX в. в северо-западном углу мавзолея монгольского хана был заложен шурф под наблюдением Е. Г. Некрасовой (отчетной документации нет).

В общей сложности у мавзолея Бахарзи было заложено 17 шурфов, вскрыта значительная часть интерьера гур-ханы (рис. 12).

Результаты вскрытий 1963 г., кроме данных по характеру и состоянию фундаментов, дали чрезвычайно интересные материалы, принципиально меняющие представления о времени строительства и последовательности появления двух рядом стоящих гробниц.

Для определения строительной периодизации мавзолея были заложены шурфы на стыках стен большого и малого помещений, а также в проеме между ними. В результате выяснилось, что фундаменты под обоими помещениями сложены из квадратно-плиточного кирпича на одинаковом водоотталкивающем кыровом растворе, конструктивно перевязаны между собой, имеют одинаковую форму (снаружи выступ в 11–25 см), примерно одну глубину заложения (75–95 см) и не вызывают сомнений в единовременности происхождения.

Единые фундаменты под гур-ханой и зиарат-ханой, сплошной ленточный фундамент под смежной между помещениями стеной, наконец, конструктивная связь помещений в их наземной части исключают вероятность высказанного в литературе мнения, что гур-хана и зиарат-хана построены в разное время.

Разновременным с основным зданием, как говорилось выше, является только существующий ныне портал. Архитектура его, главным образом семиарочный ревак (аналоги – порталы бухарских памятников XVI в., портал ханаки Касым шейха в Кермине), позволяет датировать время пристройки XVI в.

Массивные пилоны (5 x 3,5 м), пристроенные без привязки к старому фасаду, образовали глубокую входную нишу (7,5 x 3,5 м). По сторонам портала – угловые гульдаста. Пилоны портала пустотелы, внутреннюю полость их заполняют небольшие (примерно 2 x 2 м), подквадратные в плане помещения со световыми

²²⁷ Немцева Н. Б., 1973. №7; Немцева Н. Б., 1989. С. 104–114.

проемами-щелями в количестве трех по всей вертикали пилонов. Снаружи пилоны оформлены тремя декоративными глухими арками со световыми бойницами у замка арок (илл. 37, 39).

Прием устройства пустотелых пилонов в монументальной архитектуре Средней Азии хорошо известен. Например, по мавзолею Абул-Фазла в Серахсе XI, XV вв., в Туркмении²²⁸, на границе с Ираном; имеет место и во многих ханака XVI–XVII вв. Бухары и региона (ханака Хаким Мулла-мир в Рамитане, Надира Диванбиги в Бухаре).

Пустотелые массивные пилоны позволяли сэкономить на строительном материале и уменьшить при этом нагрузку на фундамент. В условиях Бухары с высоким стоянием уровня грунтовых вод этот прием имел рациональный, конструктивный смысл.

Кроме того, световые бойницы по всей вертикали пилонов освещали и лестничную клетку в массиве главного фасада мавзолея.

Пристройка портала второго строительного периода была связана, надо полагать, с общим состоянием мавзолея к XVI в. Видимо, входная часть мавзолея первой половины XV в. уже к XVI в. начала разрушаться, что заставило строителей пристроить новый портал к старому фасаду (порталу?) – своего рода контрфорс с более мощными фундаментами. Фундаменты портала XVI в. были вскрыты тремя шурфами (два по сторонам пилонов, один в нише портала). Везде были обнаружены широкие (вынос 1,20–1,40 м) ступенчатые фундаменты (три–пять ступеней) на 0,7–0,85 м глубже первоначальных, из квадратно-плиточного кирпича (25 x 25 x 5; 26–27 x 26–27 x 5 см) на кыровом водоотталкивающем растворе.

К ТИПОЛОГИИ МАВЗОЛЕЯ

В ходе археологических работ было установлено, что перед нами – единовременно возведенный мавзолеем продольно-осевой композиции с последовательным расположением трех основных объемов – гур-ханы, зиарат-ханы и пристроенного в XVI в. портала.

В XIV в. на территории Мавераннахра одновременно с однокамерными мавзолеем существовали сложные в объемно-планировочном отношении мемориальные комплексы, включающие, кроме гур-ханы, группу различных подсобных помещений, и в первую очередь поминальную мечеть или зиарат-

²²⁸ Прибыткова А. М., 1973. С. 131, рис. 83.

хану (погребальный комплекс Ходжа Ахмада Йасави в Туркестане, Дорус-Сиадат в Шахрисабзе, Музлум-хан Сулу в Миздахкане, Мухаммада Бошаро около Пенджикента и др.), по замыслу напоминающие скорее дворцовые строения с разветвленной сетью служебных комнат, строго замкнутых в прямоугольнике внешнего периметра.

В каждом отдельном случае проявляются своеобразие, неповторимость в решении объемов, общего плана. Происхождение такой композиции основано на синтезировании более древних традиционных приемов в среднеазиатском зодчестве. Функционально главные помещения в этих мавзолеях (гур-хана, зиарат-хана) размещаются на центральной, чаще продольной оси, подсобная группа комнат komponуется по сторонам.

На территории Мавераннахра формируется и другой тип мавзолея, как бы выделенный из сложного мемориального комплекса. Таковы мавзолеи Зенги-ата (XV в.), «Матери Султана» из Шахи-Зинды, Шейха Хавенд-и Тахура в Ташкенте (XVI–XIX вв.) и др. Объемно-планировочное решение их по существу составляет основу композиции более старых мемориальных комплексов.

Основное ядро в этих мавзолеях предстает как бы в «чистом виде», лишено сложной сети служебных комнат по сторонам. Выделяются главные в архитектурном и функциональном отношении объемы, расположенные на центральной оси, – гур-хана, зиарат-хана и портал. Характерно, что и внешний силуэт этих качественно новых произведений мемориального зодчества, сочетающий разновеликие, нарастающие к центру объемы, сохранил без всяких изменений планировочную структуру старого комплекса, где гур-хана занимает наименьшее пространственное положение, затем идут значительно больших размеров зиарат-хана и акцентирующий вход портал.

Внешний абрис мавзолея этого типа ничего общего уже не имеет с прямоугольной призмой старого комплекса. Ломаная линия наружного периметра здесь дублирует внутренний план здания. Композиция подчеркнута динамичным нарастанием венчающих куполов.

Одним из наиболее характерных мавзолеев такого типа является исследуемая гробница. Однако теперь, когда в процессе археологических изысканий установлена единовременность его

проектного замысла и строительства, меняется оценка памятника, главным образом в отношении его типологического места в развитии средневекового зодчества Средней Азии. Хотя в публикациях и имелась оговорка, что строение это разновременное и только гур-хана относится к XIII в., мавзолеем тем не менее в целом, как сказано выше, рассматривался при характеристике архитектуры Мавераннахра XIII в. Общий же его архитектурно-планировочный строй при единовременности возведения, как показали вскрытия, тяготеет более всего к мавзолеям XV в. (Зенги-ата, двухкупольный мавзолей «Матери Султана» в нижней группе Шахи-Зинды и др.).

К сожалению, подкупольные конструкции сооружения, обычно являющиеся характерным выразителем инженерных приемов той или иной эпохи, в данном мавзолее не показательны. Решение интерьера уникально. Мы не видим здесь ни обычных для Мавераннахра XIV в. арочных парусов со сталактитовым заполнением, ни сложной системы пересекающихся арок XV в. или щитовидных парусов XV–XVII вв.

Своеобразная, с элементами архаики система перехода от квадрата к куполу, основанная, как уже говорилось, на арках с треугольным парусом внутри (в гур-хане) и малом архаическом парусе из перспективно уменьшающихся рам в зиарат-хане, весьма уникальна, не имеет аналогов в известных мне памятниках зодчества XIV–XVI вв. (илл. 22–24).

Одновременно со старыми, традиционными формами, памятник несет черты, присущие поздней бухарской архитектурной школе. В частности, световые граненые барабаны с восемью сквозными арками, прекрасно освещающими интерьеры обоих помещений, известные еще в XIV в. (мавзолей Тюрабек-ханым в Куня-Ургенче, Шейх-Мухтар Вали в с. Остана), получают широкое распространение в Бухаре примерно с XVI в. (торговый купол Таки-Заргаран, медресе Абдулла-хана, Мири-араб и др.).

Таким образом, архитектурный облик интерьера, не являясь типичным, затрудняет возможность четкой датировки памятника.

Результаты же археологических вскрытий 1951, 1963 гг. между тем показали, что существующее здание мавзолея Бахарзи не могло быть выстроено в монгольское время (XIII – первая половина XIV в.), а появилось, как уже упоминалось, значительно позже.

Основанием для датировки послужило планировочное соотношение двух рядом стоящих гробниц, выявленное в результате археологических работ, на чем я остановлюсь ниже.

МАВЗОЛЕЙ БУЙАН-КУЛИ-ХАНА

АРХИТЕКТУРА, КОНСТРУКЦИИ

У северо-западного угла мавзолея шейха Бахарзи, по той же западной стороне площади Фатхабад, как уже сказано, расположена небольшая усыпальница Чагатаида Буйан-Кули, бывшего «подставным» ханом у тюркского амира Казагана.

Источники отмечают набожность и благочестие Буйан-Кули, что устраивало амира Казагана и его наследника – старшего сына, амир-заде Абдаллаха, от рук которого и погиб в 1358 г. монгольский хан. Шараф ад-Дин Али Йазди, осуждая казнь Буйан-Кули-хана, сообщает, что у амира Абдаллаха возникло подозрение, якобы Буйан-Кули увлекся его женой, за что последний поплатился головой. После казни тело хана было перевезено в Бухару и погребено подле гробницы «шейха ал-алама». По всей видимости, такова была предсмертная воля покойного, который был суфием, связан с бухарскими потомками и последователями Бахарзи²²⁹.

Мавзолей Буйан-Кули-хана – сооружение подквадратного по внешнему периметру плана (11,20 x 9,90 м), уступает по размерам даже гур-хане мавзолея шейха. Высотные пропорции приземисты, купол и гребень портала не превышают высоту 8,5 м. Портал не выделен из основного прямоугольника, лишь незначительно приподнята П-образная рама, заключающая входную арку. Здание построено из квадратного кирпича 23–24 x 23–24 x 3–4 см.

Своеобразно решена планировка интерьера, состоящего из квадратной зиарат-ханы (6,24 x 6,26 м)²³⁰, крытой куполом, и миниатюрной прямоугольной гур-ханы (3,20 x 2 м), расположенной на продольной оси.

²²⁹ Babajanov B., 1999. P. 203.

²³⁰ Мы пользуемся принятой в литературе терминологией в отношении помещений мавзолея (большое – зиарат-хана, малое – гур-хана), хотя, как показали наши предварительные исследования, в главном купольном зале имеются погребения в кирпичных, сводчатых сагана. Так называемая гур-хана археологически не обследовалась, но известно, что там стоял намогильник из темного мрамора (по некоторым непроверенным сведениям, находится в музее Лондона).

План мавзолея, таким образом, построен на осевом размещении тех же трех главных составных (гур-хана, зиарат-хана, портал), что и в мавзолее шейха, но, в отличие от него, членение внутренних объемов не нашло никакого выражения во внешнем силуэте. Все строго замкнуто в прямоугольной, почти квадратной призме (илл. 59, 60).

Это как будто один из вариантов развития все той же темы двухкамерного мавзолея, но еще очень связанной со старой традицией – одиночной гробницы домонгольской поры. Ступень, явно предшествующая по времени такому типу мавзолея, как усыпальница шейха Бахарзи. Небольшая гур-хана мавзолея никогда не была перекрыта куполом. На поверхность кровли выходил длинный полуразрушенный световой фонарь сложной конструкции. Само помещение, высота которого достигала примерно середины четверика зиарат-ханы, сверху было украшено тремя рядами сталактитов. В основании стен проходила панель, разбитая на отдельные панно из резной поливной терракоты с геометрическим узором (илл. 65, 66).

В центре гур-ханы, судя по старым фотографиям, располагалось надгробие в виде двухступенчатой саганы без арочного навершия, отделанной глазурованными плитами с геометрическим узором (илл. 57). Сохранность его уже в начале XX в. была плохой, в боковые стенки саганы вкраплены «чужие» фрагменты резной терракоты. Возможно, форма надгробия из двух ступенчатых параллелепипедов без арочного навершия была изначальной – такой была мода в Бухаре конца XIV в. Эта версия допустима потому, что в гур-хане мавзолея Бахарзи были вскрыты именно такие намогильники с плоским верхом и вертикальными стелами с эпиграфией в торце южной стороны (*in situ* сохранилась одна), по композиции схожих с современными. Эта форма намогильников не обычна для Мавераннахра XIV в. В Самарканде того же времени, например, преобладала многоступенчатая форма саганы с арочным навершием (намогильник XIV в. из гур-ханы комплекса Кусама ибн Аббаса в Шахи-Зинде и точно такое же надгробие в мавзолее 60-х годов XIV в., вскрытом севернее мавзолея Шади-Мульк-ака²³¹) или отделанные мрамором параллелепипеды.

Своеобразна конструкция стен здания. Стены четверика зиарат-ханы прорезаны узкими сводчатыми обводными коридорами

²³¹ Немцева Н. Б., Шваб Ю. З., 1979. С. 64, рис. 77.

на уровне 70 см от полов. Эти коридоры (высота – 1,5 м, ширина – 70 см) со стороны главного фасада в углах здания переходят в винтовую лестницу (с юга), а на заднем фасаде коридоры соединялись с небольшими помещениями (1,5 x 1,5 м), расположенными по сторонам гур-ханы или в западных углах здания. Из северо-западного помещения с помощью лестницы можно было попасть на кровлю (илл. 59, 60).

Эти таинственные коридоры, вызывавшие различные домыслы по поводу их функции, на мой взгляд, – несомненно инженерная конструкция для облегчения веса стен и экономии строительного материала. Прием устройства внутристенных коридоров достаточно широко распространен, известен, главным образом, по ряду памятников Средней Азии XI–XII вв., с единственной разницей – подобные коридоры (их чаще именуют галереями) проходят на уровне восьмерика (мавзолее Саманидов X в. в Бухаре, Чугундор-баба в Куфене, Абул-Фазла XI в. в Серахсе, мавзолее Султана Санджара XII в. в Мерве и др.). По всей вероятности, подобный инженерный прием – еще более древняя, доисламская строительная традиция в Средней Азии. Об этом свидетельствуют пазушно-разгрузочные карликовые галереи, обнаруженные между сводами и куполами (в пазухах) в сырцовом буддийском монастыре VII в. Аджина-тепе на юге Таджикистана. Б. Литвинский и Т. Зеймаль, подробно рассматривая разные точки зрения, совершенно верно, на мой взгляд, расценивают эти пазушные галереи как разгрузочную инженерную конструкцию²³².

Археологические работы 1951, 1954, 1963 гг., связанные с исследованием усыпальницы Сайф ад-Дина Бахарзи, коснулись и мавзолея Буйан-Кули-хана, в результате чего удалось получить новые данные по его первоначальной объемно-планировочной композиции, а также фактические материалы для определения последовательности появления и датировки существующего двухкамерного мавзолея «шейха мира».

Шурф, заложенный у наружного северо-западного угла мавзолея шейха, показал, что фундамент западной стены здания впритык упирается в кладку нижней части мавзолея Буйан-Кули-хана – постамент-суфу, которая была скрыта под землей и впервые обнаружена во время археологических работ в 60-е годы XX в. С внеш-

ней стороны суфа облицована парным шлифованным кирпичом в сочетании с поливными «бантиками». При этом в месте стыка выступ фундамента мавзолея шейха обужен с 24 до 11 см и, таким образом, как бы обогнул более раннюю по времени суфу Буйан-Кули-хана (рис. 12, 13, илл. 67, 68).

Дальнейшая полная расчистка показала, что вскрытая декорированная снаружи кладка сплошным массивом огибает мавзолеем Буйан-Кули-хана, являясь его стилобатом или суфой, т. е. широким основанием, на котором стоит здание (илл. 59, 60).

Кладка суфы сложена из квадратного кирпича (24 x 24 x 4 см) на ганчевом растворе. Суфа имеет высоту более 1,5 м (с фундаментом), прямоугольная в плане, со скошенными под 45° углами; она обводит по периметру весь мавзолеем, выступая от боковых стен на 2,40 м, а со стороны главного фасада на 1,80 м. Высота облицованной части суфы – около 1 м, ниже – на глубину 55 см идет фундамент из кирпича на кыровом растворе.

Перед входной аркой портала мавзолея (пролет – 3,5 м) суфу на всю ее высоту прорезает широкая (более 5 м) входная ниша. Судя по перепаду уровней между основанием суфы и порогом мавзолея, составляющим 1 м, нишу суфы когда-то заполняли 4–5 ступеней для подъема внутрь здания.

Как говорилось выше, облицовку боковых стенок суфы составляли парные шлифованные кирпичи в шахматном сочетании с глазурованными изразцами «бантиками». По верхнему краю шла узкая полоска (2,5 см) зеленовато-голубого плитня. Полива «бантиков», как и плитня, имеет характерный зеленовато-голубой оттенок (цвет бирюзы), присущий облицовке всего памятника.

Верхняя горизонтальная площадь суфы также была когда-то облицована. Большое число кашинных шестигранных шашек (сторона 9 см) и прямоугольных плит (20 x 18 см) голубого цвета, найденных на суфе и в завале рядом с ней, позволяют предполагать на горизонтальной поверхности ее сплошное изразцовое голубое поле из шестигранных шашек (рис. 13, илл. 67, 68).

Принадлежность вскрытой суфы мавзолею не вызывает сомнений. Конструктивная связь ее с четвериком, композиционное единство со всем объемом здания (планировочное взаимоподчинение ниши суфы и входного проема центральной оси здания, угловых скосов суфы – углам четверика), один размер строи-

²³² Литвинский Б. А., Зеймаль Т. И., 1971. С. 44; с. 141, прим. 23, 24, 36.

тельного кирпича (23 x 23 x 3–4 см; 24 x 24 x 4 см) и цвет глазури на изразцах – убедительные свидетельства одновременности раскопанного основания и существующего мавзолея. Исследования в интерьере зиарат-ханы показали, что постамент-суфа подстилает здание мавзолея не сплошным массивом, но только стены четверика, выступая на 40–50 см от вертикали стен внутри помещения (илл. 60). Вся средняя подпольная часть зиарат-ханы была заполнена землей для совершения погребений, которые не вскрывались. Зачистка юго-восточной угловой пазухи показала, что зиарат-хана мавзолея заполнена сводчатыми сагана, там как будто нет склепа.

Таким образом, в результате археологических исследований архитектура мавзолея Буйан-Кули-хана предстала в совершенно новом пропорциональном строе, меняющем представление о первоначальном облике здания. Высота мавзолея увеличилась почти на 1 м (общая высота – около 10 м).

Вскрытое основание гробницы свидетельствует о весьма оригинальной композиции памятника, построенной на соотношении двух самостоятельных объемов – широкой суфы и поставленной на нее подквадратной призмы здания, увенчанной небольшим куполом (площадь памятника с суфой – 15,5 x 13,5 м).

Своеобразие композиции подчеркивалось и цветовым решением. Изразцовая облицовка боковых стенок суфы «бантиками» в сочетании с парным кирпичом создавала цветовую и орнаментальную гармонию с угловыми полуколоннами четверика, декорированными таким же образом, а полихромное кружево стен мавзолея, как в водной глади, отражалось в голубом поле горизонтальной поверхности суфы.

Прием этот нов. Прямых аналогов подобной объемно-планировочной композиции нет ни в синхронной архитектуре Средней Азии, ни в близкой ей по времени. В позднесредневековой бухарской архитектуре (XVI–XVII вв.) известны широкие, чаще односторонние суфы, пристроенные у портала, чисто утилитарных функций, без признаков декора (ханака Файзабад в Бухаре, круговая суфа ханаки Касым шейха в Кермине, каменный постамент мечети Балянд в Бухаре, связанный, видимо, с рельефом местности, а не специальный архитектурно-конструктивный прием, и др.).

Постановка основного объема здания на уширенном постаменте-суфе несколько напоминает далекие по времени раннесредневековые (VI–VIII вв.) замки Средней Азии, строительство которых велось на стилобатах. Большой археологический разрыв, однако, делает неправомерной эту параллель. Суфа несла не только декоративно-конструктивную функцию, но служила защитной частью основания памятника от агрессивных грунтовых вод. Известно, что грунтовые воды Бухарского оазиса имеют высокий уровень стояния, и, в частности, фундаменты портала мавзолея шейха Бахарзи весной находятся ниже этого уровня.

Итак, перед нами уникальный памятник 60–70-х годов XIV в., специальным исследованием архитектурных форм которого еще предстоит заняться.

Все в мавзолее дышит творческим вдохновением. Его создавал смелый и талантливый мастер-дизайнер. Это не очередная копия уже известных однокамерных гробниц Шахи-Зинды в Самарканде XIV в., хотя по общему архитектурно-декоративному стилю они перекликаются. Здесь имеет место особый замысел зодчего, создавшего изумительное творение искусства в кирпиче и полихромном керамическом покрытии, одухотворенном стихами Саади.

ДЕКОР ПАМЯТНИКА

Экстерьер. В отличие от гладких кирпичных стен и скупого ганчевого декора в интерьере мавзолея Бахарзи, гробница Буйан-Кули-хана донесла до нас единственный для Бухары пример здания модного в XIV в. полихромного художественного стиля. Мавзолеей сплошь, внутри и снаружи, покрыт резной поливной терракотой с преобладанием чистых бирюзово-голубых и белых тонов в сочетании с марганцово-коричневым и синим цветом.

Благородный, строго-изысканный стиль монохромной резьбы по глине (резная терракота) или набора кирпичных изразцов в сочетании с резным ганчем домонгольского времени в XIV в. сменил живописный стиль в монументальной архитектуре, представленный в многоцветии глазурованного покрытия той же глубокой резьбы по глине. В последующие столетия на смену резной поливной терракоте придет расписная майолика, затем – наборная кашинная мозаика, техническое совершенство декора, новые орнаментальные композиции.

Декоративное керамическое покрытие мавзолея Буйан-Кули-хана представляет исключительный интерес и большую ценность как единственного в Бухаре памятника нового для послемонгольской поры художественного стиля. Надо сказать, что при всей унификации декора мавзолея с другими синхронными памятниками XIV в. и более всего с ранними мавзолеями 40–70-х годов XIV в. из ансамбля Шахи-Зинда (наиболее близки мавзолей Ходжа Ахмада, мавзолей 1360/61 г., мавзолей Шади-Мульк-ака), данный мавзолей несет черты локального своеобразия, неповторимости и творческого начала бухарских мастеров-дизайнеров второй половины XIV в.

К сожалению, изумительное по изяществу и тонкости рисунка, цветовому решению декоративное керамическое покрытие внешних стен гробницы к нашему времени почти исчезло, восстанавливается в значительной степени по старым фотографиям и остаткам облицовки на местах. Лучше сохранился декор интерьера, главным образом сверху, в восьмиграннике и в основании купола.

Остатки облицовки можно видеть на портале мавзолея и лишь следы ее улавливаются на боковых и заднем фасадах (илл. 44–49).

К счастью, до нас дошел уникальный снимок 1890 г.²³³, где можно видеть почти весь декор главного, восточного фасада, лишь с небольшими изъянами. Этот снимок позволяет не только графически восстановить декор главного фасада, но расшифровать эпиграфический орнамент и впервые прочесть все надписи портала, в том числе историческую, полностью утраченную к нашему времени (илл. 43).

Декор фасада, выполненный в технике резной поливной терракоты, включает традиционный геометрический, стилизованно-растительный и эпиграфический орнамент с большим количеством разнообразных бордюров (полосчатых, ленточных с переплетами-узлами и промежуточными вставками), обрамляющих отдельные панно, вертикальные и горизонтальные пояса. Как во всех подобных случаях, декоративно-облицовочное решение в целом, элементы и детали вторили архитектурным формам и членениям самого здания, подчеркивая его композиционный строй. Вертикалям пилонов портала соответствовали вытянутые сверху вниз орнамен-

тальные пояса с эпиграфикой и растительным узором; кривую арки огибали изогнутые по ее архивольту ленты с эпиграфическим или растительным узором; небольшие пролеты крыльев стен между порталом и угловыми гильдаста украшали узкие декоративные панно (илл. 61–64).

В основе композиции главного фасада – фронтальность – прием, сложившийся еще в предшествующую, домонгольскую пору, распространенный в архитектуре Средней Азии вплоть до позднего средневековья и более всего характерный для решения главных фасадов крупных зданий дворового типа. Большая часть однокамерных гробниц X–XIV вв. со стороны главного фасада, как правило, подчеркнута одним порталом во всю ширину стены (Араб-ата, Мир-сеид Бахром, все мавзолеи XIV в. из Шахи-Зинды). В данном случае небольшая, подквадратная в плане призма, крытая куполом в решении главного фасада, имеет более сложную композицию. Здесь имеют место все, несколько трансформированные элементы фронтальности, характерные для главных фасадов крупных строений. На оси фасада – доминирующий по высоте главный портал с обширной входной арочной нишей, по сторонам портала, в одной с ним плоскости, – небольшие крылья стен, фланкированные по углам трехчетвертными колоннами. Точно так же решен главный фасад мавзолея Бахарзи, но уже в иной пропорции.

К настоящему времени декоративно-облицовочная керамика мавзолея в значительной степени разрушена и опала, особенно на внешних фасадах. Лучше сохранился декор главного фасада, где уцелел тимпан портала над входной стрельчатой аркой, заключающий насыщенный, экспрессивный растительный мотив, выполненный в технике резной поливной терракоты с ярким бирюзово-голубым глазурованным покрытием. Тимпан обрамлен тонким светло-голубым (белым?) бордюром из двух парных лент, перекрещенных через определенные расстояния узлом «восьмеркой» – прием, хорошо известный по архитектурному орнаменту XI–XII вв. и более позднего времени.

Над тимпаном порталной арки когда-то находилась широкая горизонтальная декоративная лента или пояс с эпиграфическим орнаментом – «китаба». В настоящее время «китаба» исчезла. По некоторой (не проверенной) информации фрагменты декора от

²³³ Архив ГлавНПУ Министерства культуры РУз, арх. № 33952 (138).

облицовки мавзолея Буйан-Кули-хана с эпиграфическим узором, возможно от «китабы», хранятся в Лувре (Париж, Франция).

Полностью «китаба» восстанавливается по упомянутому снимку конца XIX в. Эта уникальная фотография позволила расшифровать и прочесть все надписи портала, утраченные к нашему времени. На снимке видны не только «китаба» над аркой портала, но также лента с эпиграфическим орнаментом по архивольту арки от основания до замка и два вертикальных эпиграфических пояса по наружным краям пилонов портала с исторической надписью (илл. 43).

Судя по фотографии, «китаба» была выполнена в технике резной поливной терракоты, текст написан белыми буквами по голубому фону, как и во всех других случаях, эпиграфический орнамент сочетался с элементами растительного узора. Надпись прочтена Б. М. Бабаджановым, по его заключению, выполнена почерком *сульс* – одним из монументальных его видов, с удлинненными стволами «алифа» и «ляма», на арабском языке, содержит фрагмент из Корана 28: 88²³⁴.

Второй коранический текст расположен по архивольту арки портала. Он сохранился от пяты до замка, а в конце XIX в. заполнял все поле архивольта. Здесь тот же почерк *сульс*, выполненный в технике резной поливной терракоты белым по голубому фону. Арабская надпись содержит фрагмент из Корана 41: 30–33²³⁵.

Третья декоративная лента с эпиграфическим орнаментом опоясывала порталную раму по внешнему периметру. Эта наиболее важная, историческая по содержанию надпись восстанавливается лишь по упомянутой выше фотографии, но и на ней сохранились только вертикальные пояса на пилонах портала, а горизонтальная лента в завершении порталной рамы уже в конце XIX в. не существовала. Уцелевшие части надписи содержат посвящение Буйан-Кули-хану.

На правой (северной) стороне пилонна надпись гласит: «... и были они одарены при жизни владычеством и счастьем; а после смерти (одарил их) размещением (в раю) и милостью, и благостями, и добродетелями и содействовал успокоению их душ в счастливый час вечно живой Создатель (Бог), затем...»

²³⁴ Babajanov B., 1999. P. 197–210.

²³⁵ Там же.

На левом пилоне портала историческая надпись заключает имя монгольского хана: «... султан величайший... прославленный в этом мире Буйан-Кули-хан – да будет введен он в райские сады и да будет накормлен лучшей пищей (Бога) и благочестием (ат-такуа); а смерть – благость и вечное счастье! О самые мудрые!...»²³⁶

Как и другие надписи портала, исторический текст выполнен на арабском языке почерком монументального *сульс* светлыми (белыми) буквами в сочетании с голубыми вкраплениями элементов растительного узора.

Этим ограничивались арабские надписи портала. Надо сказать, что прием размещения эпиграфического орнамента на архивольте или вдоль пилонов портала для XIV в. довольно традиционен (мавзолеи из ансамбля Шахи-Зинда), известен по ряду памятников уже в X–XI вв. (мавзолеи Араб-ата, Мир-сеид Бахром, степная резиденция Караханидов Рабат-и Малик и др.).

Другие орнаментальные приемы, использованные на фасаде мавзолея, – гирихи и растительные узоры также сложились к середине XIV в., известны, главным образом, по ранним мавзолеям ансамбля Шахи-Зинда, с которыми у памятника наиболее прямые параллели. В частности, на щипцовой стене порталной ниши над замком арки сохранился небольшой фрагмент гириха, выполненный в технике резной поливной терракоты, характерной для мавзолея в целом (илл. 62).

Построение гириха, по остаткам восстановленное архитектором А. Ф. Мухитдиновым²³⁷, визуально близко гириху на панели в интерьере мавзолея и на глухой арке октагона. И тот, и другой геометрический рисунок включает унаследованные из практики мастеров XI–XII вв. приемы, которые в резной поливной терракоте получают развитие в XIV в. (щипец порталной арки мавзолея Ходжа Ахмада из ансамбля Шахи-Зинда; 40-е годы XIV в.), а затем уже в мозаичном наборе в XV–XVI вв. (мозаичный гирих на щипце входной арки мечети Туман-ака 1405 г. из Шахи-Зинда, мавзолеей Ширин-бика-ака, тимпаны главной мечети Биби-ханым).

Небольшие крылья стен главного фасада по сторонам портала фланкированы массивными трехчетвертными угловыми ко-

²³⁶ Там же.

²³⁷ Богодухов А. К., Мухитдинов А. Ф., 1977. № 4. С. 28–31.

лонками. Такие же колонки фиксируют два других угла на заднем фасаде – прием, известный еще в X в. по мавзолею Саманидов в Бухаре. Угловые колонки мавзолея облицованы излюбленным в средневековые приемом – сочетанием парного шлифованного кирпича с бирюзово-голубыми «бантиками». Таким же образом облицованы боковые стенки подиума – суфы мавзолея, на котором стоит четверик здания (выявлена при археологических исследованиях 1963 г.). Это один из самых распространенных орнаментальных приемов, характерных для монументальной архитектуры Средней Азии периода развитого средневековья, начиная с X–XII вв., где парный кирпич в шахматном чередовании с «бантиками» использовался для облицовки интерьеров и фасадов зданий. Вариации этого приема выполнялись не только в жженом кирпиче, но и в резном ганче (Рабат-и Малик, мавзолей Араб-ата), при этом «бантики» могли иметь форму сложной декоративной фигурки (мавзолей Мир-сеид Бахром X в., караван-сарай Дая-хатын XI–XII вв.) или простого вертикально поставленного кирпичика между двумя парами кирпичей (мавзолей в Серахсе, ханака Ходжа Машад XII в.). В XIV в. этот орнаментальный прием продолжает употребляться для облицовки стен, но уже в сочетании парного кирпича с поливными голубыми «бантиками» (мавзолей 1360/61 г., мавзолей Усто Алим Несефи из ансамбля Шахи-Зинда).

Следует также отметить экспрессивный раппортный растительный узор на небольших крыльях стен между порталом и угловыми колонками главного фасада. Рисунок в виде развивающейся цепи спиралевидных фигур забран в двойной бордюр и представляет собой вытянутое сверху вниз узкое панно. Значительные остатки его видны на снимке XIX в. В настоящее время панно полностью утрачено. А. Ф. Мухитдинов в своей реконструкции по углам порталной ниши устанавливает угловые полуколонки, которые не уцелели, но хорошо просматриваются на снимке 1890 г. На левом углу ниши видны остатки капители в виде двусторонней лирообразной фигуры – один из самых распространенных приемов оформления верха полуколонн на памятниках XI–XIV вв. в Средней Азии. Во время археологических раскопок в 50-е годы XX в. у мавзолея была найдена деталь от оформления полуколонки – «кузача», покрытая голубой поливой.

На этом можно было бы остановиться в описании декоративной облицовки главного фасада. Надо лишь упомянуть, что вся порталная ниша памятника была сплошь облицована в той же технике резной поливной терракоты, но сохранились лишь бордюры, обрамляющие отдельные панно на шипцовой стене вокруг дверного проема и упомянутый выше гирих над входом. Вход не имел обычного для памятников средневековья арочного завершения, он был оформлен обычной прямоугольной коробкой, куда, видимо, как и сейчас, была вставлена двустворчатая резная деревянная дверь. Над дверью располагалось центральное квадратное панно, два других – по его сторонам. Внизу, как и на пилонах портала, проходила панель, разбитая на секции, заполненные гирихами.

Боковые и задний фасады мавзолея имели одинаковое декоративное оформление – внизу, как и на главном фасаде, панель того же размера, характера орнаментальных композиций и стиля. На боковых фасадах – панель из десяти квадратных и прямоугольных секций, над панелью стена композиционно разбита на три панно – в центре квадратное, по сторонам – два прямоугольных, между панно – широкие пилястры, орнаментированные небольшими квадратными плитами с геометрическим узором, следы которого можно было уловить еще в 50-е годы XX в.

Задний фасад имел то же композиционное решение, что и боковые, – панель, разбитая на секции в основании, и трехчастное членение стены над панелью. Как и на боковых фасадах, стеновые панно заполнял декор, следов от которого не осталось, но, скорее всего, по аналогии с интерьером, там можно предполагать геометрический узор – *гирях*, решение которого остается неизвестным.

Интерьер. Лучше всего до сего дня сохранилась облицовка интерьера, где полностью уцелел декор восьмерика с арочными парусами в углах и глухими арками на осях. Неплохо сохранилась облицовка купола в основании, по остаткам которой легко восстанавливается весь геометрический рисунок до замка, а также следы панели в основании интерьера зиарат-ханы (графически восстановлен архитектором А. Ф. Мухитдиновым).

Композиция декора в интерьере мавзолея имела типичное для XIV в. трехчастное решение – панель в основании стен, четверик над панелью, разбитый на отдельные панно (в данном случае их

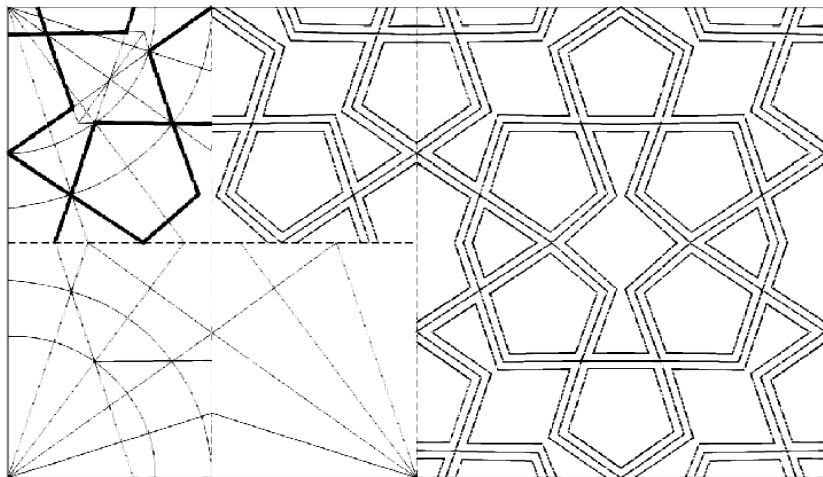

Рис. 10. Мавзолей Буйан-Кули-хана. Зиарат-хана.
Построение гиреха на ярусе тропов. (По Л. И. Ремпелю).

было пять), переходная к куполу конструкция – восьмигранник и купольное, чашевидной формы завершение, установленное на октагон.

Почти без потерь в мавзолее сохранился ярус парусов характерного для XII–XIV вв. инженерного решения. Конструкция октагона, в отличие от мавзолея Бахарзи, имеет четкие и простые формы, характерные для квадратно-купольных объемов второй половины XIV в. На квадрат стен установлен восьмигранник с угловыми арочными тропами и глухими арками того же профиля на осях. На октагон без шестнадцатигранного перехода, характерного уже для более позднего времени, установлен купол. Нависающие над углами октагона части купола ничем не задрапированы (илл. 51–56).

Угловые арки паруса слегка нависают над стеной четверика, как в подавляющей части памятников XII–XIV вв., и забраны в прямоугольные рамы с эпиграфическим орнаментом, выполненным в технике резной поливной терракоты почерком сульс. Именно здесь, как установлено Б. М. Бабаджановым, располагались стихи Саади, написанные на фарси, на чем я остановлюсь ниже.

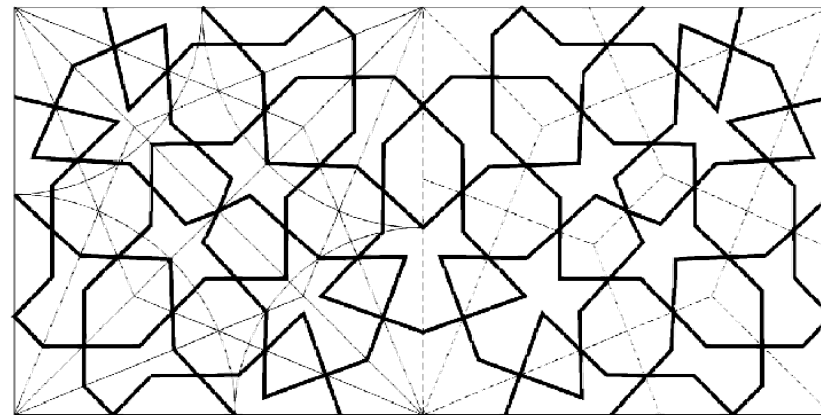

Рис. 11. Мавзолей Буйан-Кули-хана. Зиарат-хана.
Построение гиреха на панели. (По Л. И. Ремпелю).

Конструкцию арок закрывал характерный для XIV в. керамический декор – резная поливная терракота с растительным, геометрическим и эпиграфическим орнаментом.

Внутренняя полость арок снизу до пяты заполнена двумя рядами керамических сталактитов с орнаментальной резьбой в голубой поливе и подстилающим рядом гладких поливных плит. Сверху от пяты до замка конструкцию арки драпировал спиралевидно развивающийся растительный узор в виде четырех повторяющихся по рисунку поясов, слитых в единое орнаментальное поле (илл. 51).

Тимпаны угловых тропов и глухих осевых арок заполнены все тем же по характеру спиралевидным растительным орнаментом, который имеется на главном фасаде. Представляет интерес гирех, заполняющий глухие осевые арки октагона, специально исследованный Л. И. Ремпелем, который нашел принцип построения рисунка, образованного сочетанием пятиугольников. Композиция, как отмечает исследователь, изящна и производит впечатление непринужденной свободной игры линий, хотя в действительности, как и во всех подобных случаях, здесь имеет место обязательная геометрическая закономерность в композиции фигур (рис. 10).

Основная схема формирования гириха здесь та же, что и в гирихе на пилонах дворца Термезшахов (XII в.), но при этом композиция рисунка крайне усложнена, запутанна, хотя принципиально нового здесь ничего нет. Этот гирих, как и близкий по решению гирих на щипце порталной арки мавзолея, повторяется затем в более простом, близком гириху XII в. из дворца Термезшахов, и уже в мозаичном варианте на щипце входной арки в мечети Туман-ака (1405 г.) из ансамбля Шахи-Зинда. На протяжении XV–XVI вв. этот гирих встречается неоднократно, принадлежит к излюбленному в ту пору построению на десятилучевых сетках, которые дают правильные пяти- и десятиконечные звезды²³⁸.

Благородство форм гирихов, построенных на десятилучевой сетке, определяется, главным образом, тем, что на этой сетке возникают пропорции, производные от функции золотого сечения²³⁹. Наиболее типичный пример образования неправильных пятилучевых звезд имеется на щеках арки в мавзолее Ходжа Ахмада из Шахи-Зинды (40-е годы XIV в.). Такой же пример дает гирих деревянного кенотафа Сайф ад-Дина Бахарзи XIII в., где пятилучевые звезды являются производными фигурами. Позже тот же гирих можно видеть на тимпане арок в интерьере мавзолея Ширин-бика-ака (1385 г.), а затем в тимпанах главной мечети Биби-ханым (1399–1404 гг.).

В гирихах XIV – начала XV в., как показывает Л. И. Ремпель, не было свежих идей, шло традиционное использование более ранних композиций, их применение на основе нового облицовочного материала. Взаимосвязь между техникой декора и орнаментальными мотивами существовала, но она была гибкой – старые мотивы приспособлявали к новой строительной технике.

Хуже всего в интерьере сохранилась панель в основании стен, занимающая примерно одну треть четверика по высоте. В отличие от панелей экстерьера, разбитых на отдельные панно, панель внутри зиарат-ханы сплошным поясом огибает помещение по периметру. Как и весь декор памятника, она выполнена в технике резной поливной терракоты, включает геометрический орнамент, в основе которого – восьмиконечные звезды, а между ними – за-

²³⁸ Ремпель Л. И., 1961. С. 383.

²³⁹ Там же.

мысловатые соединительные фигуры. Панель сильно разрушена, и решение гириха, выполненное Л. И. Ремпелем, а вслед за ним А. Ф. Мухитдиновым, является скорее реконструкцией рисунка, чем его восстановлением. Гирих, как заключает Л. И. Ремпель, чрезмерно сложен, но в художественном отношении маловыразителен и в последующие века не повторяется.

Панель, как и все крупные членения декора в интерьере, была обведена бордюрами. Основной из них – поперечно-полосатая кайма из синих и белых глазурованных кирпичиков – прием, характерный для памятников 60-х годов XIV в. (мавзолее 1360/61 г. из Шахи-Зинды). Сверху панель дополнительно обрамлял широкий горизонтальный бордюр с растительным мотивом в виде трехлепесткового, ритмично повторяющегося бутона.

Эпиграфический орнамент интерьера. Как сказано выше, в декоре мавзолея значительное место занимал эпиграфический орнамент. На входном портале в прямоугольной раме («китаба») над главной аркой были религиозные надписи на арабском языке (суры из Корана), по периметру портала шла историческая посьвятительная надпись с именем Буйан-Кули-хана. Первые чтения этих надписей ориенталистами еще в конце XIX – начале XX в. позволили документально определить принадлежность мавзолея монгольскому хану.

Более всего эпиграфического орнамента в интерьере зиарат-ханы. Надписи идут по краям прямоугольных рам, обрамляющих арки восьмерика. Начало текста – справа от входа. Почерк – плотно скомпонованный лапидарный *сульс* с редкой диакритикой (аналогов нет). Как предполагает Б. М. Бабаджанов²⁴⁰, надпись выполнена иранскими мастерами. Текст представляет собой фрагменты стихов Саади (Са'ди) суфийского настроения. Газели Саади, написанные в стиле назиданий, находили себе место в архитектурной эпиграфике Средней Азии позднечагатайского и раннетемуридского времени²⁴¹. В частности, они имеются в Шахи-Зинде на мавзолее Ходжа Ахмада (40-е годы XIV в.) и Шади-Мульк-ака (1372 г.). Фрагменты из стихов Саади можно встретить на надгробиях XV–XVII вв.²⁴²

²⁴⁰ Babajanov B., 1999. P. 197–210.

²⁴¹ Там же.

²⁴² Там же.

Начало текста справа при входе в зиарат-хану:

- Многое изменяется и переменчив мир,
- (Поэтому) (1) благоразумный не привяжет сердца к этому миру.
- Пока ты можешь, сделай (благое) дело,
- До того, когда не способен будешь сделать что-либо.
- Это то, о чем приведено в *Шах-наме*
- О Рустаме, Руййинатане и Асфандийаре.
- Если бы знали эти владетели государств,
- Что мир этот – память о многих божьих созданиях.
- Все они ушли, а мы, о беспечный (*шух-и чаши*),
- Совсем не взяли с них примера!
- О ты, когда был ты еще зародышем, был ты в неведении (*би-хабар*),
- Прошло время и стал ты грудным ребенком, питающимся молоком матери.
- Через некоторое время ты подрос и созрел,
- Стал статным, как кипарис, прекрасным и чистым.
- Так продолжалось, пока ты не стал именитым мужем,
- Бесстрашным всадником, выдающимся господином (*садр*) своего времени.
- Из того, что ты видел, само по себе не вечно,
- [И из тех что ты видишь, не останется вечным ничто] (2).
- Рано или поздно и эти предметы, и эти изящные люди,
- Станут прахом и обернутся в пыль.
- Все это [что в мире] – ничто и исчезнет, словно (кубок) вина,
- Трон, счастье, дозволенное и запретное (*амр-у-нахи*), все что взял и отдал!²⁴³

- Если оставит человек после себя доброе имя,
- Это лучше, чем он оставил бы золотой дворец.
- Кто знает, что будет в будущем году,
- Или куда ушли те, кто был нам другом?
- Будь ты шахом мира, или нищим, или бедняком,
- Ты умрешь и будешь зарыт в землю!
- [Внешняя красота и чистота – ничто],

- [О, приятель], стань красив добрым именем!

²⁴³ Там же.

- Знаешь ли ты, что лучше – разум или душа?
- Я (сам) скажу тебе, если даже прогонишь:
- У человека должен быть разум в теле,
- А если нет, то ведь и у осла в теле есть душа!
- Прежде чем (душа твоя) уйдет от тебя,
- Она ведь была дана тебе матерью волей небес.
- [Стремление к богатству удовлетворяй трудом],
- [Чтобы у тебя был урожай], следует посадить зерно.

- Все сотворенное и ниспосланное твоим великим господином,
- Самое ничтожно малое – смертно.
- .../...
- [Молящему о прощении] грешнику
- От всей души дай свою защиту!
- Искренне благодари за ниспосланные благодеяния, ибо Бог
- Становится другом тому, кто вершит справедливость.
- Милость Его (=бога) приятна и неисчислима,
- Добродетель его избыточна и безгранична.
- Если даже каждый твой волос станет языком,
- Не сможешь ты поблагодарить и одну из тысячи Его милостей.
- Не придавай забвению добрые имена ушедших,
- Тогда сам оставишь в памяти (людей) свое доброе имя.
- Может, нет нужды в нашей власти днем и ночью,
- (Ведь) пребываем мы то во сне, то в полудреме.
- В день, когда длань твоя сильна и есть у тебя острая сабля,
- Не горюй, если даже весь мир против тебя ополчился!
- Оказывай бесконечные милости нуждающимся,
- До сих пор, пока прославится имя твое на твоей родине.
- Искренне думай о состоянии немощных
- И внимли благословляющим молитвам аскетов.
- Однажды утром угнетенные осадной машиной (*манджуник*)
- Угнетателей уничтожат в их же крепости.
- Будь жесток со злонравными и добр с добронравными,
- В розарии будь розой, в колючем кустарнике – шипом!
- .../...

- [Всякий, кто воспитывает дикое животное или плохого человека],

- [Рано или поздно] (они его) уничтожат.

– [Сколько бы мы ни оказывали добра] плохим,
– (Останется желать), чтобы [смерть наша] была не от (их) зла, а лишь от болезни.

– О, имеющий глаза, ум, уши и рассудок,
– Словно серьги, навесь на уши мои советы!
– Не нарушит моих предписаний никто, кроме бессердечного,
– Не услышат моих слов никто, кроме счастливых!
– Падишахов [все возносят и восславляют],
– Я же, словно дервиш, читаю им благословляющие молитвы (ду'а).

– О Господь! Дай свои откровения благонаправным,
– (И) жилища в своем прекрасном мире!
– Сделай их целью в этом мире (достижение) Предвечности,
– Будь подле них, отстрани от них врагов!

– .../... (3)
– ... покидают этот мир
– Жена, дети, близкие, друзья, родственники,
– Родные братья – все (в этом мире) пройдут караваном!
– Следует ли тогда связывать себя в беседе с ними, о сердце,
– Если останешься без них, либо они останутся без тебя?
– Не всегда человек был прахом.

– [Кто-то над твоей могилой] будет стенать:
– «О, это были падишахи мира!»
– Я сказал: «Так отбрось же доску с могилы,
– Чтобы увидеть падишах ли это, или его охранник».
– Но что за надобность откапывать доску,
– Коль я знаю, что они превратились в горсть костей?²⁴⁴

Примечания: (1) Здесь и далее в квадратных скобках поставлены слова и мисры, утраченные в оригинале; в круглых – слова, которых нет в тексте, но которые необходимы для адекватной передачи смысла фраз.

(2) Здесь в квадратных скобках мисры и отдельные слова, добавленные по Куллийату Саади (с. 792–709).

(3) Здесь начало другой газели Саади (Куллийат, с. 792).

²⁴⁴ Там же.

ДАТИРОВКА МАВЗОЛЕЕВ ФАТХАБАДА

Вновь вскрытое основание-суфа мавзолея Буйан-Кули-хана явилось важным фактором для определения последовательности и времени появления мавзолеев Фатхабада. Как уже говорилось, фундамент гур-ханы мавзолея Бахарзи вплотную примыкает к декорированной «бантиками» суфе-постаменту мавзолея Буйан-Кули-хана, тем самым определяя хронологический порядок появления этих рядом стоящих гробниц (илл. 68).

Бессмысленно, а технически просто невозможно было бы вывести основание мавзолея Бахарзи, а затем вплотную к нему примкнуть облицовку суфы. Совершенно несомненно, что именно фундамент мавзолея шейха пристраивали к суфе мавзолея Буйан-Кули-хана. Очевидно, суфа к моменту строительства двухкамерного мавзолея Сайф ад-Дина Бахарзи почти полностью вросла в культурный слой (кладбище), и дневной уровень у памятника повысился почти на 1 м. Поэтому при закладке существующего теперь здания гробницы фундаменты его подвели вплотную к облицованной плоскости суфы, и они оказались в одном горизонте, т. е. декорированная внешняя часть мавзолея Буйан-Кули-хана стратиграфически оказалась ниже стен гробницы шейха.

Время строительства мавзолея Буйан-Кули-хана относится ко второй половине XIV в. Характер типичной для 60–70-х годов XIV в. резной поливной терракоты в облицовке здания не вызывает сомнений в правильности датировки памятника – последняя треть XIV в. Строительство же мавзолея Бахарзи, как теперь ясно, могло произойти только значительно позже. Прошло много лет прежде, чем к мавзолею Буйан-Кули-хана было утрачено внимание; он начал постепенно разрушаться и зарастать, в первую очередь его нижняя часть. И только после того, где-то, быть может уже в самом конце XIV в., при Амире Темуре, а скорее, судя по архитектурному типу здания, в первой половине XV в. была выстроена существующая ныне двухкамерная гробница Бахарзи.

Между тем, имеются, как уже сказано, достоверные письменные свидетельства о существовании какого-то мавзолея над могилой шейха еще в XIII в. В 30-е годы XIV в. мавзолей Бахарзи посетил Ибн Баттута. Он сообщает: «Остановились мы в бухарском пригороде, известном под названием Фатхабад, где находится

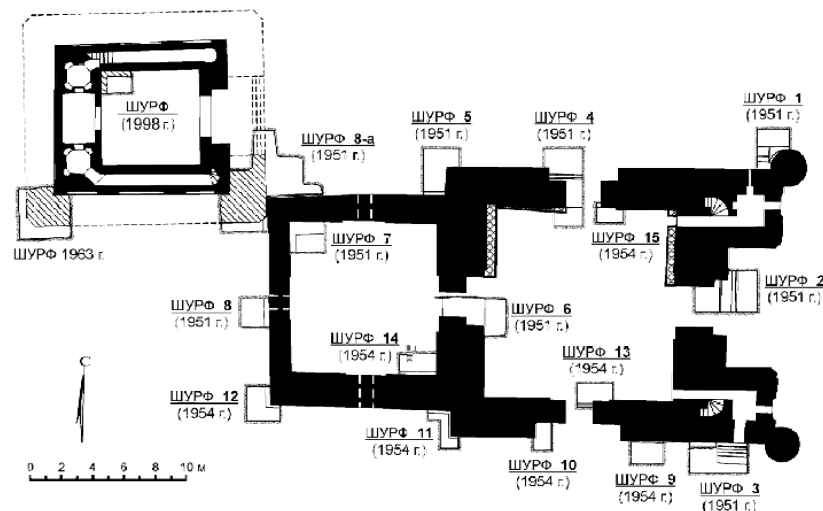

Рис. 12. План археологических исследований у мавзолеев Фатхабада.

могила (мавзолей. – *Н. Н.*) «шейха мира», благочестивого отшельника Сайф ад-Дина Бахарзи, а он был одним из главных святых. Обитель, приписываемая этому шейху, где мы остановились, очень велика, ей принадлежат огромные вакфы, на доходы с которых кормятся паломники»²⁴⁵.

Наиболее же подробные сведения о первом мавзолее шейха в Фатхабаде, а также о группе других сооружений около него имеются в упомянутом выше бухарском вакуфном документе XIV в.

Обратимся вновь к тексту вакфа шейха Йахьи от 1 августа 1326 г. «Он учредитель вакфа обратил в вакф эти местности... в пользу упоминавшегося выше здания святой пречистой усыпальницы его деда, шейха шейхов мира, шейха Сайфалхаккваддина..., и в пользу здания ханаки – места обитания бедняков и постоянно проживающих при этой святой пречистой усыпальнице, расположенной рядом с этой усыпальницей, к югу от нее. А дверь для входа в эту ханаку и в усыпальницу одна»²⁴⁶. «А также в пользу жилищ бедняков, которые, как предполагается, будут построены на Фатхабадс-

²⁴⁵ Ибрагимов Н., 1988. С. 82.

²⁴⁶ Чехович О. Д., 1965. С. 166.

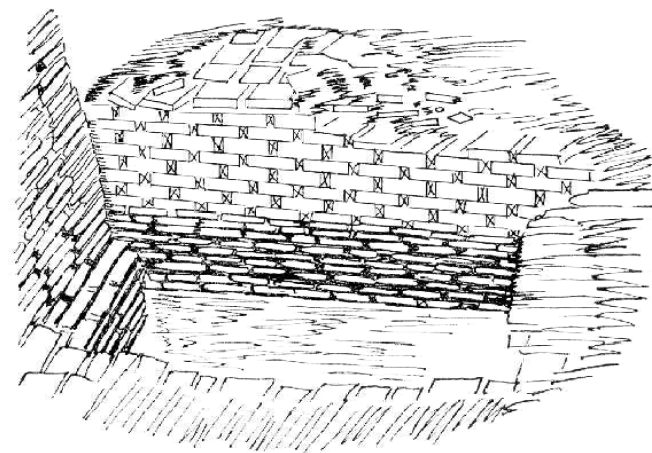

Рис. 13. Шурф № 8-а. Стык кладки суфы мавзолея Буйан-Кули-хана и фундаментов мавзолея Сайф ад-Дина Бахарзи. Вид с востока.

кой площади, рядом с этой усыпальницей, к востоку и северу от нее. А эта Фатхабадская площадь состоит из двора (первая ханака XIII в. – *Н. Н.*), расположенного среди построек и домов жителей Фатхабада. Там имеется хауз с водой и канал... Фошун²⁴⁷. И эта площадь также является второй и новой ханака и тоже примыкает к этой пречистой усыпальнице»²⁴⁸.

Как видно из вакуфной грамоты, в первой четверти XIV в. на месте существующего сейчас мавзолея Бахарзи было иное здание, по всей вероятности, однокамерная усыпальница, к югу от которой, смежно с ней, располагалась ханака.

Принять за ханаку существующую в наше время зиарат-хану мавзолея, расположенную не с юга, а с востока от гур-ханы и не имеющую келий («места обитания бедняков») ²⁴⁹, нет никаких оснований. В правильности же указанных в вакфе направлений по странам света убеждает совпадение местоположения хауза (северо-восточнее мавзолея) с данными вакуфной грамоты.

²⁴⁷ Арык Фошун протекал здесь еще в конце XIX – начале XX в. (см.: Ремпель Л. И., 1962.

Рис. 7). В конце 90-х – начале 2000 г. Бухарский хокимият вернул канал Фошун в Бухару, провел его русло рядом с архитектурным комплексом-ханакой, севернее мавзолеев.

²⁴⁸ Чехович О. Д., 1965. С. 166.

²⁴⁹ Там же. С. 166, 169.

Все это дает основание думать, что в XIII – первой половине XIV в. (во всяком случае, во время составления вакфа 1326 г., когда мавзолея Буйан-Кули-хана еще не было) над могилой шейха стоял какой-то другой, однокамерный мавзолей и примыкавшая с юга ханака.

Археологические следы былой постройки фиксируются шурфами в виде мощных (30–50 см) слоев сплошного кирпичного завала по всему северному фасаду памятника на уровне фундаментов. Возможность обстройки старого мавзолея с включением его стен в массив новой кладки, как это не раз бывало в средние века, исключена. Обследованием стен гур-ханы зондажами в месте стыка ее с зиарат-ханой и обнаженной конструкции северной стены памятника на участке обвала в 1953 г. выявлена сплошная цепная порядовка квадратного кирпича на однородном глиняном растворе. Вероятно, первоначальный мавзолей XIII в. к концу XIV в. был достаточно ветхим и при строительстве на его месте новой, двухкамерной усыпальницы в первой половине XV в. был разобран до основания.

Примеры строительства новых погребальных строений или целых комплексов в традиционных «святых местах» на месте пришедших в руинное состояние старых мавзолеев XI–XII вв. в условиях экономического и культурного подъема Мавераннахра в XIV–XV вв. не единичны (реставрация комплекса Кусамы ибн Аббаса и установление майоликового трехступенчатого с навершием надгробия на месте резного деревянного кенотафа XI в. в гур-хане этого комплекса, возведение крупного комплекса-ханаки Ходжа Ахмада Йасаи на рубеже XIV–XV вв. в Туркестане на месте мавзолея XII в., перестройка ханаки-мавзолея Абди-Дарун в Самарканде и др.). К их числу относится и существующий ныне мавзолей Бахарзи.

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД И НАМОГИЛЬНИКИ МАВЗОЛЕЯ САЙФ АД-ДИНА БАХАРЗИ

В рукописном источнике «Китаби Мулло-и зода», составленном Ахмадом б. Махмудом Муи'н ал-Фукара в XV – начале XVI в., содержатся довольно подробные сведения о лицах, по-

гребенных в мавзолее. Перечисляются потомки шейха (сыновья, внуки) с указанием расположения их могил относительно центрального погребения основателя ханаки в Фатхабаде²⁵⁰.

Археологические работы 50–60-х годов XX в. коснулись исследования гур-ханы мавзолея, на основании которых делается попытка отождествления вскрытых надгробий с письменными данными.

К началу археологических работ²⁵¹ на поверхности земляного пола гур-ханы никаких признаков надгробий не было. Мы предполагали лишь указанием Ахмада б. Махмуда и планом гур-ханы 1924 г. М. Я. Гинзбурга, где по южному и западному периметру стен были обозначены прямоугольные надгробия в количестве 9 штук, ориентированные с севера на юг. Хорошо известен был также резной деревянный кенотаф «шейха ал-алама» из мавзолея, явившийся предметом нескольких публикаций, и по стилистическим признакам датированный XIV в. (В. А. Шишкин) или, что вероятнее, XIII в. (Б. М. Бабаджанов). Деревянный кенотаф был вывезен из гур-ханы еще в конце 20-х годов XX в. В 1907 г. часть его была похищена неизвестными грабителями²⁵², а в 1929 г. остальные части были помещены в Бухарский исторический музей. В настоящее время три полотна находятся в филиале бухарского музея в Ситораи-Махи-хоса.

Целью исследований в гур-хане были определение характера и количества совершенных здесь погребений, их принадлежность, датировка, последовательность появления, типы надгробных сооружений и их состояние.

Во время наших работ было установлено, что в начале XX в., судя по заполнению внутри, видимо, духовенством в гур-хане были проведены небольшие благоустроительные работы. Пол в средней части был поднят на 40 см (см. разрез), а по южному и западному периметру стен устроена суфа, забитая мусором, покрытая кирпичной выстилкой и ганчем. Суфа выступала на 2,70 и 3,60 м от южной и западной стены, перекрывала часть надгробий

²⁵⁰ Ахмад ибн Махмуд Му'ин ал-Фукара, 1904. С. 42.

²⁵¹ Первые пробные расчистки гур-ханы в 1951 г. показали, что помещение под небольшим слоем позднего мусора заполнено надгробиями, но специальные археологические работы по исследованию гур-ханы проведены только в 1963 г. и по техническим причинам были ограничены расчисткой центральной и частично южной половины помещения.

²⁵² Массон М. Е. Рукопись архива ГлавНПУ Министерства культуры РУз // №125/М-31.

и занимала половину проема из гур-ханы в зиарат-хану. Потребовалась тщательная расчистка, чтобы выявить количество, форму и размеры намогильных сооружений, а также конструкцию погребальных ям.

Результаты вскрытий показали, что почти вся центральная и южная часть гур-ханы была заполнена тесно, впритык друг к другу установленными прямоугольными двухступенчатыми с плоским верхом кирпичными намогильниками, покрытыми глазурованными плитами, в отдельных случаях орнаментированными геометрическим узором. Один намогильник был из целого обработанного блока мраморовидного известняка, еще два – из мраморных плит с резьбой. Всего расчищено 10 погребений, часть которых была покрыта полуразрушенными намогильниками. В нескольких случаях удалось выявить только конструкцию погребальной камеры, намогильники не сохранились (рис. 14, 15).

Основная форма намогильников представлена кирпичным двухступенчатым плоским параллелепипедом общей высотой 58–62 см. Верхняя подушка – 35–38 см поставлена на уширенное основание-ступень высотой 23–24 см. Западнее и южнее центральной могилы шейха находились два спаренных намогильника на одном общем основании (рис. 14, поз. 2, 3 и 8). Общие размеры по основанию – 2,3–2,5 x 1,5 м.

Облицовка майоликовых намогильников преимущественно монохромна, выполнена голубыми (в одном случае зелеными) полированными плитками (28 x 28 x 5 см) и синими профилированными бордюрами по периметру оснований ступеней. Один из них был орнаментирован двухцветным геометрическим узором. Кроме того, частично *in situ*, а также в завале, рядом с надгробиями обнаружены фрагменты полихромной майолики с остатками арабских букв (эпитафии), фрагменты наборной кашинной мозаики и резного мрамора, свидетельствующие о разном облицовочном материале в декоре намогильников и их одновременности. В могиле 12 (план) найден провалившийся туда целый намогильный блок, вытесанный из мраморовидного известняка со следами полустертого орнамента (сталактитовая шарафа по боковым сторонам, с восьмилучевой розеткой на верхней поверхности). (илл. 29–32).

Крайне важной находкой оказались фрагменты небольших (наиболее целая – 37 x 25 см) вертикальных стел из темно-желто-

го кашина, покрытых ядовито-бирюзовой поливой с эпитафиями, выполненными черной арабской скорописью, стилистически, по определению В. А. Шишкина, относящихся к XIV–XV вв. К сожалению, только одна наиболее целая стела с эпитафией и датой смерти (/7/25 г. х. – 1324/25 г.) оказалась вмурованной в южный торец намогильника № 3 (рис. 14), под которым не оказалось погребения, остальные обломки найдены в мусоре рядом (илл. 33–35).

В центре гур-ханы вскрыто, судя по всему, главное погребение, принадлежащее Сайф ад-Дину Бахарзи. Над ним до 1929 г., как сказано, возвышался резной деревянный кенотаф с датой рождения и смерти шейха. От кенотафа в мусоре на уровне самого позднего ганчевого пола сохранились железные накладки с резными фестончатыми концами для крепления полотнищ и углов кенотафа, а также четыре массивные каменные подставки под ножки кенотафа, вмурованные для устойчивости в пол.

Кенотаф представлял собой прямоугольный ящик на ножках, собранный из 4 полотнищ, сплошь покрытых резьбой, и перекрытый плоской крышкой (илл. 25, 26, 28).

Резьба по дереву на сохранившемся боковом полотне композиционно состояла из четырех разномерных прямоугольных панно и сплошного бордюра по всему периметру. Эпитафия на центральном панно бокового полотнища написана, по заключению Б. М. Бабаджанова, на арабском языке особым декоративным почерком «*дивани*» с небольшим количеством диакритических знаков, лишь там, где требовалось исключить двойственное прочтение. Б. М. Бабаджанов предполагает, что кенотаф изготовлен в XIII в., судя по палеографии, вероятно, сразу после смерти Сайф ад-Дина Бахарзи в одном из ремесленных центров Средней Азии или Хорасана²⁵³.

Текст эпитафии составлен рифмованной прозой «*саджа*», точнее его наиболее сложными видами – «*мутавази*» и «*мутаппаф*». В тексте очень тонко использована игра слов и суфийских терминов. Автор добился не только внешнего благозвучия, но и глубокого суфийского смысла²⁵⁴ (илл. 28).

Эпитафия изобилует терминами и намеками, характерными для суфийских теоретических сочинений. Начало эпитафии ском-

²⁵³ Babajanov B., 1999. P. 197–210.

²⁵⁴ Там же.

поновано построчно (17 строк) в средней части одного из полотен, завершающаяся часть эпитафии написана по периметру вокруг первой части.

Поскольку на русском языке эпитафия публикуется впервые, привожу ее перевод полностью.

Буквально текст касательно шейха гласит следующее:

1–3 строки: Приветствие Аллаха рабам Его!

Знай, о паломник, посетивший эту обитель, ведущую к Аллаху!

4–5 строки: Поистине здесь (находится) сокровищница божественных знаков, место хранения божественных тайн. И (это) место погребения сокровища сокровенных знаний, место (последнего) упокоения

6 строка: Избранника Милостивого; и /это могила/ воспитанного в помещении (худжра) Истинного (ал-Хакк),

7 строка: Любимца Творца и сотворенного им (мира), украшенного(?) лучами

8 строка: Пресвятого, размещенного в обществе собеседников (Аллаха), навечно утвердившегося в красоте

9 строка: Его красоты и растворившегося в совершенстве Его совершенства, богатого Его обильными достоинствами,

10 строка: Нуждающегося в Его приеме и покровительстве. А путь его (покойного) в поклонении Аллаху (т. е. в суфизме)

11 строка: Знаменит, а знамения его рассыпаны по странам земли,

12 строка: Помыслы его переполнены дарами собеседников (Бога),

13 строка: Сердце его просветлено лучами Пресвятого, доказательство его

14 строка: Ясное, а управление процветающее; (и он) самый высокочтимый из высокочтимых

15 строка: Абу-л-Ма'алиф Са'ид ибн ал-Мутаххар ибн Са'ид – да напоит Аллах его

16–17 строки: Влагой, приближающей к Нему, и посадит на самые близкие к себе места, и да позволит (нам) встретиться с ним в обещанный (=судный) день.

А Он (=Аллах) – ведущий по истинному пути!

Текст продолжается по периметру вышеприведенной надписи:

«А временем проявления света его сущности и возникновения света его появления (т. е. рождения) была суббота 9 ша'бана 586 г. х. И поистине все сущее возрадовалось вести его прихода (рождения) и мир расцвел от его шагов. Затем он исчез под купол величия, вернувшись с радостью к Господину господ (Богу), после того как небо покрылось тучами, субботней ночью 25 зи-л-ка'да 659 г. х.»

Композиция рисунка на полотне с эпитафией следующая: в центре – фестончатая арка с полуколонками на углах (имитация михраба). Над аркой в небольшом прямоугольном панно арабская вязь, переплетенная с «узлами счастья». По сторонам от эпитафии – полотна с распространенным в Средней Азии гирихом из шестиконечных звезд и шестигранников. Нижний плинтус покрыт одним из самых известных геометрических построений в XI–XV вв., из шестигранных звезд и полукрестовин (в монументальной форме известен по порталу Рабат-и Малика XI–XII вв. и по безымянному мавзолею XII в., раскопанному в Шахи-Зинда).

Подпольная могила под кенотафом, выложенная из жженого кирпича, оказалась наиболее сложного конструктивного устройства по сравнению с другими погребальными камерами гур-ханы и представляет собой, по существу, небольшой одноместный склеп (сагана) со сводом. Это прямоугольная (точнее трапециевидная – узкая в ногах, шире в голове) в плане (2,10 x 0,62–0,84–0,92 м) кирпичная камера высотой 1,50 м (от замка до пола), свод которой был сложен системой наклонных отрезков и опирался на выступающую полку камеры на уровне пяты. Размеры жженного квадратного кирпича колеблются от 23 до 25 см в стороне, свода – 33–34 см при толщине – 3,5–4 см. Раствор лёссовый (рис. 14, поз. 4/5, илл. 28).

В склепе было совершено одно погребение, принадлежащее, по определению антрополога В. Я. Зезенковой, мужчине зрело-старческого возраста европеоидной расы, мезоцефального типа. Скелет лежал на глиносаманной смазке кирпичного пола, был ориентирован головой на север с поворотом лица на запад (на кыблу). Длина костяка 1,67–1,68 м. Поверх скелета лежало несколько кирпичей, упавших, вероятно, с выступа камеры, покрытых, как и костные останки, тонкой полупрозрачной пленкой высушенных солей столетиями поднимавшихся и оседавших

²⁵⁵ Определение произведено в технологической лаборатории Института археологии АН РУз (60-е годы XX в.).

грунтовых вод²⁵⁵. Эта центральная, наиболее парадная могила гур-ханы – несомненно погребение шейха Сайф ад-Дина Бахарзи.

Другие погребения гур-ханы не вскрывались, были расчищены только надгробные сооружения и определены типы погребальных камер путем зачисток торцовых сторон могил. Вскрытые надгробники и стелы с эпитафиями позволили сопоставить археологические и письменные данные автора «Китаби Мулло-и зода», указывающего ориентацию захоронений потомков «шейха ал-алама» относительно центрального погребения, и предположительно определить принадлежность этих могил на месте.

Западнее и южнее могилы шейха расчищено 5 камер, представленных единой формой. Выявлены в принципе одинаковые по конструкции грунтовые могилы в виде прямоугольного ящика 65–70 см шириной, около 2 м длиной и 75–110 см высотой, с обкладкой стенок жженым квадратным кирпичом плашмя, покрытых кыровой водоотталкивающей обмазкой. Плоский верх камер перекрыт деревянным поперечным накатом или кирпичом плашмя на ганче, в одном случае возможен невысокий сводик из кирпича на ребро. В могилах не зафиксировано следов деревянного гроба, труп укладывался непосредственно на пол, землей не засыпался, сопровождающего материала в зачищенной южной части нет.

Ориентация могил – обычная для исламской поры центральной части Средней Азии – на спине, головой покойного на север с поворотом лица на запад, судя по вскрытому погребению шейха.

Подобный тип могил в различных вариантах был широко распространен в Средней Азии и Казахстане на длительном промежутке времени. Генезис погребальных камер в виде грунтовой прямоугольной ямы, обложенной по сторонам каменными плитами, сырцовым или жженым кирпичом, или без обкладки уходит в эпоху бронзы. В средние века, при исламе, этот консервативный, традиционный способ погребения продолжает существовать и сосуществовать, как и в древности, с другими видами погребальных камер. В домонгольское и более позднее время (X–XV вв.) погребения в ящиках (иногда их называют цистами) зафиксированы в Хорезме (Миздахкан, Токкала)²⁵⁶, Фергане (Кува), на Афрасиабе²⁵⁷, на кладбище Джагардиза в

²⁵⁶ Ягодин В. Н., Ходжайов Т. К., 1970. С. 12–15, рис. 2, 3, 4; с. 46–47, рис. 20–21.

²⁵⁷ Брусенко Л. Г., Бурякова Э. Ю., Филанович М. И., 1971. С. 100–113.

Самарканде²⁵⁸, в Бухаре (Чор-Бакр, кладбище Турки Джанди, Ахмада Джами)²⁵⁹, в Туркмении²⁶⁰ и Семиречье.

Этот тип погребальной камеры в различных вариантах прослеживается почти повсеместно в Средней Азии и в последующие столетия, сосуществуя с подбойными могилами типа *ляхат*, которые исследователи склонны связывать с кочевниками. Точно датированное первой половиной XI в. погребение в кирпичном ящике имеет место в гур-хане мавзолея Кусамы ибн Аббаса в Шахи-Зинде; исследовано в 60-е годы XX в. Могила сложена из сырцового прямоугольного кирпича (34 x 18 x 7 см), сверху перекрыта более крупным кирпичом, уложенным наискось на ребро (25 x 50 x 10 см). В том же комплексе, в поминальной нише под туг-ханой, в 1997 г. расчищено три погребения конца XI–XII в., произведенных разным способом – одно в деревянном гробу с плоской крышкой, в ящике из прямоугольного кирпича караханидского стандарта (для Самарканда), второе – перекрыто сводиком из двух наискось поставленных кирпичей; третье, втиснутое между двумя первыми, – в кирпичном ящике с плоским кирпичным перекрытием. Точно датированные материалы из Шахи-Зинда показывают, что в домонгольском Самарканде (XI–XII вв.) погребения в кирпичных ящиках с разными видами перекрытий (сводик, плоское) сосуществовали с погребениями в деревянном гробу.

Традиция погребений в грунтовых могилах с обкладкой стенок кирпичом или без нее, с различными вариантами перекрытий продолжала сосуществовать с подбойным типом могил в развитое и позднее средневековье. Особенно показателен погребальный обряд в фамильных царских склепах эпохи Амира Темура и Темуридов в ансамбле Шахи-Зинда, четко определенных хронологически. Наиболее выразителен в плане сосуществования разных способов погребения в одном семейном склепе – мавзолее темуридской знати «Восьмигранник» (30-е годы XV в.), где погребения были совершены на узком промежутке времени в 40–50 лет. В склепе обнаружено четыре женских погребения в типологически разных могилах: два из них совершены в грунтовых ямах с подбоем, два других – в грунтовых могилах-ящиках с облицовкой стенок кирпичом плашмя, сверху перекрытых поперечным деревянным на-

²⁵⁸ Информацию мне любезно сообщила Т. И. Лебедева, проводившая раскопки в 2000 г.

²⁵⁹ Джуракулов М. Д., Некрасова Е. Г., Ходжайов Т. К., 1991. С. 4–12.

²⁶⁰ Поляков С. П., 1973. Рис. на с. 160.

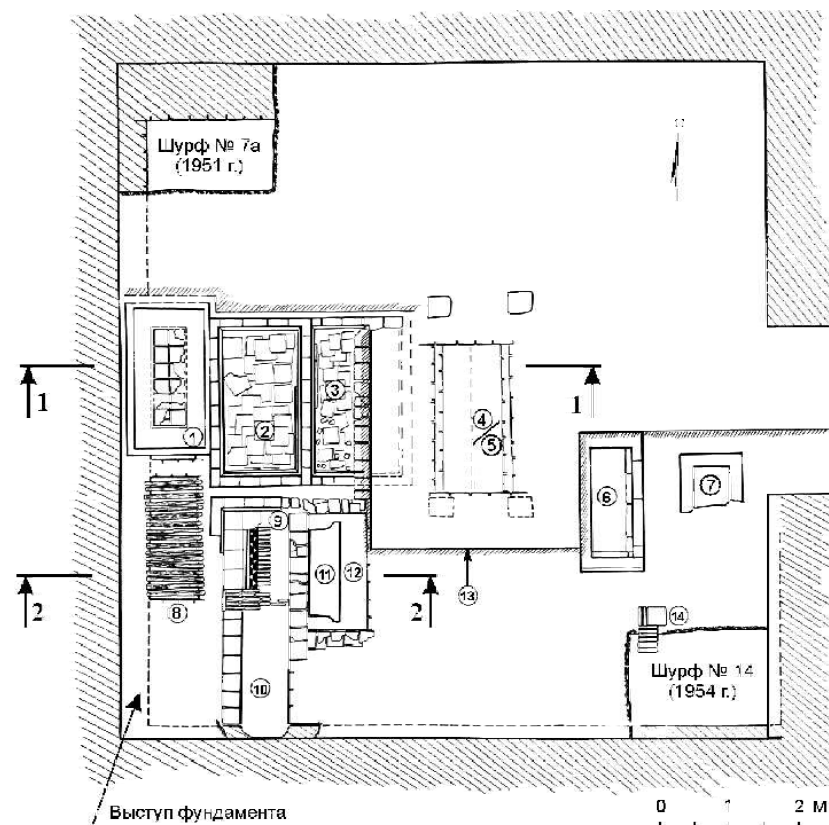

Рис. 14. Мавзолей Сайф ад-Дина Бахарзи. Гур-хана.

Намогильники и погребальные камеры.

План по археологическим исследованиям 1951, 1963 гг.

1 – намогильник, покрытый желтыми и зелеными глазурованными плитами (XV в.); 2–3 – спаренный намогильник на одном основании (голубые поливные плиты, синий плитус) (XV в.); 4 – место деревянного резного кенотафа; 5 – погребальная камера “шейха ал-алама” (XIII в.); 6 – резной мраморный намогильник (XIV–XV вв.); 7 – намогильник из резных мраморных плит (XIV–XV вв.); 8 – погребальная камера (XIII–XV вв.); 9 – намогильник, покрытый гравированной майоликой (XIV–XV вв.); 10 – погребальная камера (XIV–XV вв.); 11 – мраморный блок-намогильник (XIV–XV вв.); 12 – погребальная камера; 13 – поздняя суфа (XIX–XX вв.); 14 – остатки кирпичного намогильника (XIV–XV вв.).

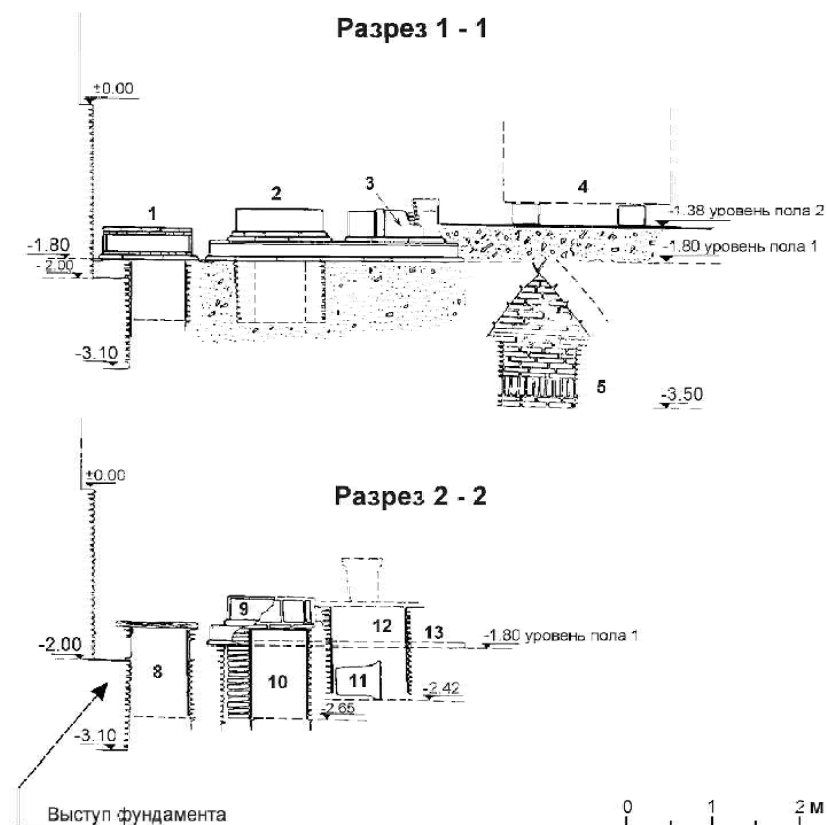

Рис. 15. Мавзолей Сайф ад-Дина Бахарзи. Гур-хана.

Намогильники и погребальные камеры.

Разрез восток – запад по археологическим исследованиям 1951, 1963 гг.

1 – намогильник, покрытый желтыми и зелеными глазурованными плитами (XV в.); 2–3 – спаренный намогильник на одном основании (голубые поливные плиты, синий плитус) (XV в.); 4 – место деревянного резного кенотафа; 5 – погребальная камера “шейха ал-алама” (XIII в.); 8 – погребальная камера (XIII–XV вв.); 9 – намогильник, покрытый гравированной майоликой (XIV–XV вв.); 10 – погребальная камера (XIV–XV вв.); 11 – мраморный блок-намогильник (XIV–XV вв.); 12 – погребальная камера; 13 – поздняя суфа (XIX–XX вв.).

катом. Крайнее восточное совершенно в деревянном гробу²⁶¹. Возможно, разные конструкции грунтовых могил отражали разную племенную принадлежность похороненных дам, входивших в один царский гарем.

Надо отметить также, что в большей части склепов ансамбля Шахи-Зинда сохранялась доисламская погребальная традиция – сопровождающий материал в виде битой или целой посуды, найденной мною в каждом вскрытом склепе, и даже орудий труда (кудинг–лощило в склепе мавзолея «Матери Султана» XV в.)²⁶². В гур-хане этого мавзолея вскрыта могильная камера в виде прямоугольной ямы без облицовки стенок, крытой поперечным бревенчатым настилом, с обкладкой наката рядом сырцового квадратного кирпича²⁶³.

Намогильники гур-ханы Бахарзи пришлось расчищать из-под позднего мусора слоем в 20–50 см. Все они оказались раздавленными; облицовка керамическими глазурованными плитами разрушена, сохранилась местами; плиты с арабскими надписями-эпитафиями разбиты, найдены во фрагментах в слоях мусора между намогильниками. Расчистка и исследование гур-ханы позволила выявить десять погребений, включая центральную могилу основателя ханаки.

Западнее могилы шейха располагались три полуразрушенных намогильника, два из которых (2, 3) спарены на одном общем основании.

Намогильник № 1 стоит впритык к западной стене гур-ханы, снизу упирается на выступ фундамента в интерьере. Представлен, как большая часть керамических намогильников мавзолея, двухступенчатой формой с плоской верхней «подушкой» на уширенной нижней ступени-основании. Общие габариты по основанию – 2 х 1 м, высота 58 см. Намогильник облицован майоликовыми плитами разных цветов – верхняя «подушка» сверху (центральное панно 1,45 х 52 см) – шестью парами кашинных квадратных плит (28 х 28 х 5 см), покрытых зеленой глазурью, окантованных узкими поясками (4 см) горчично-желтого цвета (рис. 14, 15, поз. 1, илл. 29, справа).

По сторонам центрального зеленого панно идет ряд голубых квадратных плит того же размера (28 х 28 см). Боковые стенки

²⁶¹ Немцева Н. Б., Шваб Ю. З., 1979. С. 79, рис. 94.

²⁶² Немцева Н. Б., 1981. № 4. С. 133.

²⁶³ Там же.

«подушки» также облицованы зелеными прямоугольными брусками с двойным кантом белого и синего цвета. Нижнее ступенчатое основание (ширина 10 см) – гладко-голубое.

Под намогильником оказалась могильная камера-ящик (ширина – 65 см, глубина – 75–80 см), боковые стенки которой были выложены из жженого квадратного кирпича и оштукатурены кыровым раствором (темно-серый ганч с большим процентом зольно-угольной добавки). Погребение не расчищалось.

Относительно принадлежности могилы можно высказать лишь предположения.

В сторону кыблы от могилы шейха, как сообщает «Китаби Мулло-и зода», находятся могилы двух его сыновей – Джелал ад-Дина (шахид) и Мутаххар ад-Дина Бахарзи²⁶⁴. Действительно, по историческим источникам известно, что один из сыновей шейха – Джелал ад-Дин погиб во время смут в монгольском государстве в 1260 г., при занятии Бухары, за год до смерти своего отца²⁶⁵. Шла борьба за власть между наиболее могущественными представителями Чингизидов, в которой принимали участие монгольский хан Берке, мусульманин по вероисповеданию, и местное население. Могила № 1 к западу от центральной могла быть местом погребения Джелал ад-Дина.

Намогильник № 2 и 3 (парный). Две спаренные плоские «подушки» (1 х 2 м) высотой 38 см установлены на одном ступенчатом основании (2,40 х 2,80 м). Общая высота намогильника – 62 см, высота ступени – 24 см. Боковые стенки «подушек» и общее основание облицованы голубыми плитками с синим профилированным бордюром по периметру. Облицовка верха «подушек» не сохранилась. Восточная половина «подушки» № 3 разрушена при сооружении упомянутой поздней (начало XX в.) суфы, покрытой ганчем.

В северный торец намогильника № 2 была когда-то вкомпнована полихромная майоликовая плита-стела (in situ сохранился небольшой фрагмент) со следами гравированного эпиграфического орнамента (не читаемого) в сине-голубой и белой гамме, где можно угадать лишь элементы арабских букв. Следуя указаниям автора «Китаби Мулло-и зода», намогильник № 2 предположительно можно отнести к погребению второго сына Бахарзи – шей-

²⁶⁴ Ахмад б. Махмуд Му'ин Фукара, 1904. С. 42.

²⁶⁵ Бартольд В. В., 1963. Т. 1. С. 574.

ха Мутаххар ад-Дина Бахарзи. Никаких данных исторического порядка относительно его жизни и смерти нет.

Наиболее существенной находкой в гур-хане оказалась почти целая майоликовая стела (37 x 25 см), вмурованная в южный торец намогильника № 3, под которым могилы нет. Четыре фрагмента от аналогичных плит с письмом найдены в мусоре рядом. Они совершенно идентичны по материалу (темно-желтый кашин), поливе (ядовито темно-бирюзовая) и стилю надписей (черная арабская скоропись). Надглазурная арабская скоропись, по заключению В. А. Шишкина, характерна по стилю для конца XIV–XV в. На плите-эпитафии в южном торце намогильника № 3 (илл. 33), где большая часть поливы облетела, оказалось возможным прочесть отдельные обрывки фраз: «...садов истины, образец для людей тасаввуфа...раби-ул-авваль – года (семьсот) двадцать пятого... день – /7/25 г. х.» (1324/25 г.)²⁶⁶. Стела с эпитафией на намогильнике № 3 без погребальной камеры показывает, что ко времени ее установления (XIV – XV вв. ?) представления о действительных погребениях и принадлежности могил были утрачены, а фрагмент в южном торце намогильника, а не в северном (в головах), как полагается по мусульманскому обряду, свидетельствует о случайном его положении (поздний ремонт?).

Намогильник № 3 (без погребальной камеры – кенотаф) мог быть заготовлен для третьего сына шейха – Ахмада. Никаких исторических известий о нем нет. «Китаби Мулло-и зода» о нем не сообщает. Существует только предание, что Ахмад был сыном шейха от другой жены, являлся отцом Йахьи, который приехал в Бухару из Кермана (Иран) в 712 г. х. Может быть, намогильник № 3 был заготовлен для шейха Ахмада, который по не известным нам причинам не был погребен в гур-хане вместе с прадедом и двумя братьями.

Намогильник № 8. Южнее спаренных намогильников № 2 и 3 расчищены три погребальные камеры, крайняя, западная, из них была перекрыта поперечными брусками (№ 8), намогильник не сохранился. Над двумя соседними погребальными камерами располагался второй спаренный намогильник на одном общем основании, примерно тех же размеров (ок. 2,5 x 2,5 м), что и намогильник 2–3. Сохранился он значительно хуже, но уцелевшая

часть – западная «подушка» (план, 9–12) дает о нем почти полное представление. Общая высота – 58 см, соотношение верхнего параллелепипеда и нижнего основания – 35:23 см. Облицовка выполнена в основном такими же голубыми керамическими плитками в сочетании с синим профилированным бордюром. Верхняя плоскость западной «подушки» облицована полихромной майоликой с гравированным геометрическим орнаментом. Звездчатая композиция гириха основана на сочетании синих шестигранных шашек и голубых треугольников. Композиция окантована белым бордюром. Большое число фрагментов от майоликовых плит с аналогичным орнаментом найдено в завале рядом. Конструкция и облицовка второй подушки парного намогильника (над могилой 12) не сохранились. На его месте расчищена погребальная камера с обвалившимся перекрытием, внутри которой на боку лежал упомянутый выше блок из серого мраморовидного известняка со следами сталактитовой шарафы, явно попавший туда в поздний период (рис. 14, 15, поз. 11).

Оба спаренных намогильника, судя по одинаковой форме, размерам, общему основанию и стилю декоративной отделки, очевидно, были установлены в гур-хане одновременно. Характер гравированной майолики в облицовке позволяет датировать их временем не ранее конца XIV в. Возможно, как и спаренный намогильник № 2–3, второй парный намогильник появился в гур-хане вслед за возведением существующего здания усыпальницы в первой половине XV в. Принадлежность их не известна.

В юго-восточной части гур-ханы обнаружены остатки еще двух намогильников (рис. 14, поз. 6), облицованных резными мраморными плитами, сильно попорченными солями грунтовых вод. Наибольшую художественную ценность представляет намогильник, серовато-белый мрамор которого покрыт резьбой растительного, геометрического и эпиграфического характера. Эпиграфическая надпись, по определению В. А. Шишкина, содержит только *хадисы*. Форма мраморного намогильника, как и керамических, – двухступенчатая, верх плоский. Общая высота 40–42 см. Габариты по основанию – 0,87 x 2,16 м. Боковые плоскости основания облицованы мраморными плитами с орнаментальной резьбой. Торце одной целой плиты (30 x 87 см) имеет рисунок, разбитый на три отдельных панно, окантованных

²⁶⁶ Чтение надписей выполнено В. А. Шишкиным.

лентой с вьющимся побегом «*кош-ислими*» (илл. 30). Панно заполнены мелким хорошо известным гирихом, геометрическая сетка которого идентична гириху на боковом полотнище резного деревянного кенотафа из той же гур-ханы и рисунку надгробия из мавзолея Чашма-Аюб²⁶⁷. Гирих построен на сочетании восьми- и пятилучевых звезд с неправильными шестигранниками, заполненными растительным узором. Интерес представляют четыре узких мраморных блока (10 см высотой) от облицовки второй ступени намогильника с арабской вязью. К сожалению, ни даты, ни собственного имени, кроме ходисов титула и прозвища «шейх ал-алам», на плитах нет²⁶⁸. Значит, кто-то из потомков шейха Бахарзи имел тот же титул, что и основатель ханаки.

«Китаби Мулло-и зода» сообщает²⁶⁹, что восточнее могилы Бахарзи находятся могилы его внука – шейха Йахьи (Абул Муфохира Йахья ибн Ахмада Саида Бахарзи) и двух его сыновей. По всей вероятности, мраморный намогильник (план, 5) с резным эпиграфическим орнаментом, содержащим только хадисы, и принадлежит Йахье, который также носил прозвище «шейх ал-алам». В «Китаби Мулло-и зода» сообщается, что шейх Йахья умер в 1335/36 гг. Стилистические данные намогильника позволяют отнести его к первой половине XIV в.

Второй мраморный двухступенчатый намогильник (рис. 14, поз. 7), предположительно принадлежавший одному из сыновей Йахьи, расположен на 55 см восточнее описанного. Он облицован гладкими плитами светло-желтого мрамора без резьбы или признаков росписи.

Других намогильных сооружений на вскрытых участках гур-ханы не обнаружено, хотя фрагменты облицовочного материала имеются. В частности, найдено несколько фрагментов резной наборной кашинной мозаики с элементами букв и растительным орнаментом в голубой, белой и синей цветовой гамме. Орнаментальные мотивы (бордюр с зигзагообразным рисунком, крупные шестилепестковые цветы, комбинированная кашинная мозаика с терракотой и др.) находят аналоги среди декоративно-облицовочного материала памятников позднесредневековой Бухары (загородный комплекс Чор-Бакр, ханака Файзабад, мечеть Пои Калан и др.).

²⁶⁷ Денике Б. П., 1939. С. 124, рис. 119.

²⁶⁸ Чтение надписей выполнено В. А. Шишкиным.

²⁶⁹ Китаби Мулло-и Зода. С. 42.

Различные виды облицовочного материала допускают, что в гур-хане, кроме найденных, было еще 2–3 намогильника. Предполагается, что они могли в южной или восточной части гур-ханы, которая по техническим причинам не вскрывалась²⁷⁰.

Датировка вскрытых намогильных сооружений XV–XVI вв. согласуется с периодами основного строительства в первой половине XV в. и крупной реконструкцией на памятнике, связанной с пристройкой портала в XVI в.

Надо отметить, что при раскопках в интерьере гур-ханы, севернее описанных погребений (план, 1–4), каких-либо захоронений не обнаружено. Шурфом в северо-западном углу гур-ханы вскрыты две кирпичные вымостки пола на ганче, ниже которых шел слой супеси с включением незначительного количества фрагментов жженого кирпича и бытовой керамики XII в.

В средней части гур-ханы, на участке между северной стеной и центральным погребением, была вскрыта площадка в 6 м², где, кроме указанных вымосток из кирпича с земляной и песчаной «подушками» в основании, никаких признаков погребений не обнаружено. Наличие могил только в южной половине гур-ханы зафиксировано и планом 1924 г. Факт этот кажется не случайным. Вероятно, при строительстве новой усыпальницы в XV в. помещение гур-ханы было увеличено по площади относительно первоначального мавзолея XIII в. и смещено на север. Именно поэтому северная стена гур-ханы с фундаментом уперлась в облицованную суфу-постамент соседнего мавзолея Буйан-Кули-хана. В последующие времена захоронений в изголовье знаменитого шейха, по соображениям религиозно-этического порядка, видимо, не производилось.

Результаты археологических, далеко не полных расчисток в гур-хане позволяют заключить, что большая часть обнаруженных могил, судя по письменным известиям в «Китаби Мулло-и зода» и найденным намогильным эпитафиям, принадлежала семейству шейха Бахарзи и его потомкам по мужской линии, которые тоже были шейхами, как это следует из вакфа XIV в. Археологические раскопки и чтение надписей на деревянном кенотафе не оставляют сомнений относительно места погребения главной фигуры – основателя ханаки в Фатхабаде. Это цент-

²⁷⁰ Гур-хана была забита строительным мусором после обрушения куполов в 1960–1961 гг.

ральное, наиболее парадное погребение, по сторонам от которого находятся погребения сыновей, внука и правнука шейха.

Единая форма мраморных и майоликовых надгробий, обнаруженных в гур-хане, говорит о стилистической и хронологической их близости. Вероятно, мраморные и майоликовые надгробия с небольшой разницей во времени были установлены после возведения существующего здания в первой половине XV–XVI в. Часть надгробий, судя по фрагментам, появилась позже и принадлежали они, видимо, поздним потомкам шейха. Вновь установленные надгробные сооружения в точности соответствовали погребальным камерам мавзолея, появившимся здесь в период XIII–XVI вв.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проблема сложения и функционирования одного из религиозных институтов средневековой Средней Азии – суфийских ханака, как и самого суфизма, занимающего значительное место в духовной жизни местного населения, его нравственно-этическом воспитании, – одна из слабо разработанных тем в современной отечественной литературе. Имеются отдельные исследования по истории и философии суфизма, обрядовой практике мистико-аскетического течения в исламе, но почти не изучены средневековые памятники зодчества, связанные с суфизмом. Суфийские обитатели – ханака, функционировавшие в Средней Азии иногда на протяжении нескольких столетий, – почти не затронутая наукой тема. Между тем эти странноприимные дома, или ханака, развивались, трансформировались, менялись по архитектурной форме и функции на протяжении всего второго тысячелетия нашей эры, после того, как суфизм с X в. получил широкое распространение не только на западе, но в Иране, Хорасане и Мавераннахре. Процесс трансформаций архитектурной формы и функций ханака находился в прямой зависимости от стадий сложения и развития самого суфизма, который прошел этапы возникновения (VIII–IX вв.), утверждения в суннитском исламе – классический суфизм (XI–XIII вв.), стадию апогея своего развития и политизации (XIV–XVI вв.) и, наконец, период упадка и деградации (XVIII–XIX вв.).

Суфийские общины крупных братств Средней Азии со своей спецификой, определенной особыми уставами, которыми регламентировалась жизнь обитателей, аккумулировали огромный блок духовно-нравственных представлений, уровень культуры и ментальности определенной части местного населения.

В данном случае, на примере известной в Средней Азии ханаки Сайф ад-Дина Бахарзи близ Бухары, сделана попытка осветить как можно более широкий круг проблем в изучении среднеазиатских ханака, построенных на конкретном «живом» материале. Исследование основано на данных археолого-архитектурного и эпиграфического изучения остатков одной из крупных и широко известных в Средней Азии ханака XIII в. в Фатхабаде, от которой до наших дней дошли лишь два мавзолея XIV–XV вв. в юго-восточной части Бухары: мавзолеем Сайф ад-Дина Бахарзи и монгольского хана из Чингизидов Буйан-Кули, с привлечением письменных документов. Вакф XIV в. в пользу этой общины явился основным достоверным историческим документом для реконструкции этапов сложения и обустройства данной ханаки. Были привлечены и другие, более краткие письменные известия о ханаке XIV–XV вв. (Путешествия Ибн Баттуты, «Китаби Мулло-и зода») и XIX–XX вв. (сведения Н. В. Ханыхова, А. А. Семенова).

Благотворительная ханака была основана в начале XIII в. в пригороде Фатхабад (1,5 км к юго-востоку от Каршинских ворот Бухары) известным в мусульманском мире шейхом, богословом, суфийским поэтом Сайф ад-Дином Бахарзи (1190–1261 гг.). Ханака располагалась на центральной площади пригорода, содержалась на огромные доходы от двух вакфов, один из которых был пожалован в XIII в., при жизни основателя (о содержании этого вакфа мы ничего не знаем), другой, дошедший до нас вакф учрежден внуком шейхом Йахйей в 1326 г., с дополнениями 1333 г.

Шейх Бахарзи прибыл в Бухару в начале XIII в. из Хорезма, где он был муридом Наджм ад-Дина Кубры – основателя крупного суфийского братства Средней Азии – Кубравийа и прожил в ханаке 40 лет. Ханака в Фатхабаде, получившая широкий историко-культурный резонанс, действовала в Средней Азии длительное время, с XIII вплоть до XVIII в., и с помощью суфиев-дервишей распространяла идеи Кубры вплоть до западных границ Китая.

XIII в. был особым периодом в истории Средней Азии, когда под влиянием монгольских завоевателей-иноверцев, находившихся на более низком уровне развития, официальная исламская религия утратила статус государственной, на передний план вышли «культы святых» и суфийские общины во главе с могущественными шейхами.

В данной работе два архитектурных памятника средневековой Бухары впервые рассматриваются не только с точки зрения их уникальной архитектурно-конструктивной специфики, но вводятся в конкретный историко-культурный контекст монголо-чагатайского периода в истории Средней Азии.

Археологические исследования позволили пересмотреть последовательность строительства этих мавзолеев, утвердившееся в литературе мнение о датировке мавзолея Бахарзи XIII в. В действительности, как показали исследования, существующий двухкамерный мавзолей «шейха мира» был выстроен на месте первоначальной однокамерной гробницы XIII в. не ранее начала или первой половины XV в., во времена наивысшего социально-экономического и политического подъема государства Амира Темура.

Археологическими исследованиями выявлен уникальный, не имеющий аналогов общий архитектурный строй мавзолея Буйан-Кули-хана. Четверик здания был установлен на широком постаменте-суфе, декорированной со всех сторон глазурованными изразцами, которая увеличивала вертикальные параметры мавзолея на 1 м. Впервые для комплексной характеристики мавзолея XIV в. привлечен эпиграфический декор главного фасада и интерьеров, содержащий назидательные газели Саади, которые нередко встречаются в мемориально-архитектурной эпиграфике Средней Азии позднечагатайского и раннетемуридского времени – на мавзолеех Шахи-Зинды (Х^оджа Ахмада, Шади-Мульк-ака XIV в.), в комплексе-ханаке Х^оджа Ахмада Йасави в Туркестане рубежа XIV–XV вв., на надгробиях XV–XVII вв.

ОСНОВНЫЕ ВЫВОДЫ

1. Существующие ныне два памятника на юго-восточной окраине Бухары: двухкупольный мавзолей Сайф ад-Дина Бахарзи и небольшой мавзолей Буйан-Кули-хана – являются остатками огромной благотворительной суфийской обители-ханакы кубра-

вийского толка, основанной «шейхом мира» в Фатхабаде, пригороде Бухары, в начале XIII в.

Гробница Бахарзи была идеологической основой ханакы во все последующие столетия. «Культ святого» развивался в Фатхабаде благодаря деятельности потомков шейха, наследственных руководителей ханакы (халифа), которые также были шейхами и даже носили титул «шейхов мира» (во всяком случае, внук Сайф ад-Дина, Йахйя).

2. У «святоносного мазара» Бахарзи, как говорят источники, в 60–70-е годы XIV в. был похоронен молодой хан Буйан-Кули, монгольский правитель при тюркском амире Казагане, второй и последний «подставной» монгольский хан при тюрках.

Сохранившаяся до наших дней небольшая, но уникальная по архитектурным формам, роскошно убранная резной поливной терракотой гробница у северо-западного угла мавзолея «шейха мира» и есть тот мавзолей, который был построен в 60-е годы XIV в. на площади Фатхабада для Чагатаида Буйан-Кули. К строительству здания были привлечены лучшие зодчие своего времени и мастера-монументалисты, которые облицевали мавзолей тончайшего рисунка резной поливной терракотой в сине-голубых и белых тонах. В интерьере мавзолея (ярус парусов) в декор вплетен эпиграфический орнамент, содержащий назидательные газели Саади философско-мистического содержания.

Сложное архитектурно-конструктивное решение памятника, уникальный керамический декор не имеют себе равных в зодчестве второй половины XIV в, ему уступают даже синхронные царские гробницы ансамбля Шахи-Зинда в Самарканде.

3. В начале XV в., при Амире Темуре, или в первой половине XV в., при первых Темуридах, вероятно, обветшавшая однокамерная гробница шейха XIII в. была разобрана до основания и на ее месте, в точном соответствии с местом погребения шейха Бахарзи и его потомков по мужской линии (сыновья, внуки, правнуки), был возведен существующий в настоящее время двухкамерный продольно-осевой мавзолей. Гур-хана мавзолея XV в. установлена на месте первоначальной гробницы XIII в., при этом погребения XIII–XIV вв. оказались не потревоженными.

4. В ханаке Фатхабада, как показывает вакф XIV в., царили дух смирения, скромности в одежде и еде, строгое подчинение

главе ханаки – шейху и выборной администрации ханаки, управлявшей хозяйством, был свой устав поведения и взаимоотношений внутри обители. Вакф XIV в. предписывал равное отношение ко всем суфиям-паломникам, независимо от национального или социального статуса.

Шейх Йахйя, основавший второй вакф 1326 г. и дополнения к нему 1333 г. в пользу ханаки в Фатхабаде, был очень богат и образован для своего времени; написал трактат – рекомендации для смирения духа мистика-аскета.

5. Ханака в Фатхабаде просуществовала 600 лет – с XIII по XVIII в. включительно, с многочисленными поэтапными перестройками и возведением новых зданий.

Основной источник наших ретроспективных представлений о ханаке – вакуфный акт Йахйи от 1326, 1333 гг. (перевод и комментарии О. Д. Чехович), а также исторические сведения XIV, XV вв. (Ибн Баттута, «Китаби Мулло-и зода»).

6. На площади Фатхабада еще при Сайф ад-Дине Бахарзи, в XIII в., была возведена первая ханака, судя по контексту вакфа – здание дворовой композиции с хаузом внутри. Она существовала на доходы с первого, старинного вакфа XIII в., о котором есть только упоминание в вакфе XIV в. В состав ханаки, кроме жилых и хозяйственных келий, входило общее помещение для радений – джама'ат-хана.

Вторая, более поздняя ханака была пристроена к первому мавзолею шейха с юга во второй половине XIII в. Контекст вакфа XIV в. позволяет думать, что и эта ханака (обитель для бедняков и постоянно проживающих суфиев) была зданием дворовой композиции. Обе ханаки существовали на доходы с двух вакфов XIII–XIV вв.

Огромная площадь Фатхабада (216 x 216 м) в вакфе XIV в. названа площадью-ханакой; со всех сторон она была застроена различными зданиями: в западной части площади располагались два здания ханаки, в юго-западной части – три мавзолея (склеп одного раскопан севернее мавзолея Буйан-Кули-хана), два из которых существуют в наше время. По всем четырем сторонам площади-ханаки располагались кельи для паломников. Вся жизнь суфийской обители проходила на этой площади, а вокруг нее располагались дома жителей Фатхабада, главным образом потомков Сайф ад-Дина Бахарзи.

Здесь же, среди домов, находились базарчик Фатхабада с прилавками, гончарная мастерская, сады и виноградники. Конюшни и сеновалы ханаки размещались во дворах жителей Фатхабада. Там же проживали рабы и свободные работники ханаки (данные вакфа XIV в.). В Фатхабаде сложился особый мир, дух которого был пронизан идеей служения Богу и почитания «святоносной гробницы».

Южнее второй ханаки и гробницы шейха, по данным вакфа XIV в., располагались сад Нилуфар, дом одного из потомков Сайф ад-Дина (суфизода), баня для зимних омовений и проходила улочка, ведущая к Каршинским воротам Бухары.

7. Ханака в Фатхабаде, как сообщает вакф 1326 г., была очень богата: ей принадлежала недвижимость – 11 деревень, сам Фатхабад в том числе, мосты, мельницы, сады, пахотные и заброшенные земли, а также движимое имущество – рабы и наемные работники, много скота.

8. В XVI в. двухкамерный мавзолей Бахарзи был реконструирован – к главному фасаду был пристроен сохранившийся до сего дня входной портал с угловыми гильдеста и более мощными фундаментами.

В зиарат-хане мавзолея на одном из поздних этапов (XIX в.) у входа в гур-хану (слева) был устроен небольшой шестигранный михраб, а в северо-западном углу – переносной, вероятно, деревянный ступенчатый минбар. В XIX в. там, как сообщают поздние источники, проходила пятничная молитва. Михраб сохранялся еще в 50-е годы XX в. Под ним расчищены остатки другого, более старого михраба, но также не синхронного зиарат-хане. Очевидно, в XIX в. появился и небольшой круглый минарет у северо-восточного угла мавзолея, завершенный арочной рогондой для азанчи, связанный с возобновлением деятельности зиарат-ханы как мечети.

9. В 30-е годы XIV в. ханаку в Фатхабаде посетил марокканский паломник Ибн Баттута, оставивший описание культового радения «сама». В ханаке практиковался тихий (хафи) и громкий (джахр) зикр.

Состояние гробницы Сайф ад-Дина Бахарзи описал автор «Китаби Мулло-и зода» (XV – начало XVI в.) с подробным перечнем погребенных в ней лиц и расположением их относительно могилы «шейха мира». Археологические расчистки 50–60-х годов

XX в. позволили выявить надгробники прямоугольной двухступенчатой формы с плоским верхом и небольшими плохо сохранившимися керамическими стелами с эпитафиями (большая часть фрагментов найдена в мусоре между надгробниками). Стиль арабской скорописи эпитафий на стелах позволяет отнести их не ранее чем к концу XIV в., но не позже чем к концу XV в. (В. А. Шишкин), и связать обновление интерьера, установку плоских надгробников с периодом полной перестройки мавзолея, установленного на месте первоначальной гробницы, во времена Амира Темура или первых Темуридов.

В середине XIX в. (1843 г.) полузаброшенную ханаку посетил русский ученый, путешественник Н. В. Ханыков, оставивший схему плана расположения построек ханаки (перечислены 2 существующих мавзолея, медресе, мечеть и действующий хауз); в начале XX в. А. А. Семенов также сделал их краткий перечень. В 50-е годы XX в. местные очевидцы сообщили (как и А. А. Семенов), что хауз в начале XX в. был наполнен водой, а около него были небольшое медресе и ханака, а также айванного типа летняя мечеть и небольшой минарет, которые я застала еще в 50-е годы XX в., во время археологических работ. До наших дней от обширной ханаки уцелели лишь два мавзолея, которые представляют большой историко-культурный интерес как уникальные памятники средневекового зодчества XIV–XV вв. и являются объектами внимания туристов.

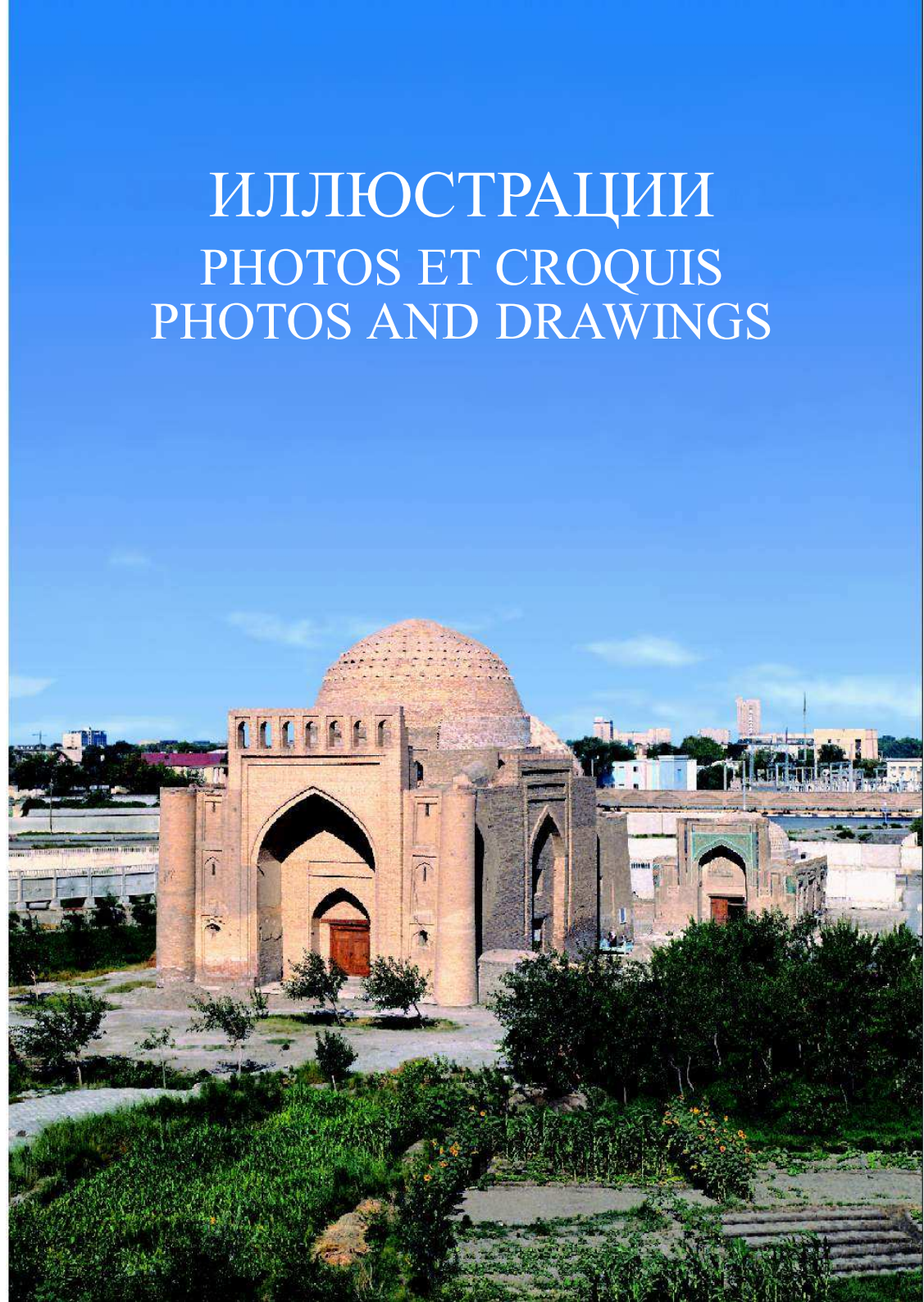
10. Последняя страница в жизни памятников зодчества на юго-востоке Бухары относится уже к нашим дням. Зброшенный в начале XX в. комплекс из двух мавзолеев, находившийся за пределами жилой части города, территория вокруг которого представляла собой пустырь для хозяйственных отходов, в 50–60-е годы XX в. не единожды изучался. Архитектурные обмеры и археологические исследования этого времени, реставрация и укрепление мавзолеев совпали с почти одновременным переводом и публикацией документа XIV в. (вакф 1326, 1333 гг.); это вызвало повышенный интерес к памятникам. Сейчас они находятся в жилой части Бухары и заново отреставрированы.

В начале XXI в. в Ташкенте была написана данная книга по истории ханаки Сайф ад-Дина Бахарзи и почти одновременно в Бухаре проведены огромные благоустроительные работы вок-

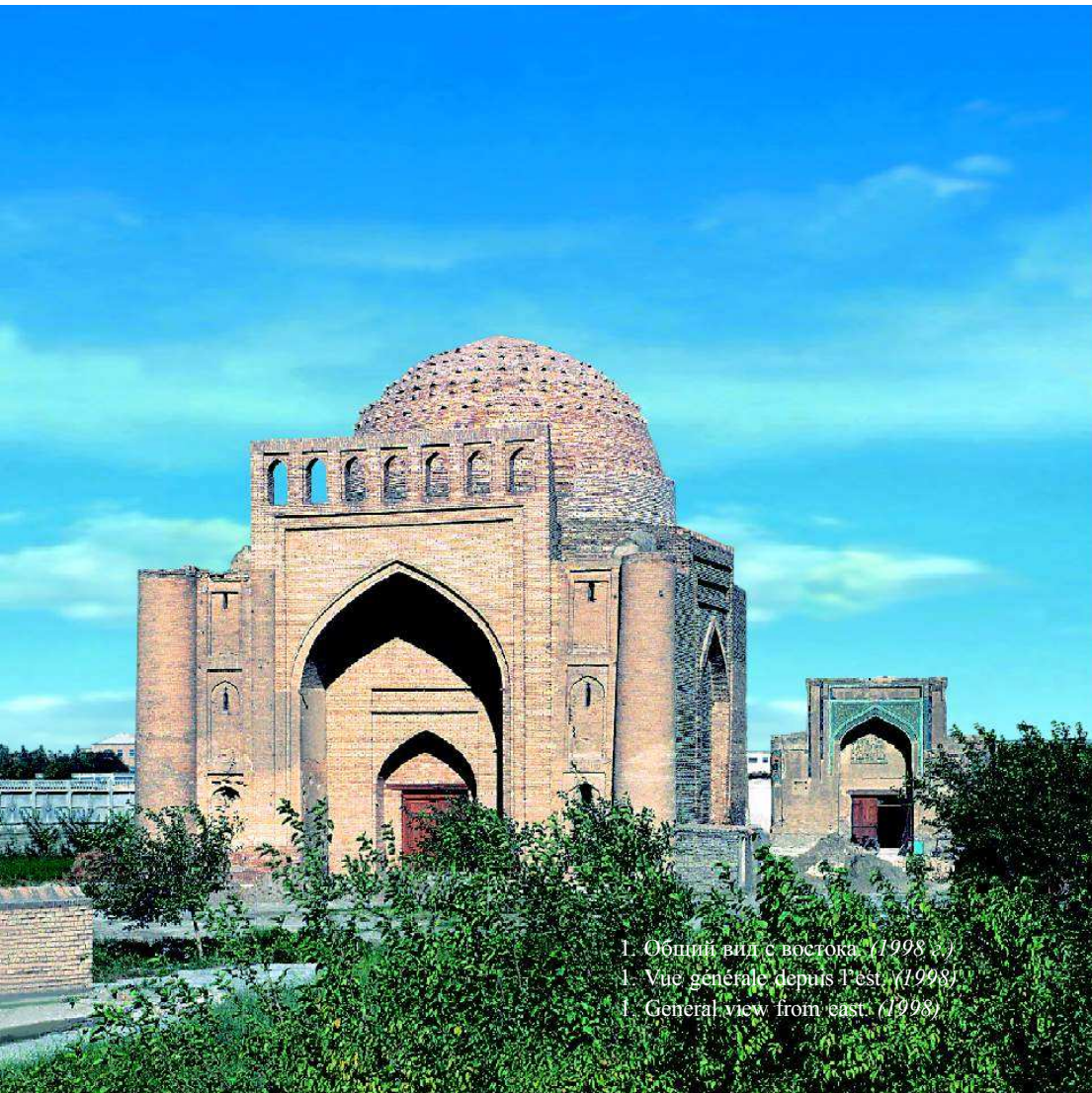
руг памятников, выполненные Бухарскими городским и областными хокимиятами.

Благодаря инициативе, энергии и, главным образом, вдохновению мэров области и города территория вокруг мавзолеев скоро превратится в сад. Тот сад Нилуфар, который в XIV в. располагался южнее и западнее гробницы шейха и на месте которого еще недавно был пустырь, уже посажен. Он не назван садом Нилуфар – это сад Фатхабад, но историческая преемственность продолжается. Между живописно распланированными газонами – асфальтовые дорожки с лестничными переходами, регулирующими перепады местности. На дорожках планируются палатки с сувенирами и даже мини-мастерские для национальных бухарских поделок. Высохшее русло канала Фошун вновь восстановлено, но не перед главными фасадами мавзолеев, а чуть севернее, в черте города. Завершаются реставрационные работы в мавзолее Бахарзи. В гур-хане восстановлены керамические и мраморные надгробники потомков шейха, расчищенные в 60-е годы XX в. В январе 2002 г. вскрыта центральная погребальная камера – крытая сводом сагана из жженого кирпича, затопленная грунтовыми водами. Вода была выкачана, уровень пола саганы поднят по всем правилам, с молитвой и поминками, осуществлено перепогребение костных останков шейха, в том числе черепа, который находился в Отделе антропологии Института археологии АН РУз в Самарканде. Таким образом, от дань уважения некогда знаменитому шейху, память о котором продолжает жить и в наши дни.

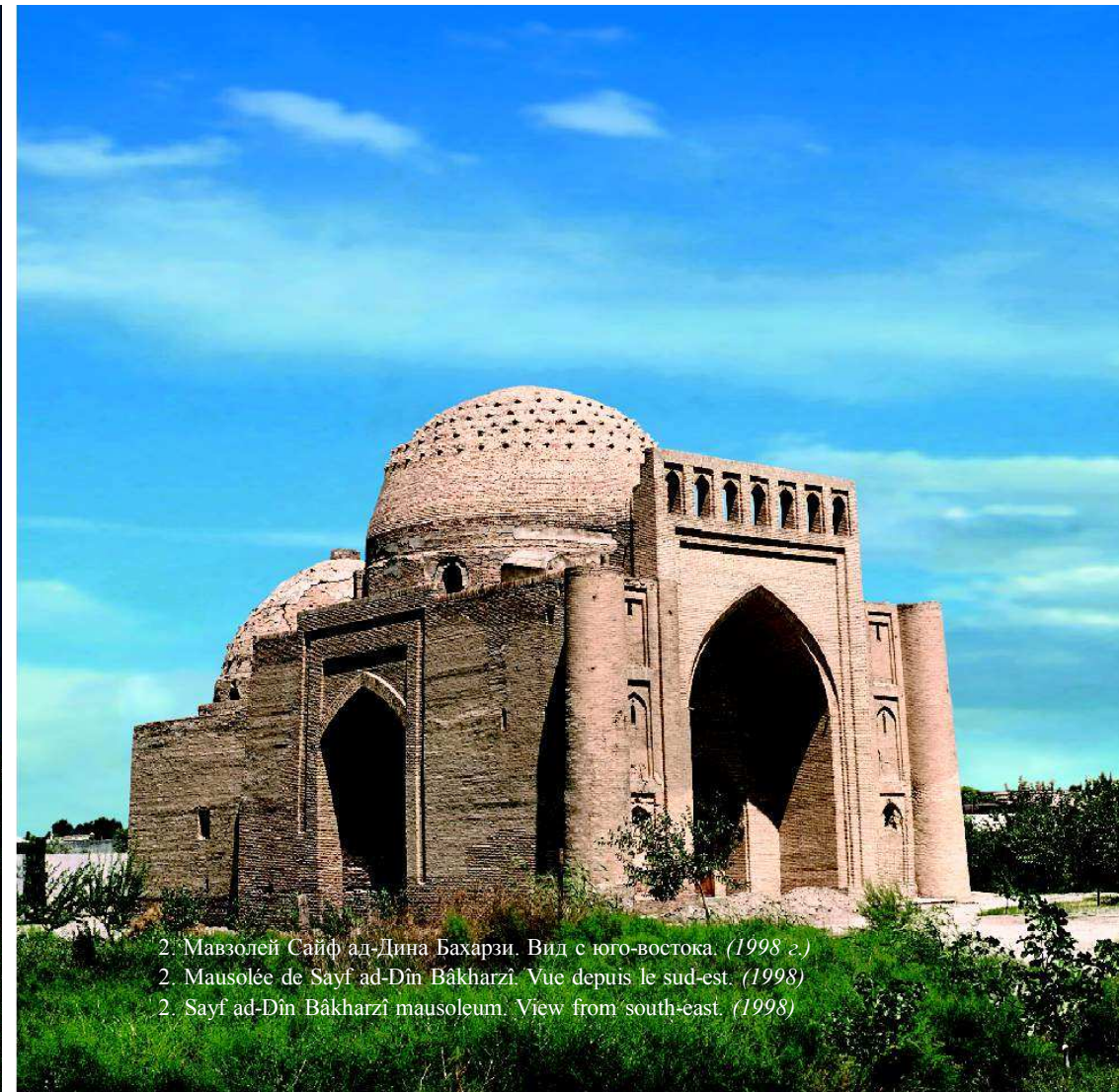
ИЛЛЮСТРАЦИИ
PHOTOS ET CROQUIS
PHOTOS AND DRAWINGS

КОМПЛЕКС В ФАТХАБАДЕ
ENSEMBLE À FATH-ÂBÂD
FATH-ÂBÂD ENSEMBLE

1. Общий вид с востока. (1998 г.)
1. Vue générale depuis l'est. (1998)
1. General view from east. (1998)

2. Мавзолей Сайф ад-Дина Бахарзи. Вид с юго-востока. (1998 г.)
2. Mausolée de Sayf ad-Dîn Bâkharzî. Vue depuis le sud-est. (1998)
2. Sayf ad-Dîn Bâkharzî mausoleum. View from south-east. (1998)

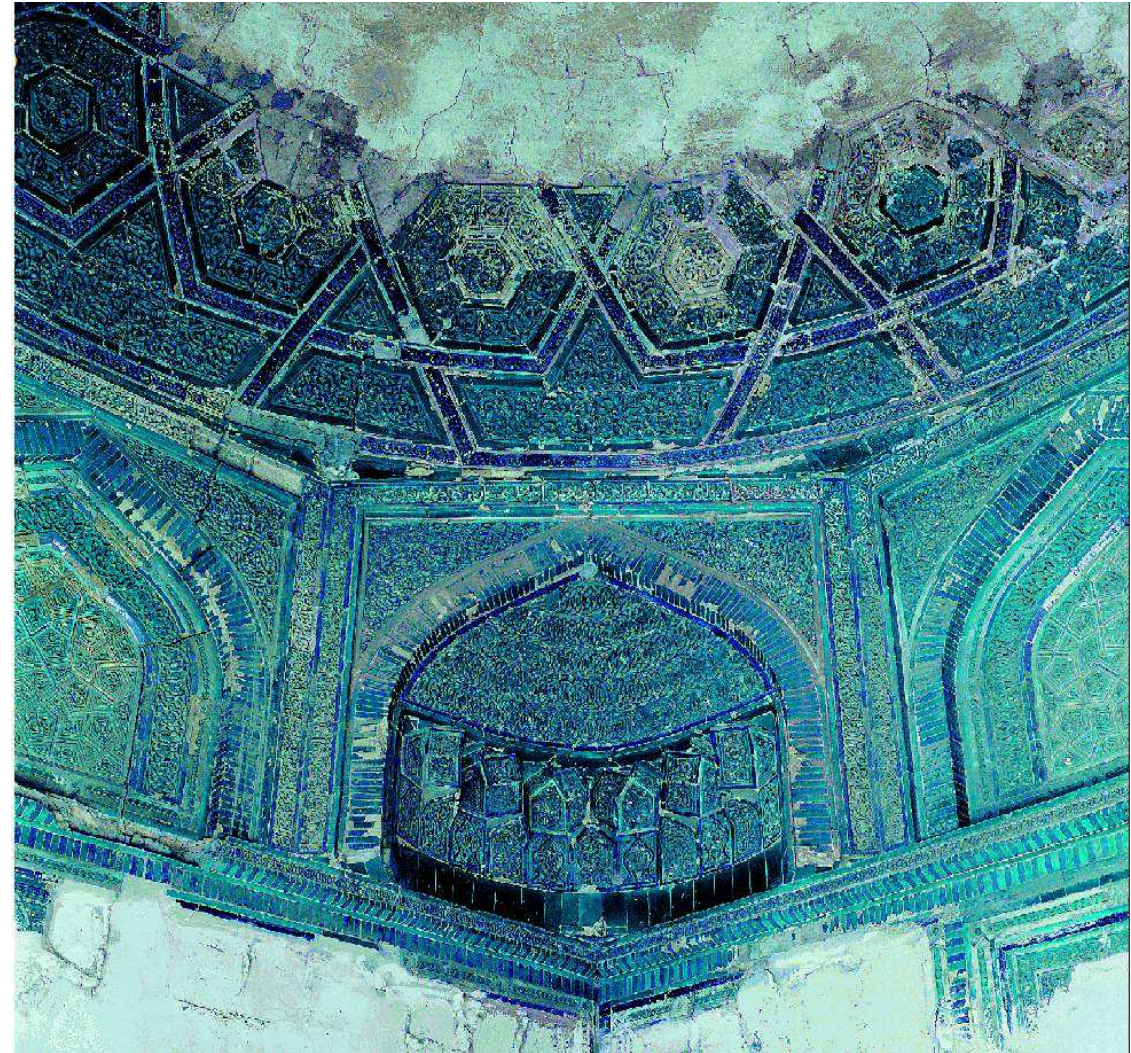
3. Мавзолей Буйан-Кули-хана. Главный фасад. (1998 г.)
 3. Mausolée de Bayân Quli khân. Façade centrale. (1998)
 3. Bayân Quli khân mausoleum. Centrale façade. (1998)

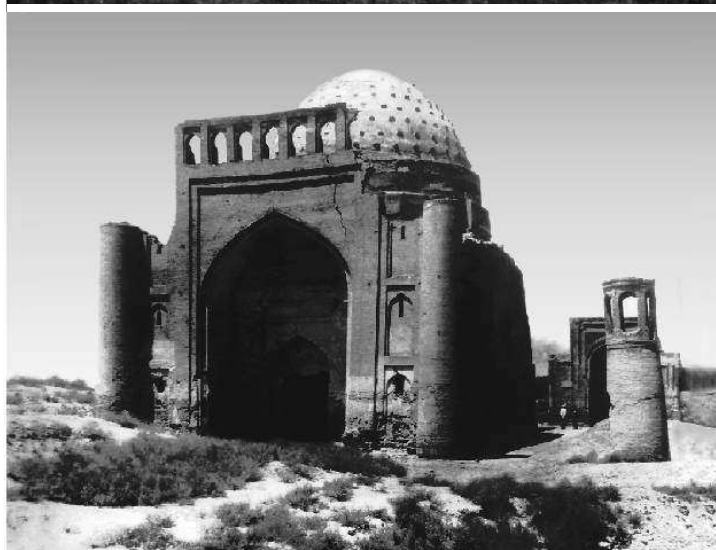
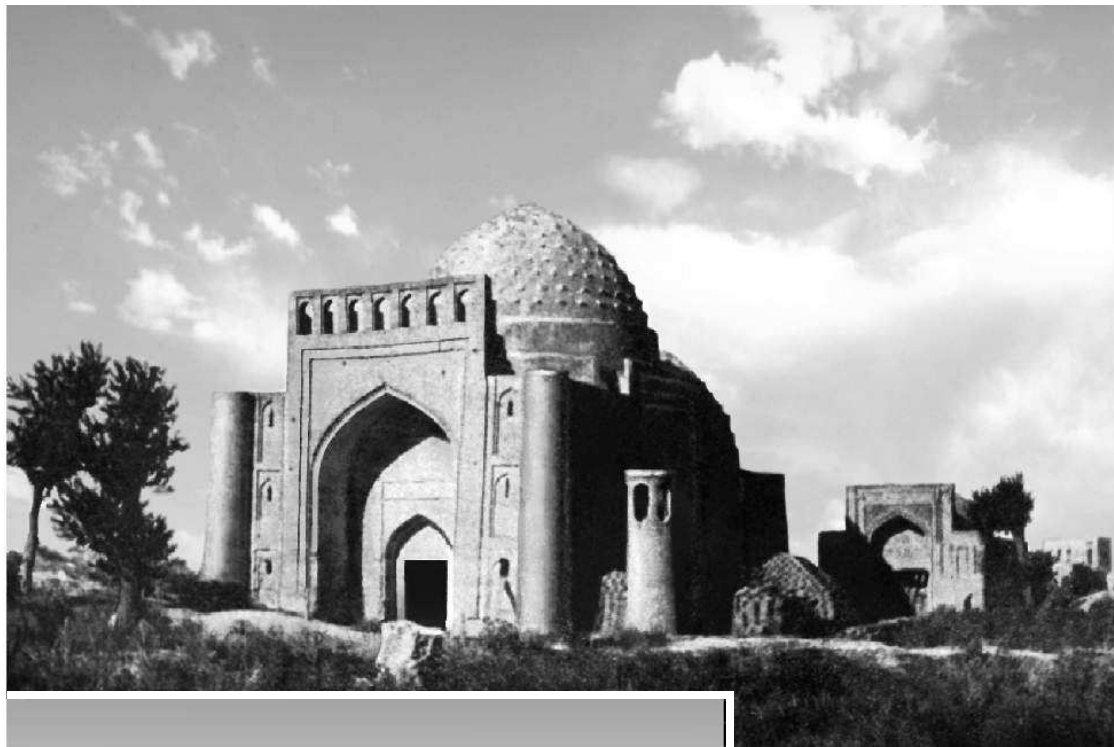
4. Мавзолей Буйан-Кули-хана. Главный портал. (1998 г.)
 4. Mausolée de Bayân Quli khân. Portail central. (1998)
 4. Bayân Quli khân mausoleum. Central portal. (1998)

5. Мавзолей Буйан-Кули-хана. Облицовка софита порталной арки. (1998 г.)
 5. Mausolée de Bayân Quli khân. Revêtement du soffite de l'arc du portail. (1998)
 5. Bayân Quli khân mausoleum. Facing of the soffit of the portal arch. (1998)

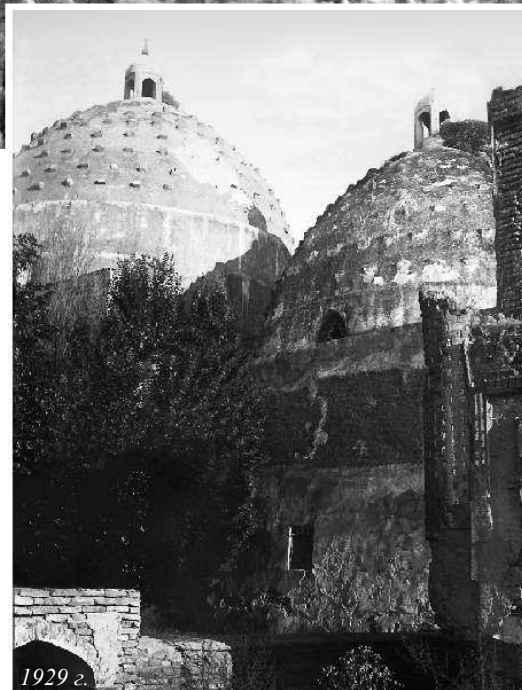

6. Мавзолей Буйан-Кули-хана. Интерьер. Ярус парусов. (1998 г.)
 6. Mausolée de Bayân Quli khân. Intérieur. Zone de transition. (1998)
 6. Bayân Quli khân mausoleum. Interior. Transition zone. (1998)

7. Мавзолей Буйан-Кули-хана. Деталь облицовки. Резная поливная терракота. (1998 г.)
 7. Mausolée de Bayân Quli khân. Détail du revêtement. Terre cuite glaçurée. (1998)
 7. Bayân Quli khân mausoleum. Detail of the facing. Glazed terracotta. (1998)

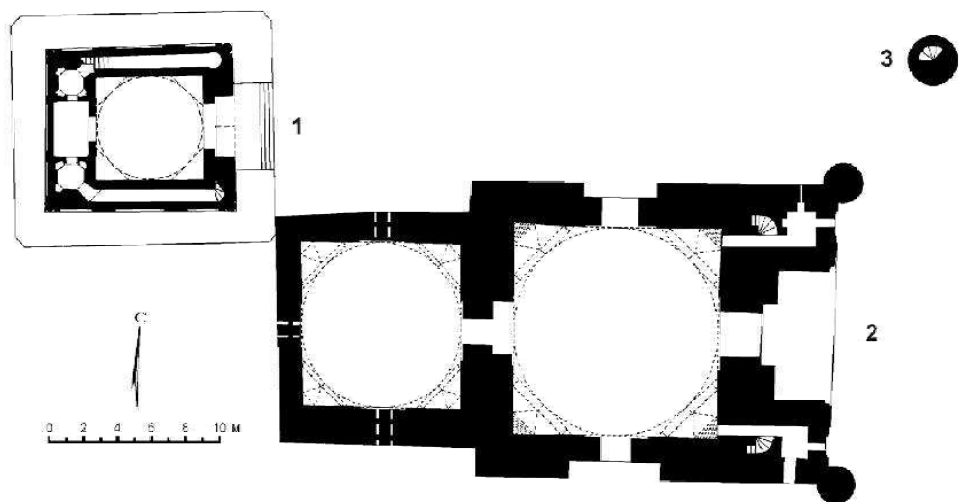
8, 9. Комплекс в Фатхабаде. Общий вид с северо-востока.
 8, 9. Ensemble à Fath-âbâd. Vue générale depuis le nord-est.
 8, 9. Fath-âbâd ensemble. General view from north-east.

10, 11. Комплекс в Фатхабаде.
Вид с северо-запада.
10, 11. Ensemble à Fath-âbâd.
Vue générale depuis le nord-ouest.
10, 11. Fath-âbâd ensemble.
General view from north-west.

12. Комплекс в Фатхабаде. Общий вид с юго-запада.
12. Ensemble à Fath-âbâd. Vue générale depuis le sud-ouest.
12. Fath-âbâd ensemble. General view from south-west.

13. План архитектурного комплекса в Фатхабаде.

1 – мавзолей Буйан-Кули-хана (60-е годы XIV в.); 2 – мавзолей Сайф ад-Дина Бахарзи (первая половина XV в.); 3 – минарет (начала XX в.).

13. Plan de l'ensemble architectural à Fath-âbâd.

1 – Mausolée de Bayân Quli khân (années 60 du XIVe siècle); 2 – Mausolée de Sayf ad-Dîn Bâkharzî (première moitié du XVe siècle); 3 – minaret (début du XXe siècle).

13. Plan of the Fath-âbâd architectural ensemble.

1 – Bayân Quli khân mausoleum (60s of the 14th century); 2 – Sayf ad-Dîn Bâkharzî mausoleum (first half of the 15th century); 3 – minaret (beginning of the 20th century)

15. Общий вид мавзолеев в Фатхабаде. (Реконструкция А. Ф. Мухитдинова. 1974 г.).

15. Vue générale des mausolées à Fath-âbâd (reconstruction d'A. F. Moukhiddinov, 1974).

15. General view of the mausoleums in Fath-âbâd (reconstruction by A. F. Moukhiddinov, 1974).

14. Минарет. Начало XX в. (1951 г.).

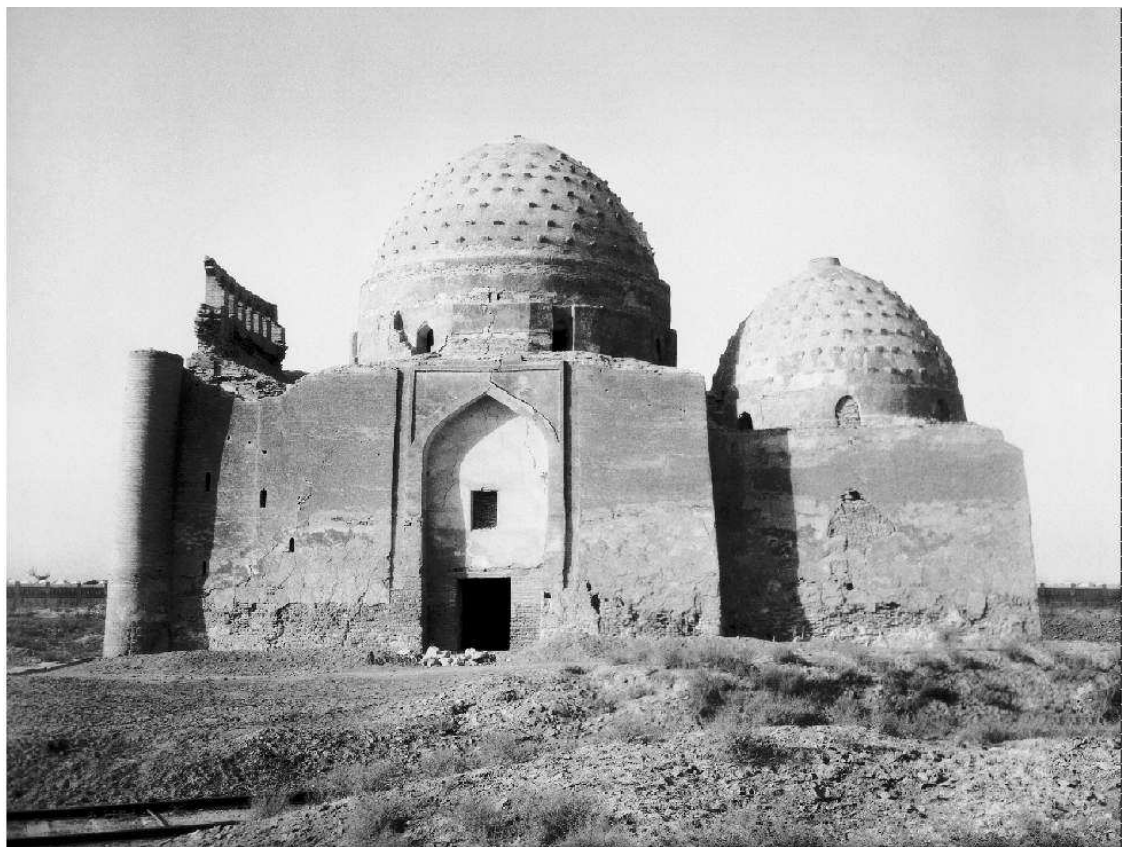
14. Minaret. Début du XXe siècle. (1951)

14. Minaret. Beginning of the 20th century. (1951)

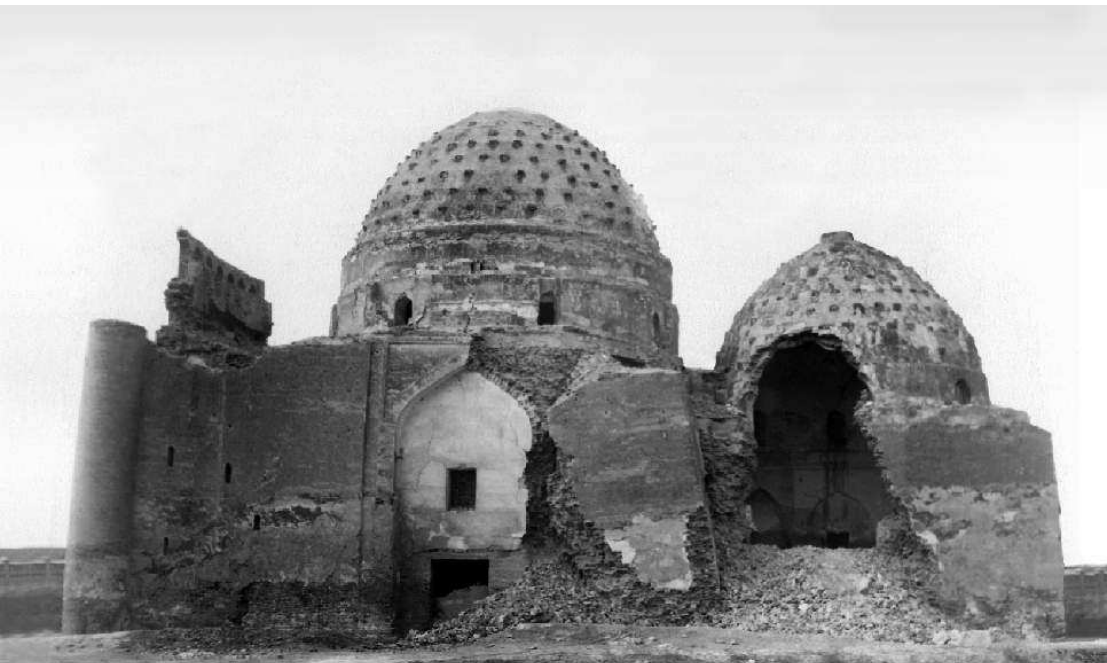
МАВЗОЛЕЙ САЙФ АД-ДИНА БАХАРЗИ
MAUSOLÉE DE SAYF AD-DÎN BÂKHARZÎ
SAYF AD-DÎN BÂKHARZÎ MAUSOLEUM

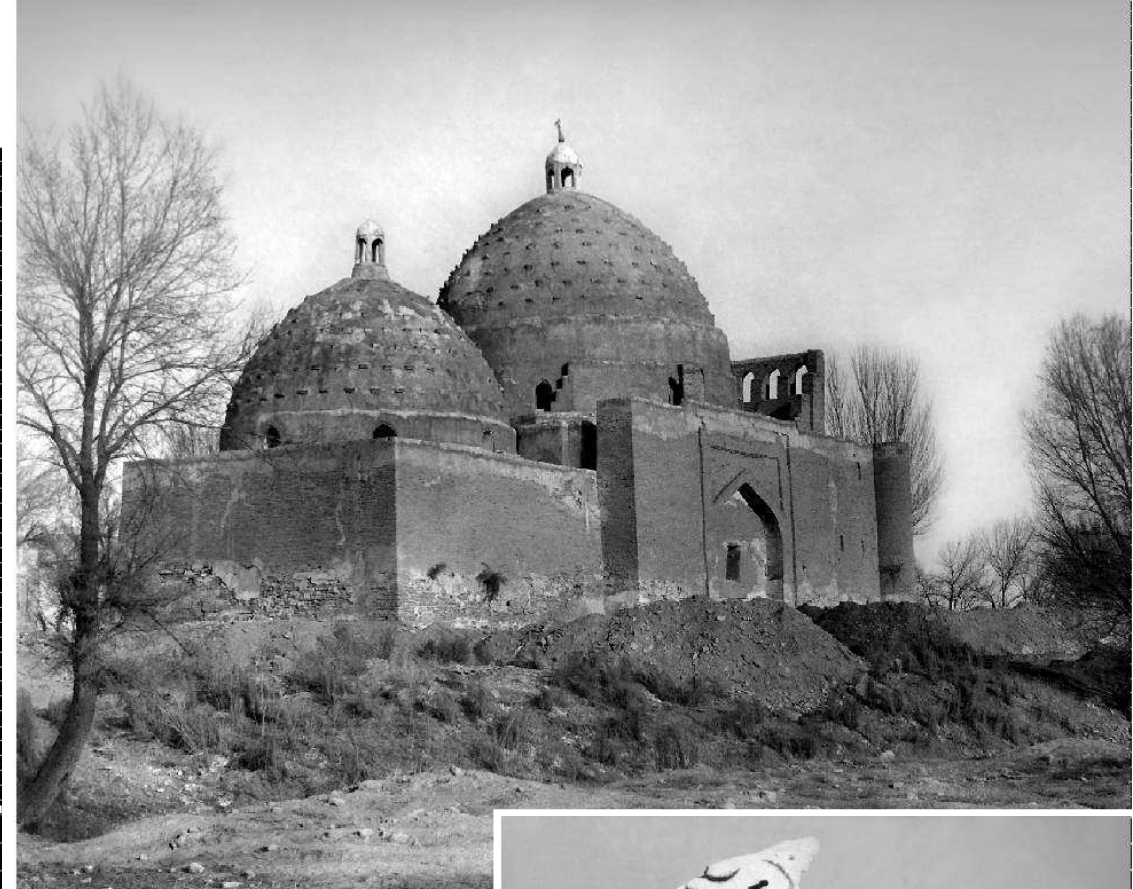
16. Восточный фасад. (1951 г.)
16. Façade est. (1951)
16. Eastern façade. (1951)

17. Северный фасад (1951 г.)
17. Façade nord. (1951)
17. Northern façade. (1951)

18, 19. Северный фасад после обрушения. (1952 г.)
 18, 19. Façade nord après l'effondrement. (1952)
 18, 19. Northern façade after the collapse. (1952)

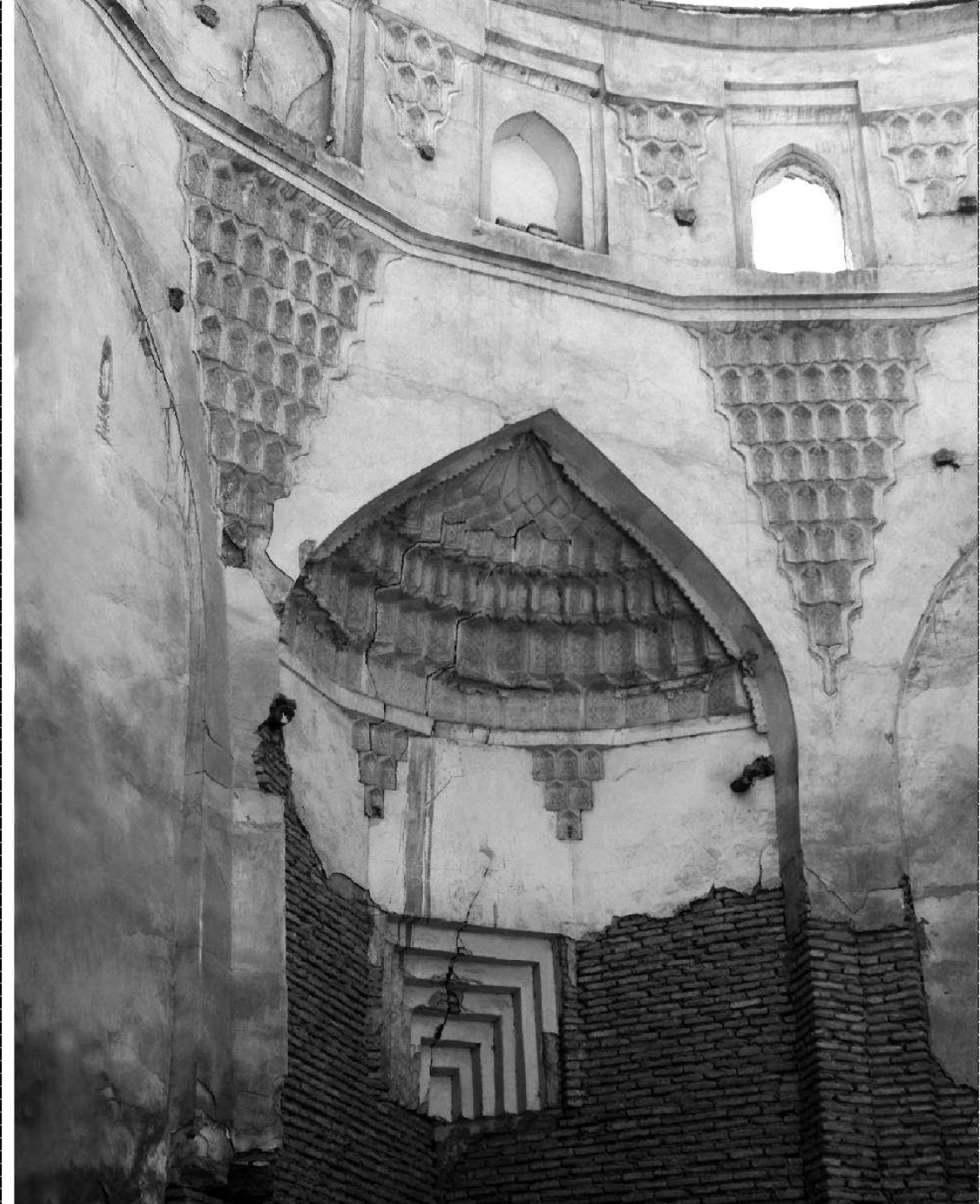
20. Общий вид с юго-запада.
 (50-е годы XX в.)
 20. Vue générale depuis le sud-ouest.
 (années 50 du XXe siècle)
 20. General view from south-west.
 (50s of the 20th century)

21. Фрагменты керамического глазурованного блюда XIV–XV вв. из шурфа, заложенного у южного фасада Мавзолея Сайф ад-Дина Бахарзи. (1954 г.)
 21. Fragments du plat en céramique glaçurée du XIV–XVe siècles découvert lors du sondage de la façade sud du mausolée Sayf ad-Dîn Bâkharzî. (1954)
 21. Pieces of the glazed ceramic dish of the 14th – 15th centuries discovered during the excavation works at the south façade of the Sayf ad-Dîn Bâkharzî mausoleum. (1954)

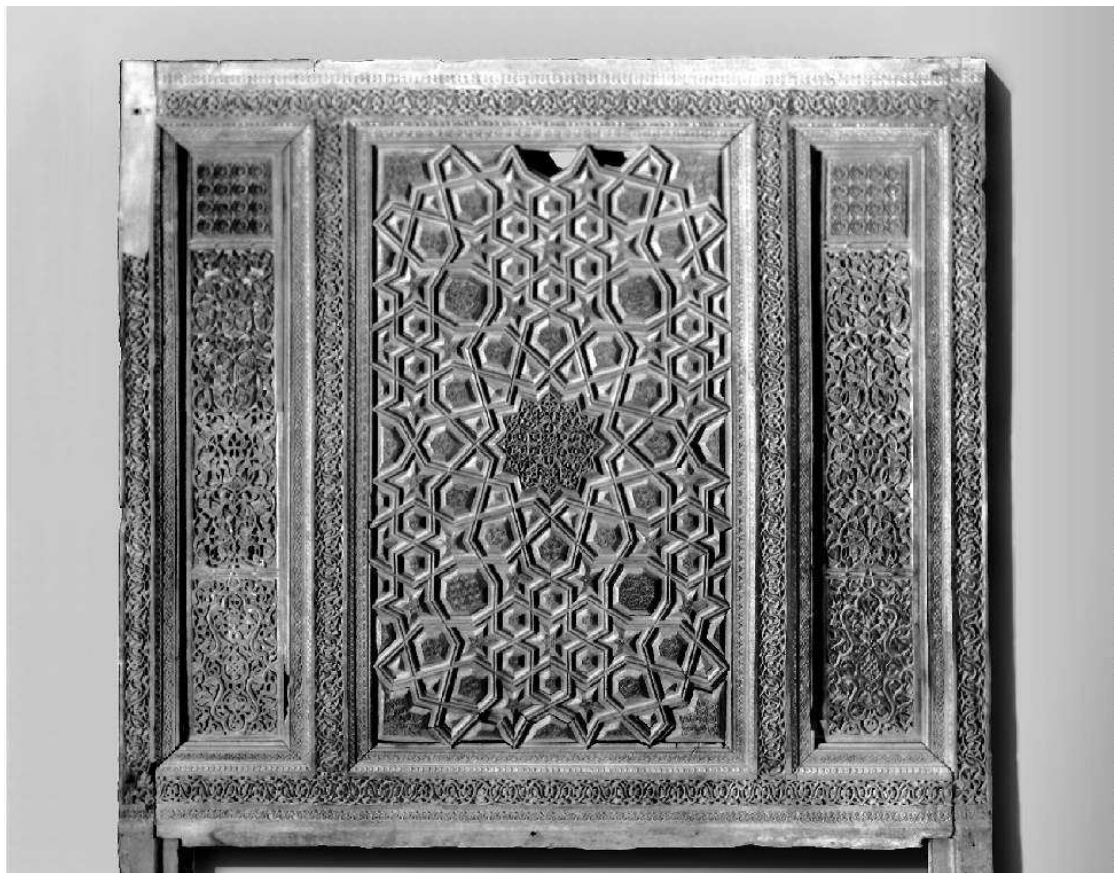
22. Интерьер зиарат-ханы. Барабан. (1959 г.)
 22. Intérieur du ziyârat-khâna. Cylindre. (1959)
 22. Interior of the ziyârat-khâna. Cylinder. (1959)

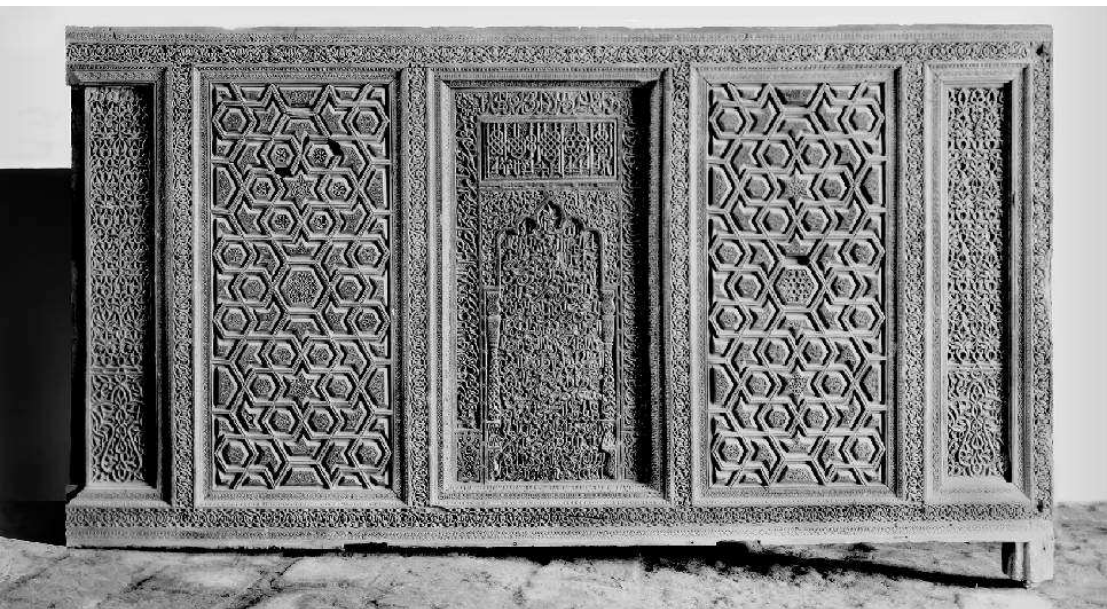
23. Интерьер зиарат-ханы. Ярус парусов. (1987 г.)
 23. Intérieur du ziyârat-khâna. Zone de transition. (1987)
 23. Interior of the ziyârat-khâna. Transition zone. (1987)

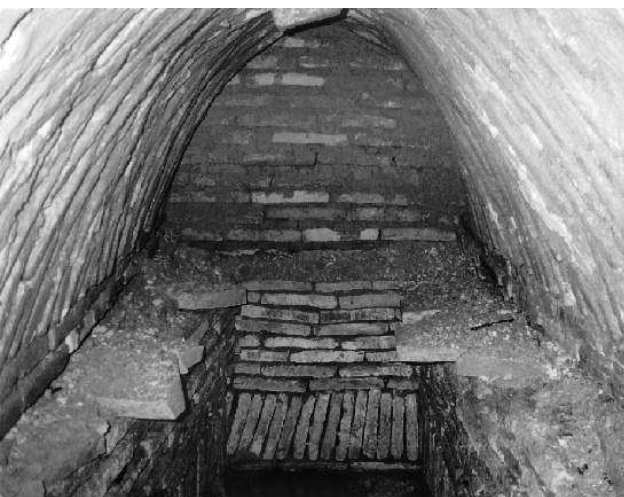
24. Интерьер гур-ханы. Арочный парус. (1952 г.)
 24. Intérieur du gûr-khâna. La trompe. (1952)
 24. Interior of the gûr-khâna. The squinch. (1952)

25. Деревянный кенотаф из гур-ханы. Торцовая часть.
 25. Cénotaphe en bois de gûr-khâna. Partie arrière.
 25. Wooden cenotaph of the gûr-khâna. Back part.

26. Деревянный кенотаф из гур-ханы. Боковая часть с эпитафией.
 26. Cénotaphe en bois de gûr-khâna. Partie latérale portant l'épithaphe.
 26. Wooden cenotaph of the gûr-khâna. Lateral part with epitaph.

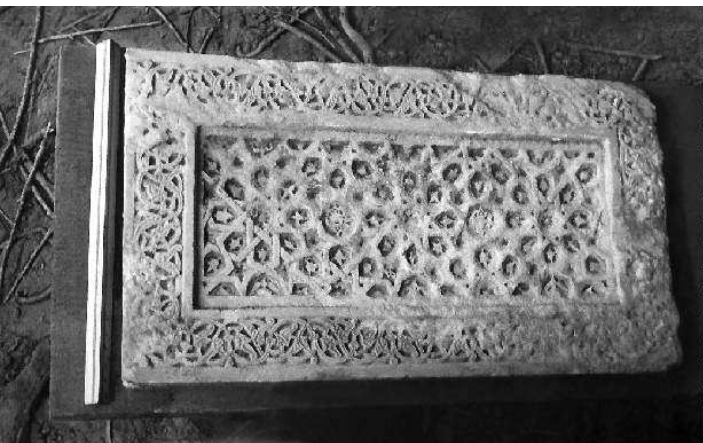
27. Гур-хана. Могила Сайф ад-Дина Бахарзи. (2002 г.)
 27. Gûr-khâna. La tombe de Sayf ad-Dîn Bâkharzî. (2002)
 27. Gûr-khâna. The tomb of Sayf ad-Dîn Bâkharzî. (2002)

28. Панно боковой части кенотафа с эпитафией. (1938 г.) →
 28. Panneau de la partie latérale du cénotaphe portant l'épithaphe. (1938) →
 28. Panel of the lateral part of the cenotaph with epitaph. (1938) →

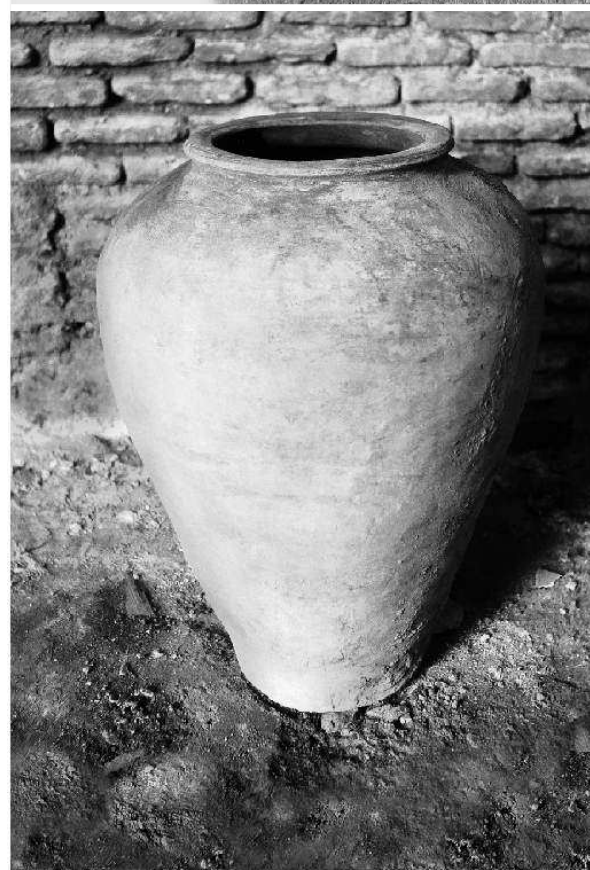
29. Гур-хана. Расчистка керамических намогильников в 1951 г.
(*А. Берштейн, С. Хмельницкий, Н. Немцева*).
29. Gûr-khâna. Nettoyage des cénotaphes en céramiques en 1951
(*A. Bernchtein, S. Khmelnitsky et N. Nemtseva*).
29. Gûr-khâna. Cleaning of the ceramic cenotaphs in 1951
(*A. Bernchtein, S. Khmelnitsky and N. Nemtseva*).

30. Гур-хана. Мраморная плита намогильника. (1951 г.)
30. Gûr-khâna. La dalle en marbre du cénotaphe. (1951)
30. Gûr-khâna. The marble slab of the cenotaph. (1951)

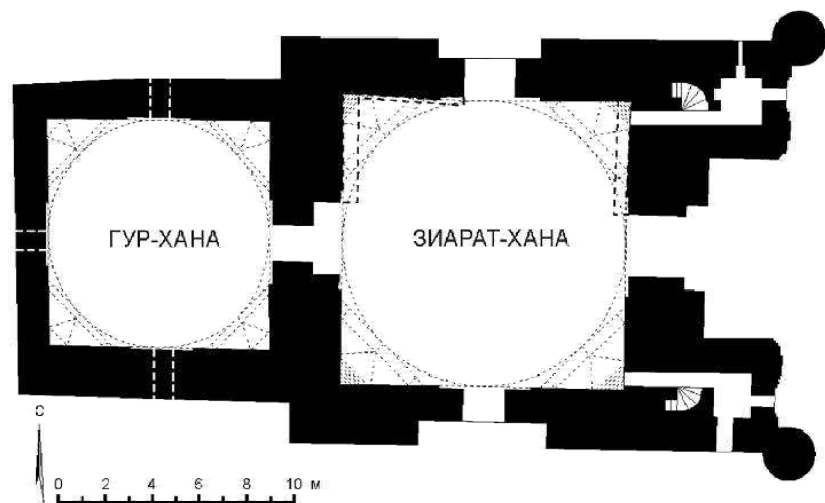

- 31, 32. Гур-хана. Намогильники в юго-западной части. (1951 г.)
- 31, 32. Gûr-khâna. Les cénotaphes de la partie sud-ouest. (1951)
- 31, 32. Gûr-khâna. Cenotaphs of the south-western part. (1951)

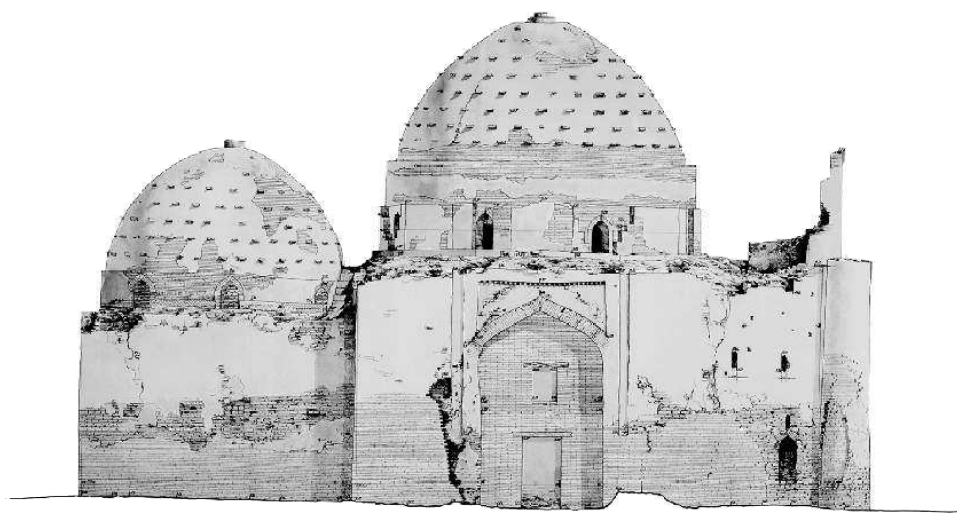

33, 34, 35. Гур-хана. Фрагменты майоликовых плит с арабскими надписями. (1951 г.)
 33, 34, 35. Gûr-khâna. Fragments des dalles en majolique portant les inscriptions en arabe. (1951)
 33, 34, 35. Gûr-khâna. Fragments of the majolica slabs with arabic inscriptions. (1951)

36. Керамический сосуд (хум),
 найденный при раскопках. (1954 г.)
 36. Récipient en céramique (khûm)
 trouvé lors des fouilles. (1954)
 36. Ceramic receptacle (khûm) found
 during the excavations. (1954)

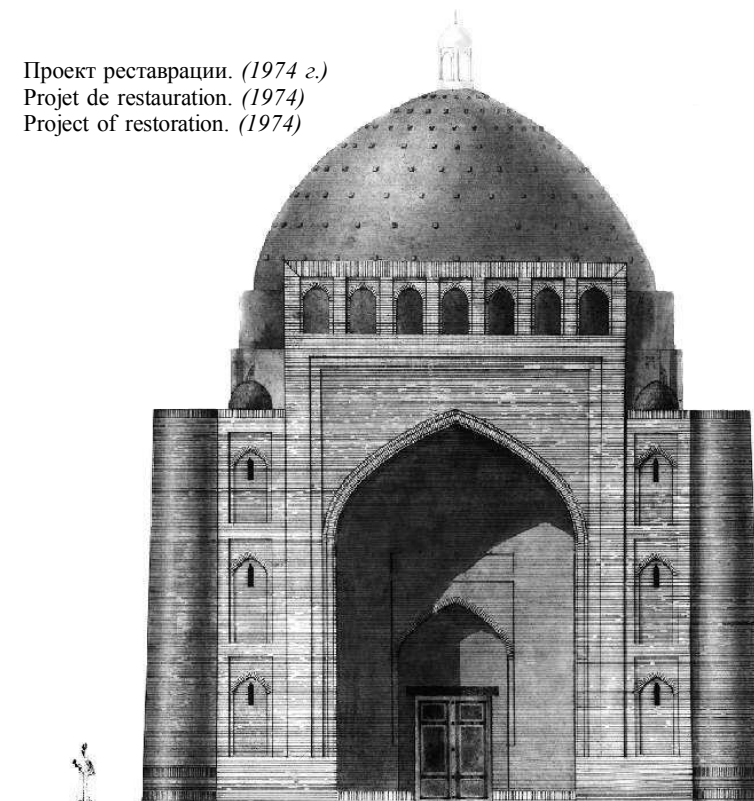

37. План стен.
37. Plan des murs.
37. Plan of the walls.

38. Южный фасад. Обмер. (1952 г.)
38. Façade sud. Mesurage. (1952)
38. Southern façade. Measurement. (1952)

Проект реставрации. (1974 г.)
Projet de restauration. (1974)
Project of restoration. (1974)

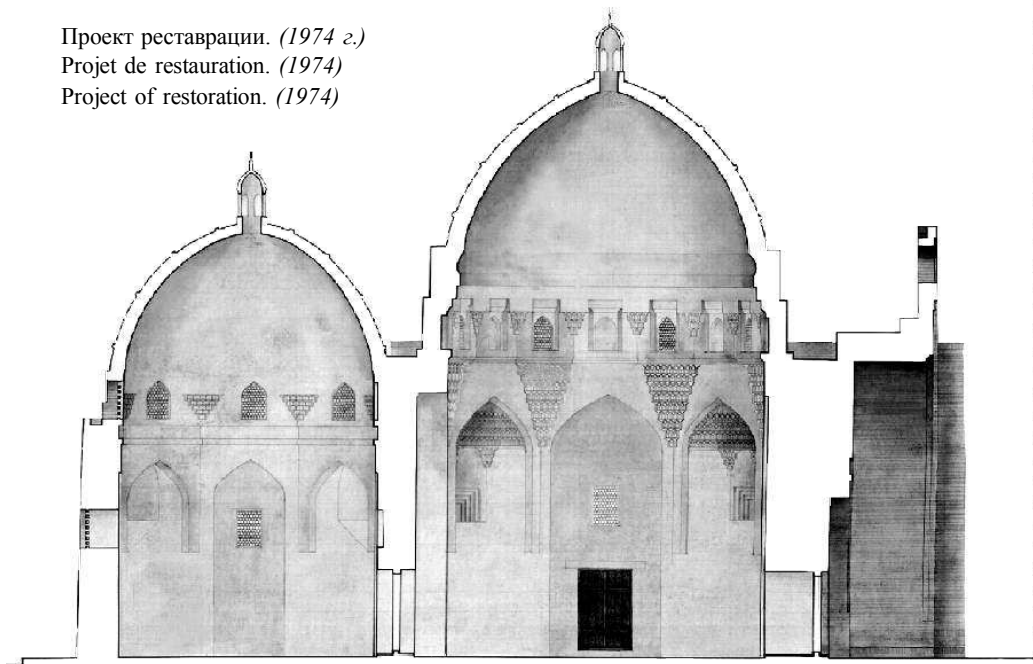

Обмер. (1952 г.)
Mesurage. (1952)
Measurement. (1952)

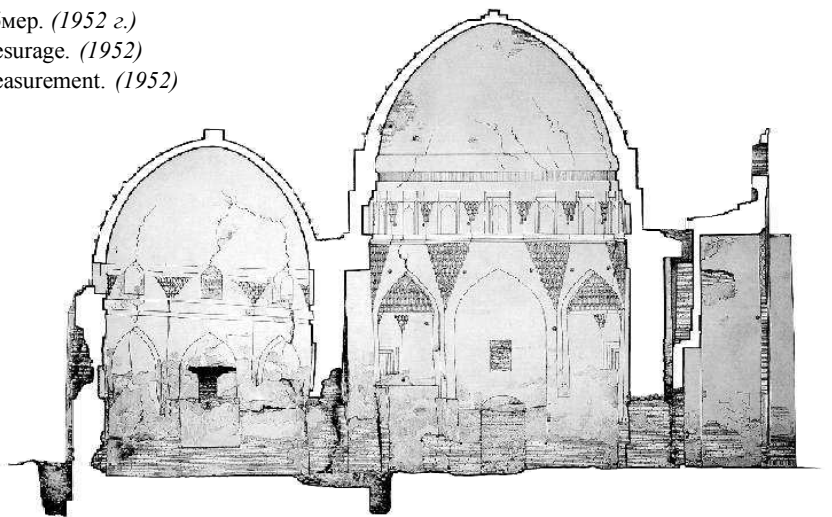

39, 40. Восточный фасад.
39, 40. Façade est.
39, 40. Eastern façade.

Проект реставрации. (1974 г.)
 Projet de restauration. (1974)
 Project of restoration. (1974)

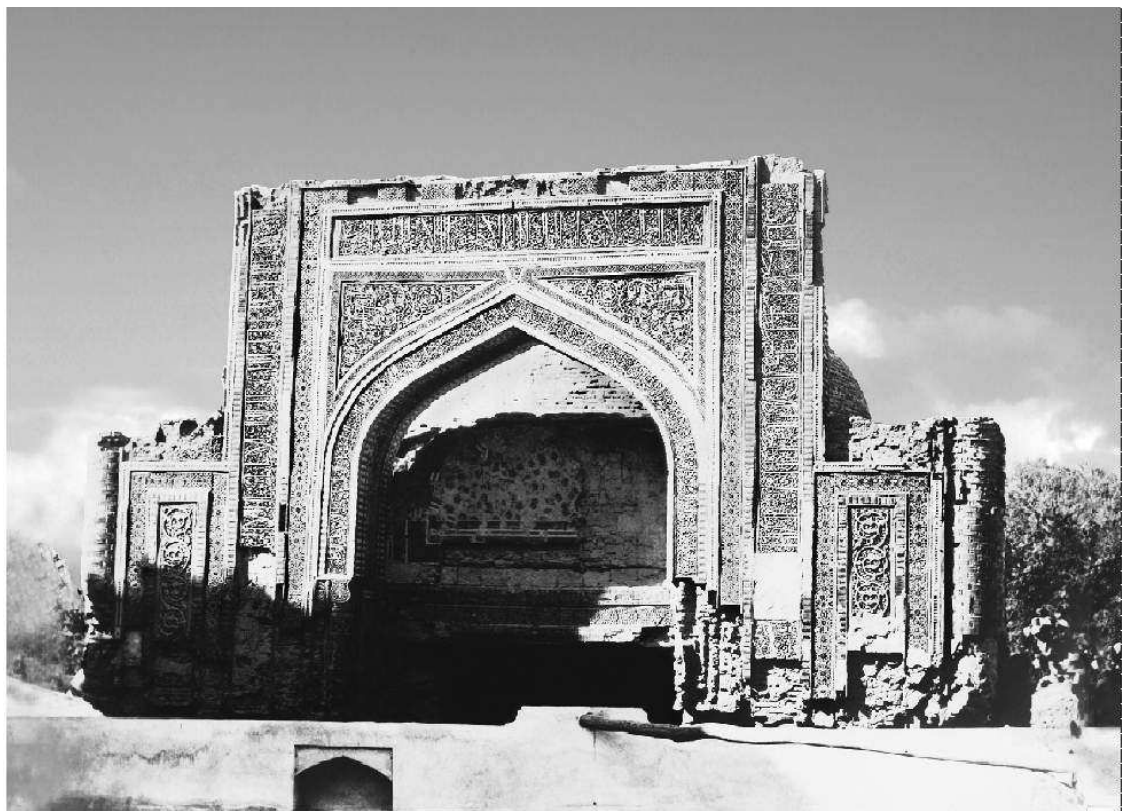

Обмер. (1952 г.)
 Mesurage. (1952)
 Measurement. (1952)

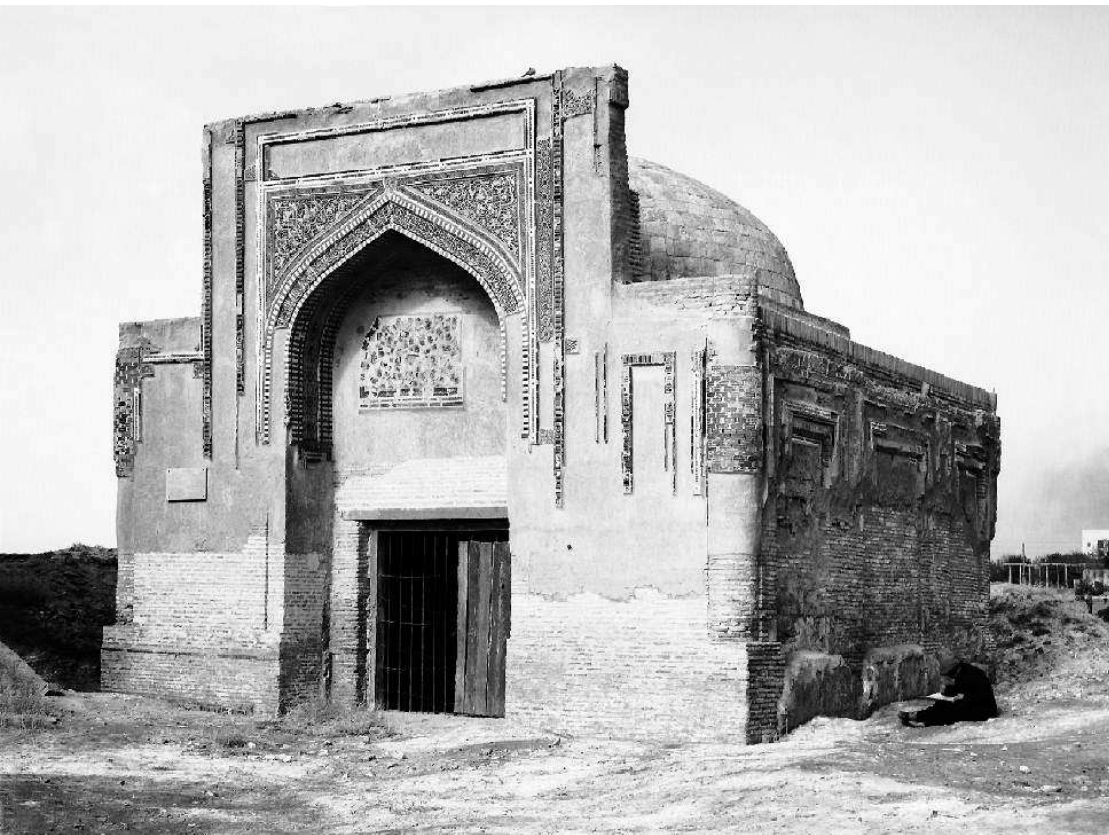

41, 42. Разрез запад – восток.
 41, 42. Coupe ouest – est
 41, 42. Section from west to east.

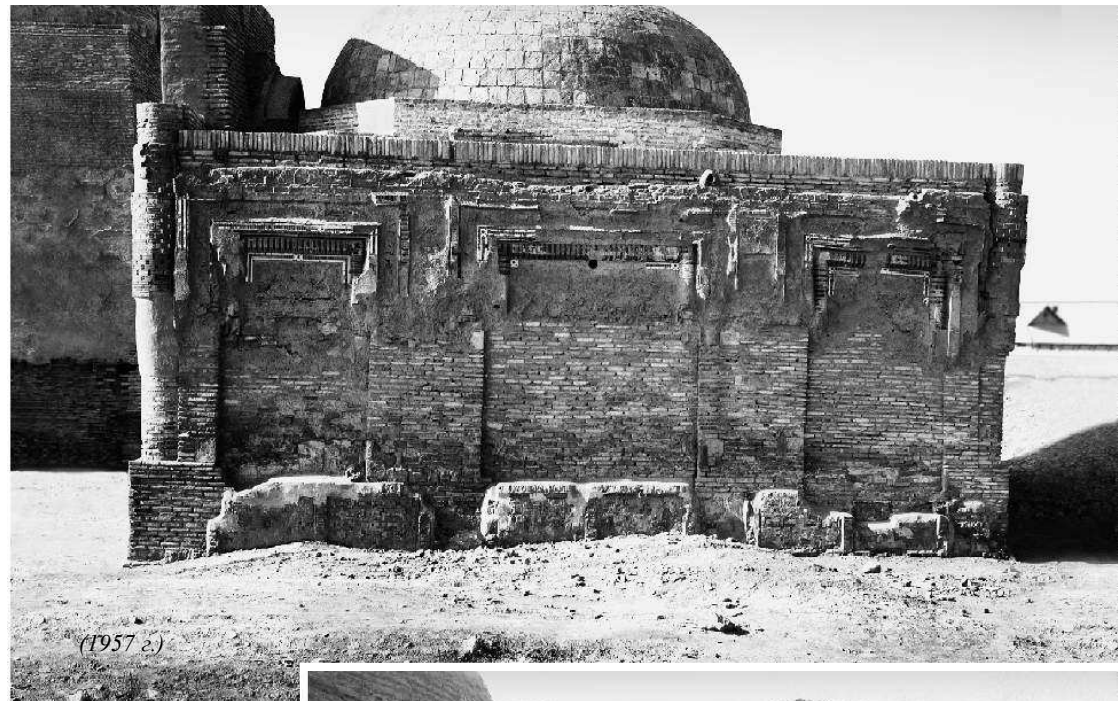
МАВЗОЛЕЙ БУЙАН-КУЛИ-ХАНА MAUSOLÉE DE BAYÂN QULI KHÂN BAYÂN QULI KHÂN MAUSOLEUM

43. Восточный фасад. (1890 г.)
 43. Façade est. (1890)
 43. Eastern façade. (1890)

44. Вид с северо-востока. (1957 г.)
 44. Vue depuis le nord-est. (1957)
 44. View from north-east. (1957)

Фрагменты
 западного панно.
 Fragments du
 panneau ouest.
 Fragments of the
 western panel.

45, 46. Северный фасад.
 45, 46. Façade nord.
 45, 46. Northern façade.

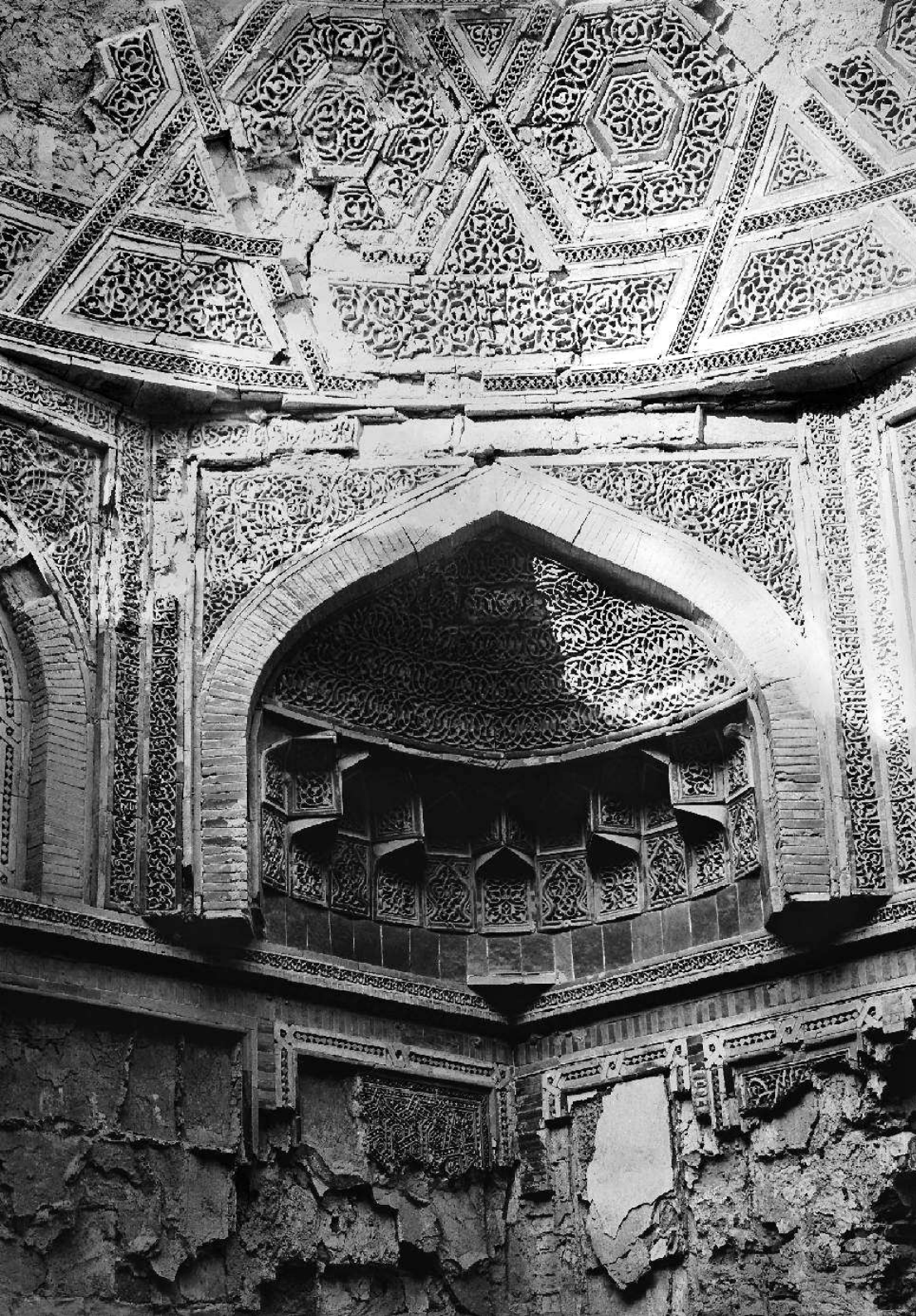
Фрагмент панели из
глазурованной терракоты.
Fragment du panneau en
terre cuite glaçurée.
Fragment of the glazed
terracotta slab.

47, 48. Западный фасад.
47, 48. Façade ouest.
47, 48. Western façade.

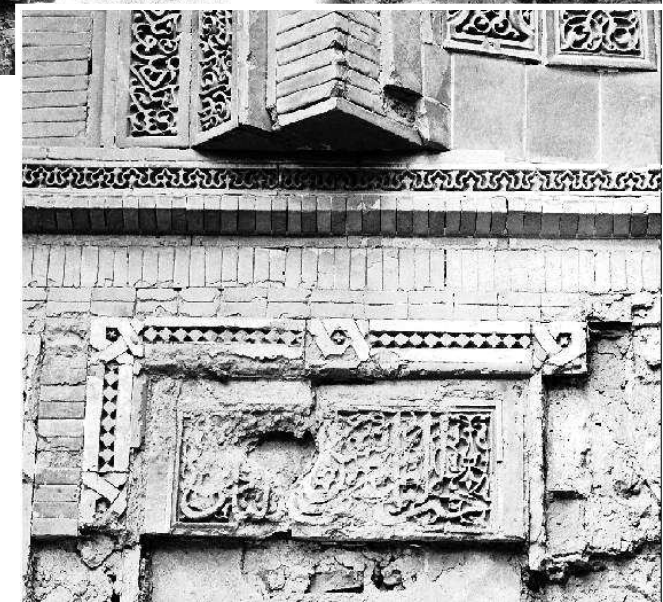
Западная часть.
Partie ouest.
Western part.

49, 50. Южный фасад.
49, 50. Façade sud.
49, 50. Southern façade.

Западная сторона.
Côté ouest.
Western side.

Фрагмент западной стены.
Fragment du mur ouest.
The fragment of the western
wall.

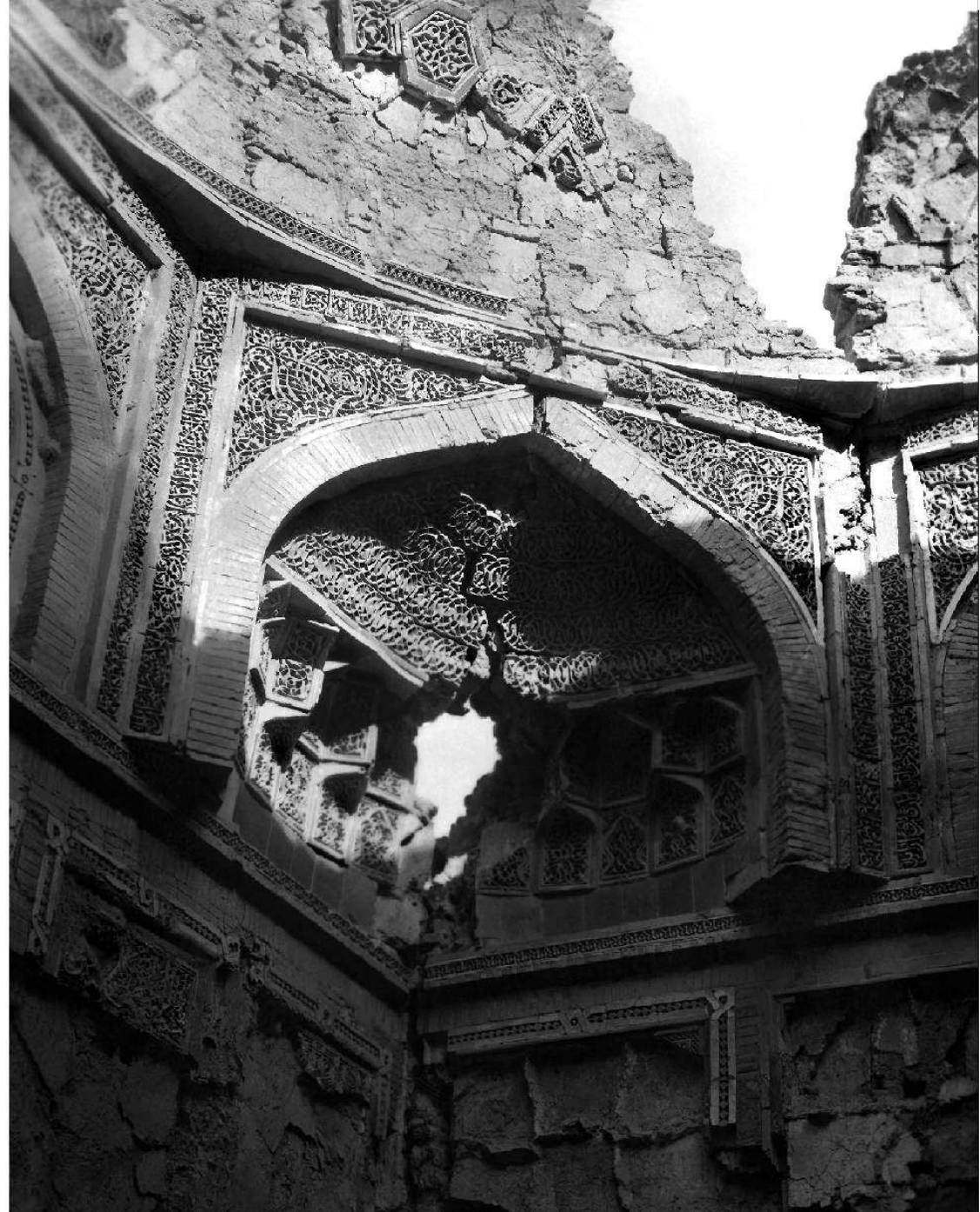

- ← Угловой троп и
основание купола.
- ← La trompe et le pied
de la coupole.
- ← The squinch and the
base of the dome.

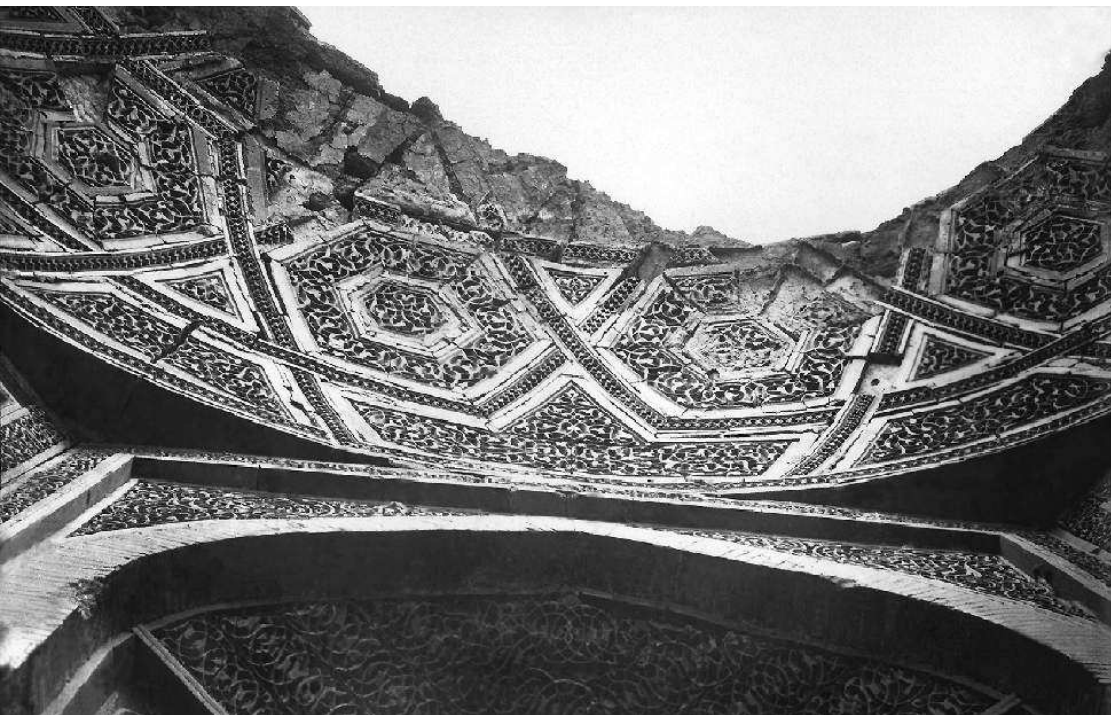
51, 52, 53. Интерьер зиарат-ханы.
51, 52, 53. Intérieur du ziyârat-khâna.
51, 52, 53. Interior of the ziyârat-khâna.

54. Интерьер зиарат-ханы. Фрагмент северной стены и яруса парусов.
 54. Intérieur du ziyârat-khâna. Fragment du mur nord et de la zone de transition.
 54. Interior of the ziyârat-khâna. Fragment of the northern wall and the transition zone.

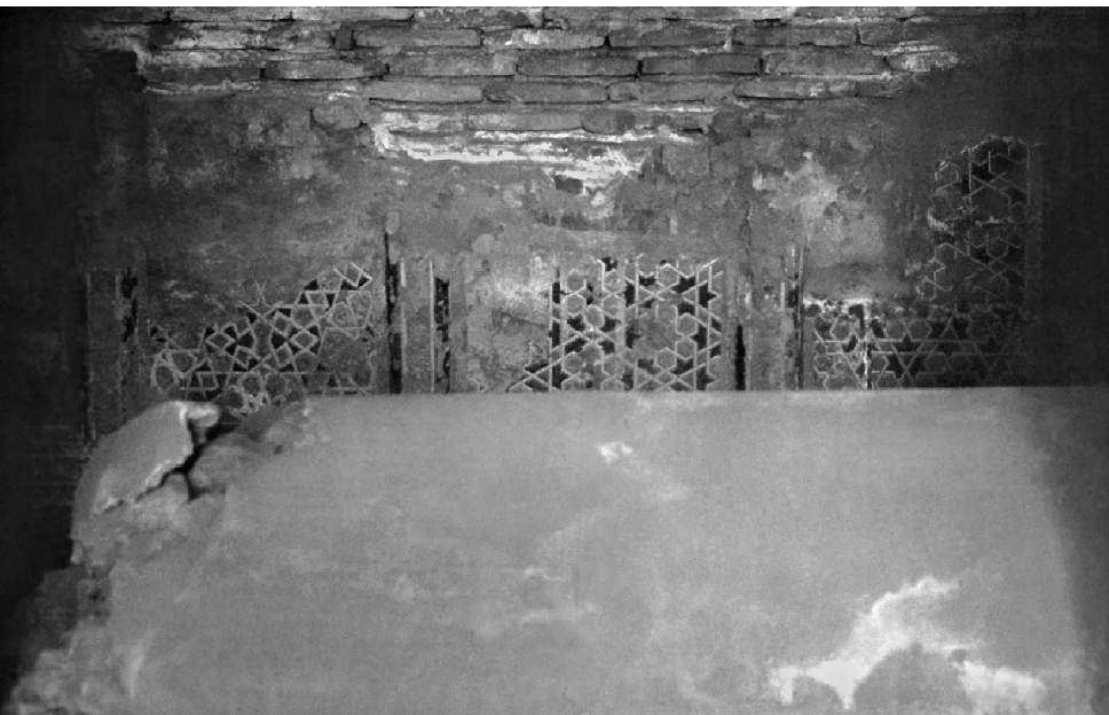
55. Интерьер зиарат-ханы. Северо-западный угол.
 55. Intérieur du ziyârat-khâna. L'angle nord-ouest.
 55. Interior of the ziyârat-khâna. The north-western angle.

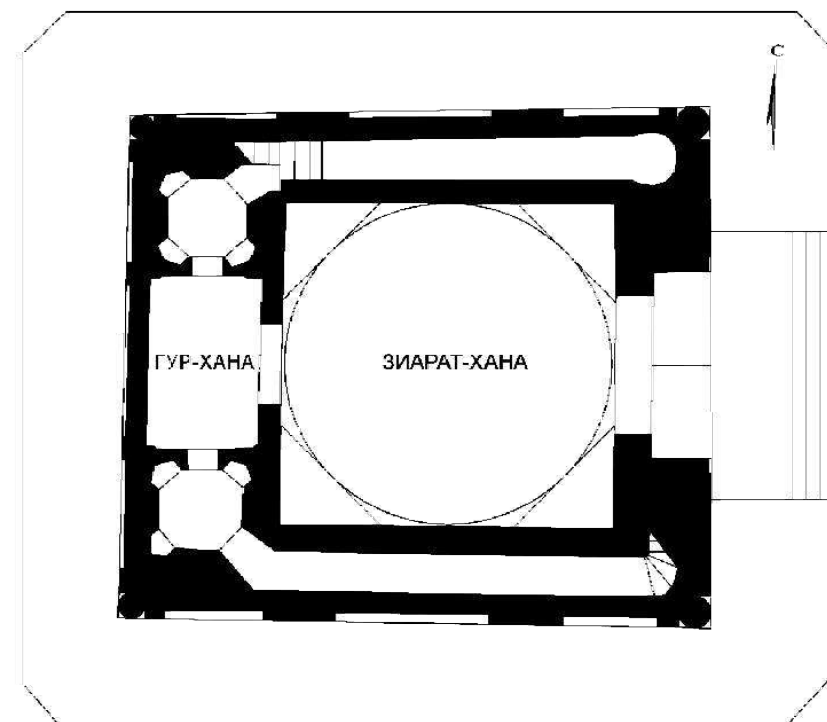
56. Интерьер зиарат-ханы. Юго-западная часть основания купола.
 56. Intérieur du ziyârat-khâna. La partie sud-ouest du pied de la coupole.
 56. Interior of the ziyârat-khâna. The south-western part of the dome base.

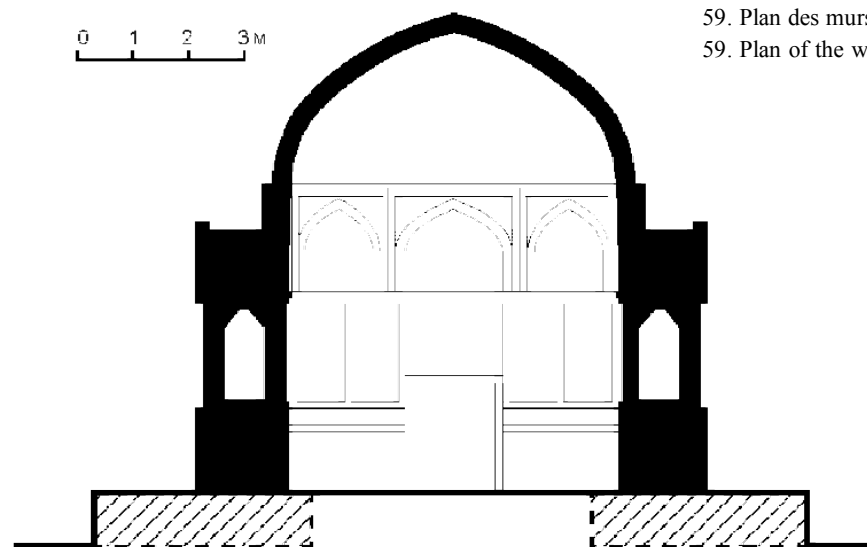
57. Интерьер гур-ханы. Намогильник.
 57. Intérieur du ziyârat-khâna. Cénotaphe.
 57. Interior of the ziyârat-khâna. Cenotaph.

58. Интерьер гур-ханы. Остатки панели.
 58. Intérieur du ziyârat-khâna. Vestiges du panneau.
 58. Interior of the ziyârat-khâna. Remnants of the panel.

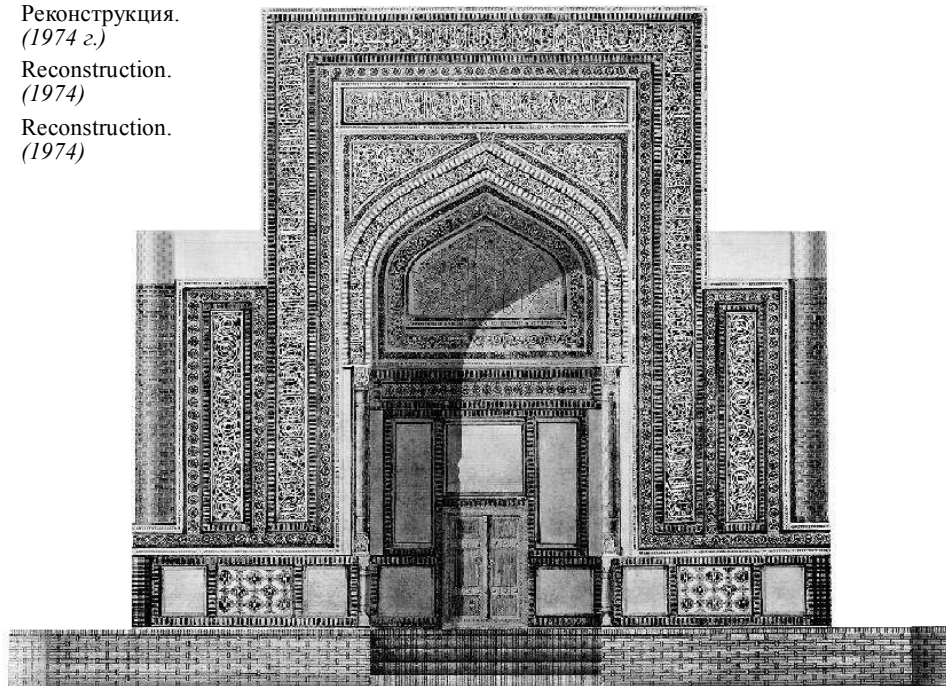

59. План стен.
 59. Plan des murs.
 59. Plan of the walls.

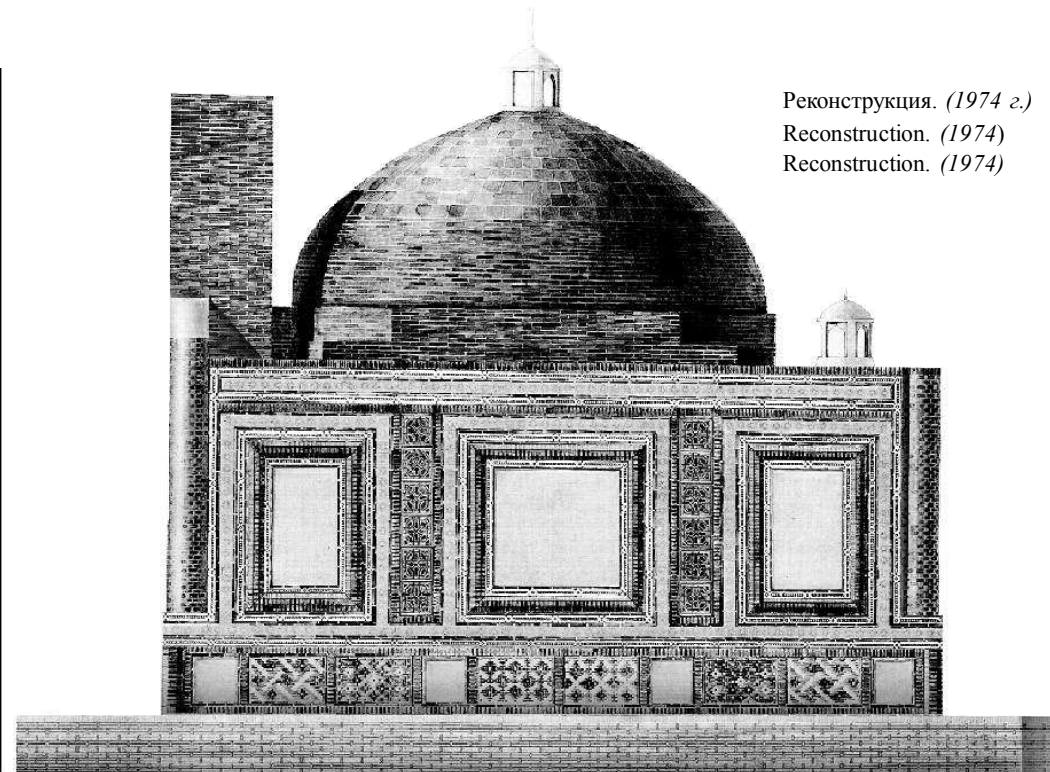

60. Разрез север – юг.
 60. Coupe nord – sud.
 60. Section from north to south.

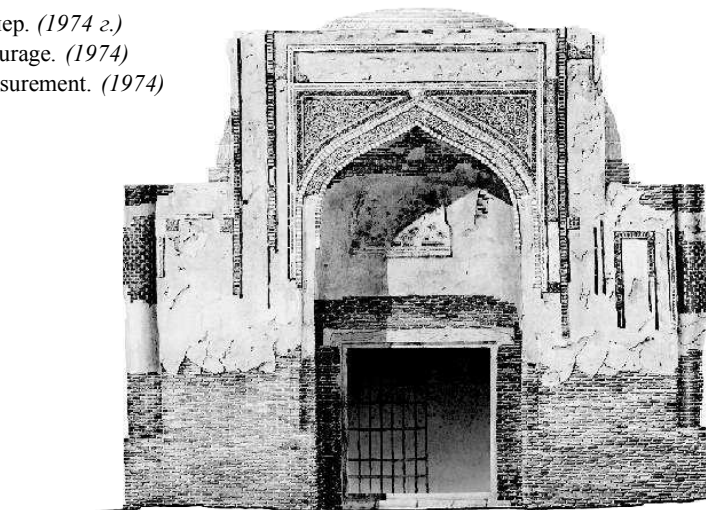
Реконструкция.
(1974 г.)
Reconstruction.
(1974)
Reconstruction.
(1974)

Реконструкция. (1974 г.)
Reconstruction. (1974)
Reconstruction. (1974)

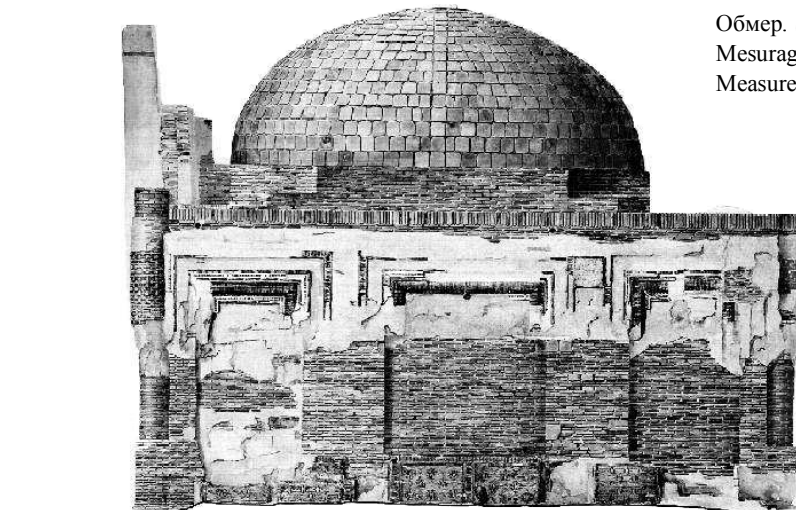

Обмер. (1974 г.)
Mesurage. (1974)
Measurement. (1974)

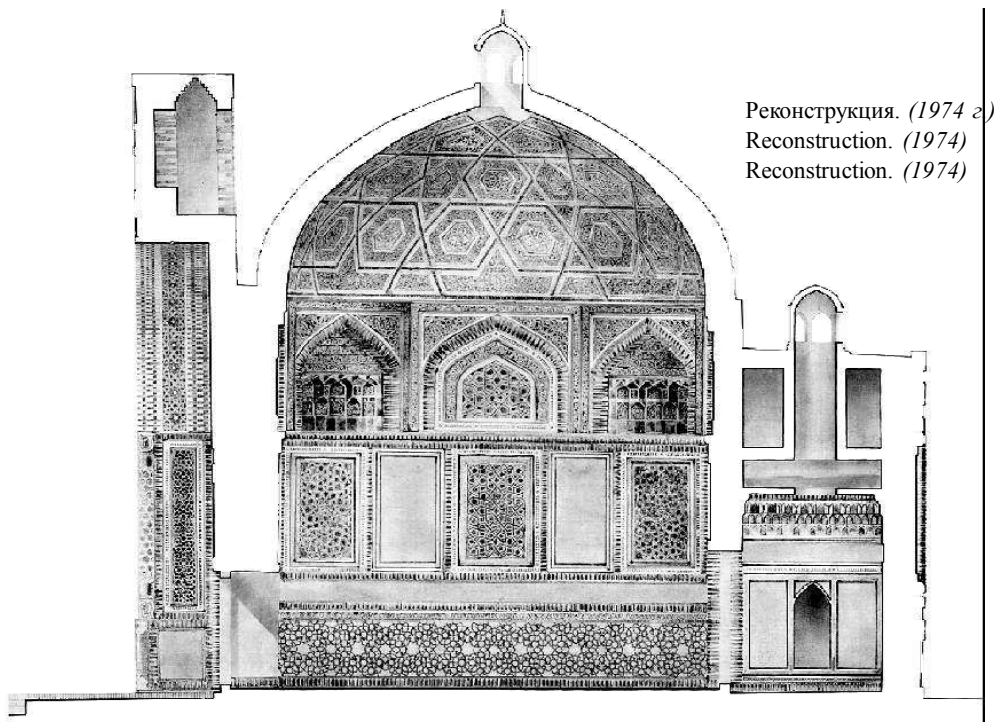

61, 62. Восточный фасад.
61,62. Façade est.
61,62. East façade.

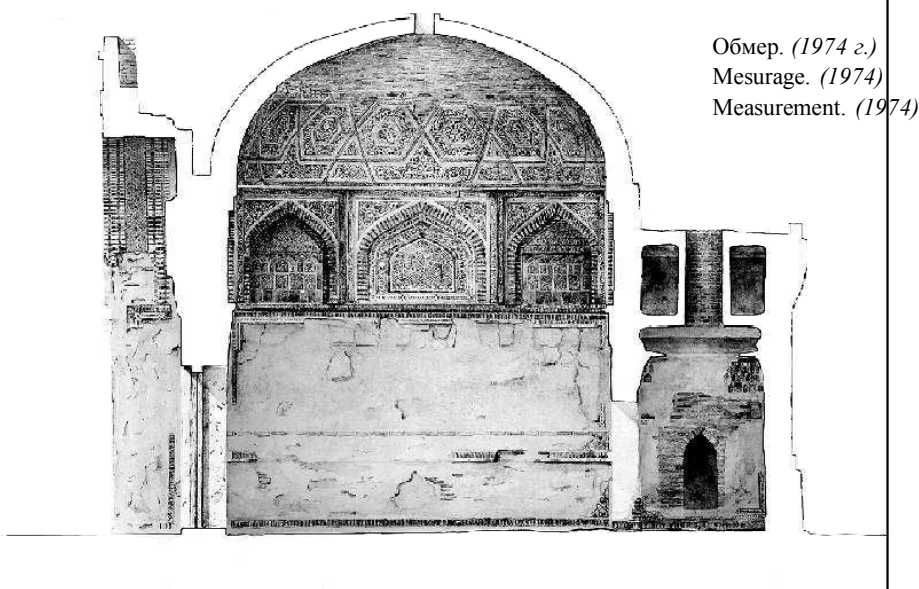
Обмер. (1974 г.)
Mesurage. (1974)
Measurement. (1974)

63, 64. Северный фасад.
63, 64. Façade nord
63, 64. North façade.

Реконструкция. (1974 г.)
Reconstruction. (1974)
Reconstruction. (1974)

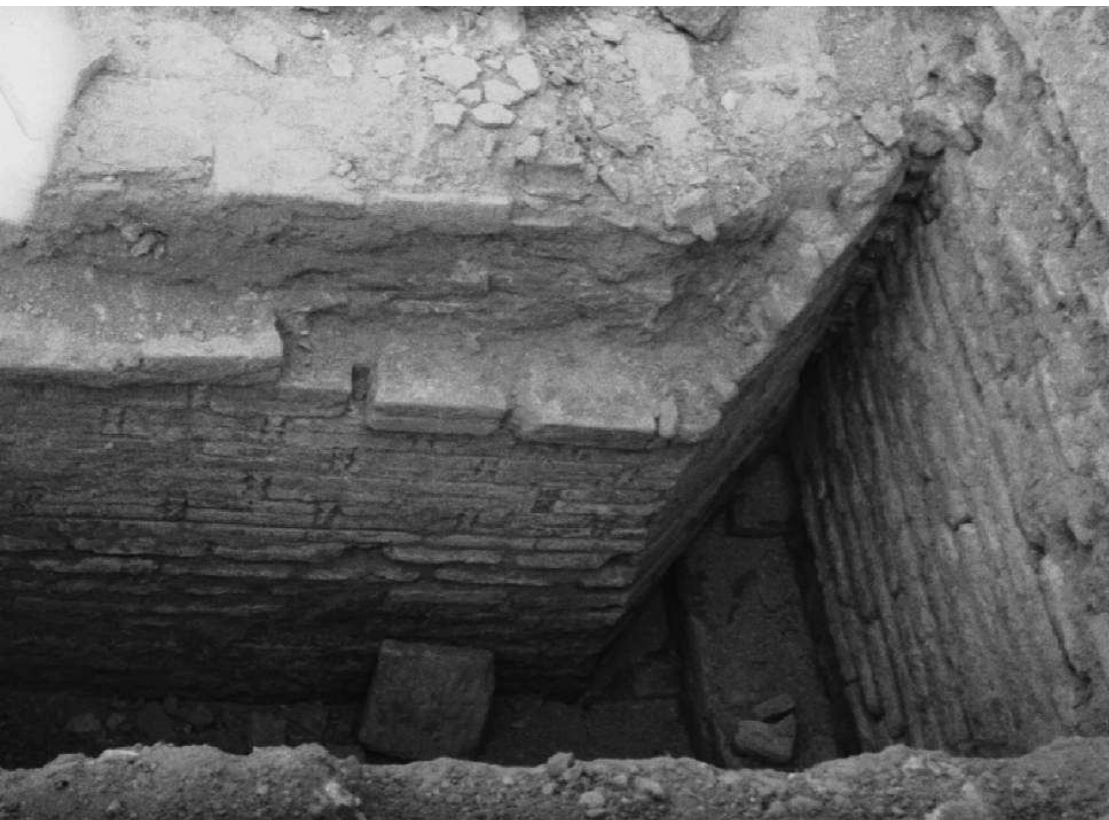

Обмер. (1974 г.)
Mesurage. (1974)
Measurement. (1974)

65, 66. Разрез восток – запад.
65, 66. Coupe est – ouest.
65, 66. Section from east to west.

67. Шурф № 8-а. Стык суфы мавзолея Буйан-Кули-хана с западной стеной мавзолея Сайф ад-Дина Бахарзи. Вид с запада. (1951 г.)
67. Sondage № 8-a. Point de jonction de la banquette du mausolée Bayân Quli khân et de la partie ouest du mausolée de Sayf ad-Dîn Bâkharzî. Vue depuis l'ouest. (1951)
67. Excavation № 8-a. Meeting point of the bank of the Bayân Quli khân mausoleum and of the western part of the Sayf ad-Dîn Bâkharzî mausoleum. View from the west. (1951)

68. Шурф № 8-а. Стык суфы мавзолея Буйан-Кули-хана с западной стеной мавзолея Сайф ад-Дина Бахарзи. Вид с юга. (1951 г.).
68. Sondage № 8-a. Point de jonction de la banquette du mausolée Bayân Quli khân et de la partie ouest du mausolée de Sayf ad-Dîn Bâkharzî. Vue depuis le sud. (1951)
68. Excavation № 8-a. Meeting point of the bank of the Bayân Quli khân mausoleum and of the western part of the Sayf ad-Dîn Bâkharzî mausoleum. View from the south. (1951)

ЛИТЕРАТУРА

- Абд ар-Рахман Джами.** Нафакат ал-унс мин хадаратил-кудс /Издатель—Махмуд Абиди. —Тихран, 1370 г. х.
- Акимушкин О. Ф.** Суфийские братства: сложный узел проблем, предисловие к книге // Тримингэм Дж. С. Суфийские ордены в исламе (пер. с англ.). — М., 1989.
- Акимушкин О. Ф.** Кубравийа // Ислам на территории бывшей Российской империи: Энциклопедия. — Вып. I. — М., 1999.
- Альмеев Р., Некрасова Е. Г.** Некрополь Чор-Бакр. — Бухара, 1996.
- Ата Малик ал-Джувайни.** Тарих-и Джахангушаи Джувайни. — Т. III. Издание Казвини, 1937.
- Ахмад ибн Махмуд Му'ин ал-Фукара.** Китаби Мулло-и зода. — Литогр. изд. Ново-Бухара (Каган), 1322 г. х. (1904) / Архив АОО “Таъмиршунослик” / Рукопись № 52. — Т., 1987 (перевод М. Рахимджанова).
- Бартольд В. В.** История культурной жизни Туркестана // Собр. соч.: В 9 т. — Т. II (1). — М., 1963.
- Бартольд В. В.** Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Собр. соч.: В 9 т. — Т. I. — М., 1963.
- Бартольд В. В.** Улугбеки его время // Собр. соч.: В 9 т. — Т. II (2). — М., 1963.
- Бертельс Е. Э.** Суфизм и суфийская литература. — М., 1965.
- Богодухов А. К., Мухитдинов А. Ф.** Исследование и реставрация комплекса мавзолеев Сайфеддина Бахарзи и Буян-Кули хана в Бухаре // САУ. — 1977. — № 4.
- Бретаницкий Л. С.** Зодчество Азербайджана XII–XV вв. — М., 1966.
- Брусенко Л. Г., Бурякова Э. Ю., Филанович М. И.** К истории сложения мусульманского кладбища в северной части Афрасиаба // Афрасиаб. — Вып. IV. — Т., 1971.
- Булатов М. С.** Мавзолей Саманидов — жемчужина архитектуры Средней Азии. — Т., 1976.
- Булатова В. А., Маньковская Л. Ю.** Памятники зодчества Ташкента XIV–XIX вв. — Т., 1983.
- Вактурская Н. Н., Вишневская О. А.** Памятники Хорезма эпохи великих Хорезмшахов (XII — начало XIII в.) // МХЭ. — Вып. I. — М., 1959.
- Воронина В. Л.** Каир. — Л., 1974.

- Воронина В. Л.** Средневековый город арабских стран. – М., 1991.
Всемирная история. – Т. 3. – М., 1957.
Всеобщая история архитектуры. – Т. 8. – М., 1969.
Гафуров Б. Г. Таджики. – Кн. 2. – Душанбе, 1989.
Гольдциер И. Культ святых в исламе. – М., 1938.
Денике Б. П. Архитектурный орнамент Средней Азии. – М.; Л., 1939.
Джумаев А. Ходжа Ахмад Яссави и духовная жизнь народов Центральной Азии // Тамыр. – Вып. 1 (3). – Алматы, 2001.
Джумаев А. Зикр в теории и практике Яссави и Ясавийа // Тамыр. – Вып. 2(4). – Алматы, 2001.
Джуракулов М., Некрасова Е. Г., Ходжайов Т. Позднесредневековые некрополи Бухары, как исторический источник. – Самарканд, 1991.
Засыпкин Б. Н. Архитектура Средней Азии. – М., 1948.
Ибрагимов Н. Ибн Баттута и его путешествие по Средней Азии. – М., 1988.
Ислам: Энциклопедический словарь. – М., 1991.
История народов Узбекистана. – Т. I. – Т., 1950.
История Узбекской ССР. – Т., 1974.
Кнорозов Ю. В. Мазар Шамун-наби // СЭ. – М., 1949. – № 2.
Кочнев Б. Д. Караханидский каганат // Очерки по истории государственности Узбекистана. – Т., 2001.
Литвинский Б. А., Зеймаль Т. И. Аджинатепе. – М., 1971.
Мавзолей Ишратхана: Монографический сборник под ред. М. Е. Массона. – Т., 1958.
Мавлюдов Р. Р. Ислам. – М., 1969.
Маньковская Л. Ю. Типологические основы зодчества Средней Азии (IX – начало XX в.). – Т., 1980.
Массон М. Е. Прошлое Бухары (историко-археологический очерк): Рукопись / Архив Глав. НПУ Министерства культуры Р. У. / № 125/М-3.
Массон М. Е., Пугаченкова Г. А. Гумбез Манаса. – М., 1950.
Массон М. Е., Горячева В. Д. Бурана. – Фрунзе, 1985.
Массэ А. Ислам. – М., 1961.
Мец А. Мусульманский Ренессанс. – М., 1966.
Мешкерис В. А. Музыкальная культура Средней Азии и ее наследие (бактрийско-тохаристанский вариант в свете археологических данных) // Изучение культурного наследия Востока. – СПб., 1999.
Мугалов О. Великий мыслитель Востока Сайфуддин Бахарзи // Эхо истории. – 2000. – № 1–2 (5–6).
Мухамеджанов А., Адылов Ш., Мирзаахмедов Д., Семенов Г. Городище Пайкенд. – Т., 1988.

- Некрасова Е. Г., Филимонов В. М.** Ханак в ансамбле Султан-Саодат // Краеведение Сурхандарьи. – Т., 1989.
Некрасова Е. Г. Къв-Биби // Ислам на территории бывшей Российской империи: Энциклопедический словарь. – Вып. III. – М., 2001.
Некрасова Е. Г. Термез и его памятники. – Т., 2001.
Немцева Н. Б. Научный отчет по археологическим исследованиям в 1951, 1954, 1963 гг. на мавзолее Сайфад Дина Бахарзи в Бухаре / Архив Глав. НПУ / № 2807. – Т., 1965.
Немцева Н. Б. Археология на службе изучения архитектурного наследия Узбекистана // САУ. – 1973. – № 7.
Немцева Н. Б., Шваб Ю. З. Ансамбль Шах-и-Зинда: Историко-архитектурный очерк. – Т., 1979.
Немцева Н. Б. Новая интерпретация так называемого мавзолея Казы-Заде Руми в ансамбле Шахи-Зинда // СА. – М., 1981. – № 4.
Немцева Н. Б. К вопросу о периодизации, датировке и функции Ходжа Машад в Саяте // Средневековая городская культура Казахстана и Средней Азии. – Алма-Ата, 1983.
Немцева Н. Б. Архитектурный комплекс на окраине Бухары // Культура Среднего Востока: Градостроительство и архитектура. – Т., 1989.
Немцева Н. Б. Многофункциональный мемориально-культовый комплекс Ходжа Машад // ОНУ. – 1995. – № 5–6–7–8.
Немцева Н. Б. Суфизм и архитектура мусульманского Востока // Тезисы международной конференции – “Генезис и пути развития процессов урбанизации Центральной Азии”. – Самарканд, 1995.
Немцева Н. Б. Еще раз о медресе Тамгач-Богр ахана в Самарканде // ОНУ. – 1996. – № 4–5.
Немцева Н. Б. К типологии ханака домонгольского времени // Тезисы докладов международной конференции – “История и культура Оша и Ошской области в домонгольскую эпоху”. – Ош, 1998.
Нильсен В. А. Монументальная архитектура Бухарского оазиса XI–XII вв. – Т., 1956.
Нусов В. Архитектура Киргизии с древнейших времен до наших дней. – Фрунзе, 1978.
Перегудова С. Я. Таш-Рабат. – Фрунзе, 1989.
Петрушевский И. П. Ислам в Иране в VII–XV вв. – Л., 1966.
Поляков С. П. Этническая история северо-западной Туркмении в средние века. – М., 1973.
Прибыткова А. М. Строительная культура Средней Азии IX–XII вв. – М., 1973.
Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И. Бухара (Узбекистан). – М., 1949.
Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И. Выдающиеся памятники архитектуры Узбекистана. – Т., 1958.

- Пугаченкова Г. А.** Пути развития архитектуры южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма // Труды ЮТАКЭ. – Т. VI. – М., 1958.
- Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И.** История искусств Узбекистана. – М., 1965.
- Пугаченкова Г. А.** Термез, Шахрисабз, Хива. – Л., 1976.
- Пугаченкова Г. А.** Бухарские ханака // Бухара и мировая культура. Вып. II. – 1994.
- Пурджавад Насруллах.** Коранические изыскания // Суфизм в Центральной Азии (зарубежные исследования): Сборник статей памяти Фритца Майера (1912–1908). – СПб., 2001.
- Путешествия Ибн Баттуты (арабский мир и Центральная Азия) / Перевод и комментарии Н. Ибрагимов и Т. Мухтарова. – Т., 1996.
- Ратия Ш. Е.** Мечеть Биби-Ханым. – М., 1950.
- Ремпель Л. И.** Архитектурный орнамент Узбекистана: История развития и теория построения. – Т., 1961.
- Ремпель Л. И.** Из истории градостроительства на Востоке (материалы по планировке старой Бухары) // Искусство зодчих Узбекистана. – Вып. I. – Т., 1962.
- Ртвеладзе Э. В.** Государство Газневидов // Очерки по истории государственности Узбекистана. – Т., 2001.
- Семенов А. А.** Материальные памятники иранской культуры в Средней Азии // Таджикистан, 1925.
- Сенигова Т. Н.** Культовые сооружения около мавзолея Ходжи Ахмеда Ясеви // Археологические исследования в Отраре. – Алма-Ата, 1977.
- Снесарев Г. П.** Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. – М., 1969.
- Стародуб Т. Х.** Средневековая архитектура, связанная с суфизмом: ханака, завия, такия // Суфизм в контексте мусульманской культуры. – М., 1989.
- Сузарева О. А.** Ислам в Узбекистане. – Т., 1960.
- Тримингэм Дж. С.** Суфийские ордены в исламе (перевод с англ., под ред. и с предисловием О. Ф. Ажимушкина). – М., 1989.
- Тронцкая А. Л.** Из прошлого каландаров и маддахов в Узбекистане // Домусульманские верования и обряды в Средней Азии. – М., 1975.
- Уралов А., Ахадов Р.** Архитектура ханака эпохи Темуридов // Тезисы конференции – “Амир Темур ва унинг дунё тарихи даги урни”. – Самарканд, 1996.
- Фон Кюгельген Анке.** Расцвет Накшбандийа - Муджаддийа в Средней Трансоксании с XVIII – до начала XIX в.: Опыт детективного расследования // Суфизм в Центральной Азии... – СПб., 2001.
- Хакимиязов Ж.** Общественно-культовые мемориальные сооружения Хорезма XII–XV вв.: Автореф. канд. дис. – Нукус, 1999.
- Халимов Н. Б.** Памятники Ургенча. – Ашхабад, 1991.

- Ханыков Н. В.** Описание Бухарского ханства. – СПб., 1843.
- Хисматулин А. А.** Исламский мистицизм и Хваджаган-Накшбандия // Мудрость суфиев (предисловие). – СПб., 2001.
- Хисматулин А. А.** От составителя // Суфизм в Центральной Азии... – СПб., 2001.
- Хмельницкий С.** Между арабами и итюрками. – Берлин–Рига, 1992.
- Хмельницкий С.** Между Саманидами и монголами. – Ч. I. – Берлин–Рига, 1996.
- Хмельницкий С.** Между Саманидами и монголами. – Ч. II. – Берлин–Рига, 1997.
- Чехович О. Д.** Бухарские документы XIV в. – Т., 1965.
- Чехович О. Д.** Бухарские документы XIV–XVI вв. – М., 1974.
- Чехович О. Д.** Бухарский вакф XIII в. – М., 1979.
- Шишкин В. А.** Архитектурные памятники Бухары. – Т., 1936.
- Штернберг Л. Я.** Первобытная религия. – Л., 1939.
- Юренин С. Н.** Отчет о раскопках в мавзолее Сайф ад-Дина Бахарзи / Архив Глав. Н. П. У. Министерства культуры Р. У. / № 324 Б. Ю. 69. – Т., 1954.
- Юсупова М. А.** Архитектура ханака эпохи Темуридов (к эволюции суфийских обителей Средней Азии) // ОНУ. – 1997. – № 3–4.
- Ягодин В. Н., Ходжаёв Т. К.** Некрополь древнего Миздахкана. – Т., 1970.
- Babajanov B.** Monuments épigraphiques de l'ensemble de Fathabada' Boukhara // Cahiers d'Asie Centrale – 7. – 1999.
- Blair Sh. S.** Ilkhanid Architecture and Society: an Analysis of the Endowment Deed of the Rab'-i Rashidi // Iran. – V. XXII. – London, 1984.
- Golombek L. and Wilber D.** The Timurid Architecture of Iran and Turan. – V. I–II. – New Jersey, 1988.
- Siroux M.** Caravanserais d'Iran. – Le Caire, 1949.
- Yusupova M.** L'évolution architecturale des courants soufis à l'époque timouride et post-timouride // Cahiers d'Asie Centrale. – 3–4. – 1997.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВИА – Всеобщая история архитектуры.

ГлавНПУ – Главное научно-производственное управление по охране, реставрации и консервации памятников культурного наследия Министерства по делам культуры Республики Узбекистан.

М. – Москва.

МХЭ – Материалы Хорезмской экспедиции.

ОНУ – Общественные науки в Узбекистане, журнал, Ташкент.

СА – Советская археология, журнал, Москва.

САУ – Строительство и архитектура Узбекистана, журнал, Ташкент.

СПб. – Санкт-Петербург.

СЭ – Советская этнография, журнал, Москва.

Т. – Ташкент.

Труды ЮТАКЭ – Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции, Ашхабад.

Résumé

Dans la partie sud-ouest de la ville de Boukhara, il y a deux monuments de l'architecture centrasiatique médiévale, datant des XIVe – XVe siècles. Il s'agit des mausolées de Sayf ad-Dîn Bâkharzî et du khan mongol Bayân Quli, qui faisaient alors partie de la communauté – *khânaqâh* soufie bien connue dans le monde musulman, fondée au XIIIe siècle par Sayf ad-Dîn Bâkharzî, cheikh de la confrérie de Qubraviyya (tarika ou ordre). Aux XIIIe – XVe siècles, les deux sépulcres qui existent actuellement ne représentaient qu'une petite partie d'un vaste ensemble de bâtiments de la *khânaqâh*, qui occupait un terrain d'environ 216 m en longueur comme en largeur. Il se situait près de Boukhara, dans la banlieue Fath-âbâd (à 1,5 km au sud-est de la porte de Karchi de la ville de Boukhara). Actuellement, à cet endroit s'élève un quartier d'immeubles d'habitation densément peuplé et doté d'une bonne infrastructure, Shark-2. L'ancien cimetière a été remplacé par un parc appelé Fath-âbâd.

La présente monographie traite de la formation et du fonctionnement de la *khânaqâh* soufie à Fath-âbâd. Elle a existé du début du XIIIe à la fin du XVIIIe siècles et joué un rôle important dans l'histoire de la culture et dans la vie spirituelle de la population locale. Il est à noter que les refuges des soufis, ou *khânaqâh*, sont très peu étudiés, et que les informations disponibles sont éparpillées. L'approche utilisée est surtout celle d'un architecte, ce qui conduit à des conclusions erronées sur la fonction de plusieurs monuments d'architecture centrasiatique. La question de la genèse des *khânaqâh*, de leur typologie et transformation n'est presque pas traitée.

Dans le présent ouvrage, à partir d'un grand nombre de renseignements, l'auteur analysera le processus d'évolution de la fonction et de la forme architecturale d'une *khânaqâh*, suite à l'évolution du courant soufi de l'islam qui a subi des mutations dans son contenu et sa forme tout au long de son existence.

Dans les années 20 du XIIIe siècle, époque de l'invasion mongole et de la création de la confrérie soufie près de Boukhara, ainsi que pendant plusieurs dizaines d'années qui ont suivi, les peuples d'Asie

centrale ont connu les années les plus difficiles de leur histoire, après la conquête arabe au début du VIIIe siècle. La première étape de la conquête mongole se caractérisait par la destruction de la culture, des villes et villages dans certains endroits, ainsi que par la dévastation de régions entières. Les différents territoires de l'Asie centrale, divisée en *oulous*, étaient gouvernés par les chamanes païens. À ce stade-là, l'islam n'avait plus le statut de religion d'État, ayant passé le relais aux *mazars* des saints, dont la propagation était liée à l'activité des cheikhs soufis et des derviches divers et variés (soufi en étant synonyme), ainsi qu'à la création d'un grand nombre de communautés soufies.

Sayf ad-Dīn Bākhari (1190–1261) ou bien “chaikh āl-ālam” était un célèbre philosophe soufi, ainsi qu'un poète - mystique et spécialiste de théologie. Il occupait également le poste de *mudarris* (professeur) de la medersa Khaniyya, datée du XIIIe siècle et située à Boukhara. Il suscitait le même respect auprès des milieux populaires et des autorités mongoles. Ce cheikh est né dans la région de Bakharz du Khorassan, il a fait ses études dans la medersa d'Herat et de Nichapour, ayant suivi un cursus ordinaire pour cette époque, composé de l'éducation religieuse et juridique. Il a fait un *hajj* à La Mecque et à Médine, et étudié le chef-d'œuvre de la législation islamique, l'ouvrage «al-Hidaya». Ensuite, il a déménagé dans le Khorezm afin de devenir un des élèves, peu nombreux, du très populaire cheikh Najm ad-Dīn Kubrā (1145–1221), créateur de l'école centrasiatique de mysticisme, la Kubraviyya. Au début du XIIIe siècle, le cheikh est venu à Boukhara et a créé la *khānaqāh* soufie de Fath-ābād. Ce cheikh y a vécu 40 ans, pour être enseveli en 1261 dans un sépulcre érigé spécialement pour lui.

D'après les résultats des fouilles archéologiques, le mausolée à deux coupes qui existe jusqu'à nos jours est construit à l'emplacement d'un ancien sépulcre datant soit de l'époque d'Amir Timour lui-même, soit de celle des premiers timourides, c'est à dire fin XIVe – première moitié du XVe siècles.

Sayf ad-Dīn Bākhari a rédigé de nombreux ouvrages classiques en arabe et en persan. Il a également participé à la propagation des idées d'al-Kubra à travers toute l'Asie centrale jusqu'aux frontières de la Chine.

Sous l'influence du cheikh, certains gouverneurs mongols se convertirent à l'islam (notamment Berke, khan de la Horde d'Or). Les émirs de Boukhara venaient lui rendre honneur sur sa tombe avant de monter sur le trône. Les musulmans le vénéraient jusqu'à nos jours.

Bayān Qulī khān était une marionnette des Mongols au Mawarannahr (*oulous* de Tchagataï), qui a gouverné en 1348 – 1358, sous le régime de l'émir turcique Kazagan, qui gérait lui-même son État. Il était soufi, héritier spirituel des descendants des «cheikhs āl-ālam». Il a probablement demandé à être enseveli auprès de la tombe du célèbre cheikh.

Au cours des études complexes des deux mausolées restants, datés des XIVe – XVe siècles, qui faisaient partie de ladite *khānaqāh* à Fath-ābād, l'auteur découvre une des particularités de la culture spirituelle de la population de l'Asie moyenne au Moyen Âge. Il reconstitue les étapes de l'existence de ce lieu de culte aux XIIIe – XVIIIe siècles. Il est également possible de conduire une analyse de l'architecture, de la structure et du décor des deux sépulcres conservés jusqu'à nos jours.

Le présent ouvrage récapitule les informations issues des sources bibliographiques (notamment le *waqf* du XIVe siècle, offert à une époque à la *khānaqāh*, traduit de l'arabe et publié par O. D. Tchekhovitch, orientaliste, ainsi que sur les informations du pèlerin marocain Ibn Battuta, ayant visité la *khānaqāh* dans les années 30 du XIVe siècle, et les notes écrites du célèbre orientaliste russe N. V. Khanykov, datées du XIXe siècle). Aussi, l'auteur avait puisé des renseignements dans les notes ethnographiques du début du XXe siècle par A. A. Semenov, de même que les résultats des études archéologiques, conduites par l'auteur dans les années 50–60 du XXe siècle sur le territoire de la *khānaqāh*, près des mausolées dans la partie sud-est de la ville de Boukhara.

Dans la première partie de la présente monographie, l'auteur fait la présentation générale de l'histoire de la région au Moyen Âge, en mentionnant le soufisme et son rôle dans la vie de la population locale. L'auteur décrit les pratiques religieuses des soufis, ainsi que les abris des pèlerins du monde musulman. Pour la première fois, les questions de la genèse et de l'évolution de types architecturaux des *khānaqāh* sont traitées dans une monographie. L'auteur considère toute la période de leur existence en Asie moyenne, ainsi que l'évolution de leur forme et structure, fonction de l'évolution de ce courant mystique lui-même. L'évolution des *khānaqāh* d'Asie moyenne à travers les différentes étapes de l'histoire représente un des principes du présent ouvrage qui n'ont jamais été traités dans les travaux des historiens et des architectes.

En analysant les informations issues des *waqf* du XIVe siècle, traduits et commentés par O. D. Tchekhovitch, orientaliste bien connu,

l'auteur reconstitue les étapes de construction de la *khānaqāh* de Fath-ābād. Il perçoit les aspects spirituels et éthiques de la vie quotidienne dans la *khānaqāh*, les principes de la morale des derviches, les aspects économiques et sociaux du fonctionnement de cette *khānaqāh*.

La seconde partie de la monographie traite de l'architecture de cet ensemble architectural, de sa structure et de sa décoration. L'auteur y cite la première publication et traduction par B. Babadjanov des informations ethnographiques concernant les deux mausolées de la *khānaqāh* qui ont été conservés jusqu'à nos jours. Ces informations concernent également la cérémonie funéraire qui a lieu dans le sépulcre du cheikh, qui faisait partie des traditions culturelles du Mawarān-nahr. Dans le présent ouvrage, l'auteur fait un essai d'identification des sépulcres découverts dans la *gūr-khāna* (crypte) aux informations contenues dans les sources bibliographiques, notamment le Kitob-i Mullo-zade, portant sur les personnages qui y sont ensevelis, c'est à dire le « cheikh āl-ālām » et ses descendants.

Le mausolée de Sayf ad-Dīn Bākhārzi est la base idéologique de la *khānaqāh* de Fath-ābād vénérée par les musulmans jusqu'à nos jours. C'est un bâtiment monumental très sobre à double coupole en brique, décoré à l'intérieur par des stalactites en plâtre, concentrés aux contours de la coupole. Le sépulcre du khan mongol représente un chef-d'œuvre de l'architecture centrasiatique du Moyen Âge. Le décor intérieur se caractérise par l'utilisation de céramiques, dont les motifs comportent les vers de Saadi calligraphiés.

Pour la première fois, les monuments architecturaux sont considérés dans tous leurs aspects, non seulement comme exemple de l'architecture médiévale. Dans le présent ouvrage, l'auteur considère également la conjoncture historique de l'époque en question.

Le présent ouvrage est le résultat d'une étude originale, dans laquelle l'auteur reconstitue le fonctionnement et la construction d'un des sanctuaires soufi largement connu en Orient musulman dans sa perspective historique, dès sa création près de Boukhara pendant la période du règne mongol dans la région (année 20 du XIIIe – première moitié du XIVe siècles) jusqu'au XVIIIe siècle.

Summary

In the south-eastern part of Bukhara city, there are two monuments of the Central Asian architecture of 14th – 15th centuries, the mausoleums of Sayf ad-Dīn Bākhārzi and of the Mongol Bayān Qulī khān, who were members of a *khānaqāh*, a Sufi community well-known in the Islamic world, created in 13th century by Sayf ad-Dīn Bākhārzi, the sheikh of the Kubraviyya brotherhood (*tariqa*, order). In 13th – 15th centuries, the two existing tombs were just a part of the vast complex of buildings of the *khānaqāh*, situated on the ground of about 216 x 216 meters, near Bukhara, in the Fath-ābād suburb (1,5 km to south-east from the Karshi gates of the city of Bukhara). At the first half of the 20th century, this part was a suburb of Bukhara city. At present, a new block, densely built and well supplied, called Sharq – 2. The place where the cemetery was situated is transformed into Fath-ābād garden.

The present monograph is dedicated to the history of creation and functioning of the Sufi *khānaqāh* in Fath-ābād, which existed from the beginning of the 13th till 18th century and played an important role in the cultural and spiritual history of the local people. We should notice that the Central Asian dwelling-places or *khānaqāh* are not studied well, and the information available is sparse and not generalized. The opinions about the *khānaqāh* are unilateral, because those monuments' architectural forms are the only considered, which guides to the wrong appreciation of the function of many architectural monuments of Central Asia. The questions of genesis, typology or transformations of the *khānaqāh* through the times were practically not treated.

In the present book, the author uses a wide fact material in order to analyze the process of the modification of the functions and architectural forms of *khānaqāh*, which depend directly of the stages of development of the most mystical current of Islam, i. e. the Sufism, which was also changing its content and form all through its existence.

The years 20 of the 13th century, epoch of the Mongol invasion, when the Sufi community was created near Bukhara, as well as the following decades, were the hardest period in the history of the peoples

of Central Asia after the conquest of this territory by the Arabs in the beginning of the 8th century. The result of the Mongol conquest at its first stage was in some cases a complete annihilation of any culture, destruction of cities and villages and devastation of waste regions. The government of the territories of the Central Asia, which was divided into *ulus*, was committed to the pagans – shamanists. At this time, Islam has lost its status of the State religion. The first role was then attributed to *mazar* (tombs) of saints. Those tombs were linked to the activity of the Sufi sheikhs and various dervishes (synonym to Sufi) and to the creation of the many Sufi communities.

Sayf ad-Dîn Bâkharzî (1190–1261), also called “sheikh âl-âlâm” was a well-known Sufi philosopher, poet, mystic and theologian. He occupied a position of *mudarris* (professor) at the medresse Hanîyya of 13th century in Boukhara, he was popular among local people and gained respect of the Mongol authorities. This sheikh was born in the Bakharz region of Khorassan, he studied at the medresses of Herat and Nishapur, where he got a religious and spiritual education. Then, he went to Mecca and Medina and studied “âl-Hidaya”, the chef d’oeuvre of the Muslim legislation. Later, he moved to Khorezm, and became one of the *murid* (disciple) of the popular sheikh Najm ad-Dîn Qubra (1145–1221), the founder of the Central Asian mystic school Qubravîyya. In the beginning of the 13th century, the abovementioned sheikh came to Bukhara and founded a Sufi *khânaqâh* in Fath-âbâd. He lived there 40 years and then he was buried in a crypt built especially for him.

The existing mausoleum with a double dome was erected in the location of the ancient tomb of Amir Timur or of one of the first Timurids in the first half of the 15th century, as shown by the archaeological excavations.

Sayf ad-Dîn Bâkharzî was the author of several classic works in Persian and Arab languages, he preached the ideas of al-Qubra all through the Central Asia until the borders of China.

Under the influence of the sheikh, some Mongol rulers adopted Islam (for example, Berke, a khan from the Golden Horde), the Bukharian emirs came to visit his tomb before their accession to the throne, and his name is respected till now in the Muslim societies.

Bayân Quli khan was a Mongols’ man of straw in Mawarannahr (*ulus* of Chagatay) in 1348–1358, under the rule of the Turkic emir Kazagan, who governed this territory by himself, in fact. He was also a

Sufi and the spiritual legatee of the descendants of the “sheikhs âl-âlâm”, and had apparently bequeathed to be buried near the tomb of the famous sheikh.

When analyzing the results of the complex study of the two mausoleums of 14th – 15th centuries that remain till now and were a part of the *khânaqâh* in Fath-âbâd, author can explore one of the aspects of the spiritual culture of the population of the medieval Central Asia. In the present book, author reconstitute the stages of the functioning of the abovementioned abode in 13th – 18th centuries, and consider questions related to the art of construction, analyzing its architectural aspects, structure and monumental decoration of the two remaining crypts.

The present book is based on the information found in the written sources (*waqf* of the 14th century, translated it from Arab language, published and offered to the *khânaqâh* by O. D. Chekhovich, well-known orientalist, information given by Ibn Battuta, pilgrim from Morocco who visited the *khânaqâh* in the 30s of the 14th century, the writings of the Russian orientalist N. V. Hanykov, in 19th century), as well as in the ethnographical notes written in the beginning of the 20th century by A. A. Semyonov and on the results of the archaeological studies made by the author in the 50s and 60s of the 20th century on the *khânaqâh*, near the mausoleums in the south-eastern part of the Bukhara city.

In the first half of the present monograph, there is general information about the country’s medieval history, notably about Sufism, its role in the life of the local people, the Sufi style of life and the pilgrims’ dwelling-places in the Muslim world. For the first time, author considers the genesis and evolution of the architectural types of *khânaqâh* all through the period of its existence in Central Asia, which architecture and structure changed accordingly to the evolution of the mystical current itself. The questions of transformation of the *khânaqâh* in Central Asia at the different stages of their history is one of the most important aspects, which are far from being analyzed in the architectural and historical research works.

Accordingly to the information from the *waqf* of the 14th century (translated and commented by the well-known orientalist O. D. Chekhovich), the author reconstitutes the stages of construction of the *khânaqâh* ensemble in Fath-âbâd, its ethic atmosphere and everyday life, the moral aspects of dervishes’ existence, as well as the social and economic aspects of the functioning of the Fath-âbâd *khânaqâh*.

The second part of the present book is dedicated to the architecture, the building structure and its décor, notably the epigraphic information, fully read and translated by B. Babadjanov, coming from the two mausoleums which remain on the *khânaqâh* territory in Fath-âbâd. Also, the author describes the memorial service in the sheikh's mausoleum, which is one of the aspects of the cultural tradition of Mawarannahr. He also tries to identify the crypts discovered in the gûr-khâna and compare the gathered information to those got from the written sources (Qitob-i Mullo Zade) about the persons buried inside, i. e. the "sheikh âl-âlâm" and his descendants.

The Sayf ad-Dîn Bâkharzî mausoleum is the ideological basis of the *khânaqâh* in Fath-âbâd, and it represents until now the place of Muslims' worship. It is a strictly monumental building with a double dome, with brick texture outside, and stalactites of plaster inside, under the vault of the dome. The crypt of the Mongol khan is a chef d'œuvre of the medieval architecture of Central Asia. It is a unique building of 14th century with luxury polychrome decoration made of ceramics. Its interior decoration's motifs include calligraphy of Saadi poetry.

For the first time, the historical buildings are considered not only as an example of the medieval architecture and its particularities, but also as a part of the historical conjuncture of its epoch.

The present monograph is an original study, based on the reconstitution in the historical past of the functioning and construction process of a Sufi dwelling-place which is well-known in the Oriental Muslim world. This Sufi abode was created near Bukhara in the epoch of the Mongol domination in this region (20s of the 13th – first half of the 14th centuries) and existed until the 18th century.

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора	5
Введение	9

Часть I

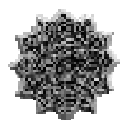
Проблема	21
Историко-культурный ракурс	26
Суфизм и ритуальная практика	34
Ханака	45
Ханака Средней Азии (типология, этапы трансформаций)	50
Ханака в Фатхабаде	71
Эпоха. Письменные данные	71
Окружение площади-ханаки	78
Застройка площади-ханаки	83
К типологии ханаки в Фатхабаде	86
Содержание и дух ханаки	88
Некоторые итоги	92

Часть II

Мемориальный комплекс в Фатхабаде	97
Мавзолей Сайф ад-Дина Бахарзи	97
Архитектура, конструкции, декор	97
К типологии мавзолея	103
Мавзолей Буйан-Кули-хана	106
Архитектура, конструкции	106
Декор памятника	111
Датировка мавзолеев Фатхабада	125
Погребальный обряд и надгробия мавзолея Сайф ад-Дина Бахарзи	128
Заключение	144
Иллюстрации	153
Литература	201
Список сокращений	206
Résumé	207
Summary	211

Нина Борисовна Немцева

ХАНАКА САЙФ АД-ДИНА БАХАРЗИ В БУХАРЕ
(К истории архитектурного комплекса)

Ответственный редактор Э.В. Ртвеладзе
Редактор Б.И. Кнопов
Художественный редактор С.Е. Соин
Компьютерный дизайн и верстка Р.Р. Тохтаев
Перевод на французский и английский А.А. Акимова, К.Ф. Кузьмин

В книге использованы:
слайды Р.Р. Тохтаева;
фотографии и чертежи из архива Главного научно-производственного
управления по охране, реставрации и консервации памятников культурного
наследия Министерства по делам культуры Республики Узбекистан; из личного
архива Н.Б. Немцевой, В.П. Телегина, М.К. Ахмедова.

Издательство «Бухоро» . Бухара, ул.И. Муминова, 27. Изд. № 53

Оригинал-макет изготовлен на базе технических средств
ООО «TARHVA MADANIYAT»

Подписано в печать 23.01.2003. Формат 60 x 90 1/16.
Усл. печ. л. 13,5 п. л. Тираж 1000 экз.
Отпечатано в типографии ООО «ARNAPRINT» . Ташкент, ул. Х. Байкаро, 51.

* ООО «ARNAPRINT» приносит свои извинения
за технический дефект в печати колонн и титулов.